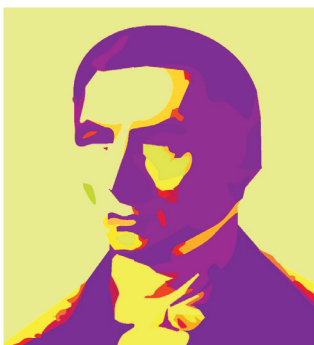

ПАВЕЛ УСАНОВ

от автора
бestsellera
«Наука
о богатстве»

РЕТРОСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПАВЕЛ УСАНОВ

РЕТРОСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

**от Древней Греции
до современности**

СТРАТА

Санкт-Петербург
2019

УДК 33
ББК 65.01
У74

Усанов П. В.

У74 Ретроспектива экономической мысли: от Древней Греции до современности / Павел Усанов. СПб.: Страта, 2019. — 302 с., илл.

ISBN 978-5-6041463-7-8

Эта книга — увлекательный рассказ о том, как зародилась экономическая мысль, как она изменялась на протяжении веков и что она собою представляет сейчас. Перед читателями проходят идеи знаменитых философов и экономистов: Лао-цзы, Аристотеля и Платона, Фомы Аквинского, А. Смита, К. Маркса, Дж. М. Кейнса и Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса, М. Ротбарда и других, не потерявшие своей актуальности и сейчас. Многие текущие экономические проблемы просто невозможно понять без обращения к истории идей.

Никогда еще углубление в мир экономических идей не было столь захватывающим.

Одна из целей книги состоит в том, чтобы показать альтернативу существующему мейнстриму, рассказать о том, что такое традиция свободного рынка и как на протяжении веков она боролась с традицией государственного регулирования экономики.

Книга будет особенно полезна тем, кто хочет расширить и углубить знания, полученные в бестселлере Павла Усанова «Наука о богатстве».

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

All rights reserved. No parts of this publication can be reproduced, sold or transmitted by any means without permission of the publisher.

УДК 33
ББК 65.01

ISBN 978-5-6041463-7-8

© Усанов П. В., 2018, текст
© ООО «Страта», 2019

«Ретроспектива экономической мысли» — это настоящий бриллиант в море публикаций по общественным наукам! Прекрасны и стиль, и содержание книги: читается легко и увлекательно. История экономической мысли человечества от древности до последних достижений австрийской школы экономики убедительно показывает нам, что главным составляющими успеха являются свобода и мир. Книга Павла Усанова — это великолепный учебник для студентов экономики и других общественных наук и прекрасный путеводитель по истории человеческой мысли для каждого пытливого ума. Я уверен, что она будет переведена на многие языки.

Юрий Мальцев
профессор экономики в Висконсине (США),
научный сотрудник Института Мизеса (США)

Книга представляет собой идеологически ангажированную историю экономической мысли, написанную с точки зрения австрийской школы. Ангажированность проявляется в том, что с данной точки зрения в истории выделяются правильные и неправильные экономические идеи. Это напоминает марксистские монографии на ту же тему, только герои и злодеи здесь совсем другие. Живо и легко написанная книга, охватывающая не только экономическую мысль, но и связанные с ней философию и право, будет особо интересна приверженцам австрийской школы, которые еще раз убедятся в своей правоте, и читателям, хорошо знакомым с историей экономической мысли, которые найдут в ней нестандартный взгляд на данный предмет.

Владимир Автономов
д. э. н., член-корреспондент РАН,
профессор Высшей школы экономики (Москва)

Окунулся в эту книгу и не смог оторваться: захватывающее повествование о великих умах и великих учениях, которые бились над тем, как лучше организовать нашу экономическую жизнь, со времен седой древности до наших дней. Вдвойне приятно, что ее автором является Павел Усанов — ученый, мастер слова и одновременно один из главных сторонников индивидуальной свободы в современной России. Очень хочется, чтобы эта книга стала учебником по истории экономических идей в российских вузах.

Андрей Знаменский
к. и. н., профессор Университета Мемфиса (США)

Павел Усанов умеет просто и популярно рассказывать о сложных вещах. Неслучайно его книга «Наука о богатстве» вызвала большой интерес читателей. И новая книга, посвященная анализу такой запутанной темы, как история экономических учений, тоже прекрасно написана. Изучив ее, читатель сможет не только познакомиться с крупными именами экономической науки, но и разобраться в том, что стоит за теми или иными научными школами.

Дмитрий Травин
Научный руководитель Центра исследований модернизации
Европейского университета (Санкт-Петербург)

Эта книга непременно вызовет споры и шквал критики. Известный российский экономист, приверженец австрийской школы бросает в ней вызов столь модному в наше время экономическому мейнстриму. Автор на примере истории экономической мысли, доведенной в изложении до наших дней, удалось показать, что экономическая теория не сводится к прикладной математике. Впечатляет концепция пилы, примененная к истории экономических учений. Нет бесконечного движения по восходящей, а есть взлеты и падения. Автор при этом не скрывает своей «предвзятости»: вывести из современного провала могут только идеи австрийской школы.

Андрей Заостровцев
к. э. н., профессор Высшей школы экономики (Санкт-Петербург)

Книг по истории экономической мысли написано много. Но книга Павла Усанова — особая. Радикальный, бескомпромиссный либертарианский взгляд автора позволяет под новым углом посмотреть на самые известные фигуры экономической науки. Павел Усанов судит персонажей своей книги безжалостно, без скидок на общие заблуждения эпохи. Достанется всем: от Адама Смита до Карла Маркса, от Джона Мейнарда Кейнса до представителей поведенческой экономики.

Не всем понравится такой непочтительный и критический взгляд на многие иконы экономической науки и такая последовательная либертарианская, «австрийская» позиция автора. Но чтение этой книги, безусловно будет полезно и интересно и тем, кто, как я, не во всем согласен с автором, потому что именно изучение и понимание разных точек зрения и является самым важным в изучении этой дисциплины.

Кроме того, эту книгу еще и просто интересно читать. Я, например, получил удовольствие от легкого, местами язвительного и чуть дон-кихотского стиля автора.

Фарид Хусаинов, к. э. н.

История человечества — это история идей. Сегодня мы живем в океане ложных идей о том, как работает экономика. Чтобы понимать, как мы оказались в этой ситуации и каков путь выхода из нее, нужно изучать, как менялись представления людей об экономической теории на протяжении тысячелетий. Вкупе со знаниями экономической теории, изложенными автором в «Науке о богатстве», история экономической мысли в его «Ретроспективе экономической мысли» плюс экономическая история человечества составляют триаду подлинно экономического знания.

*Евгений Романенко
предприимчиватель*

Новая книга Павла Усанова, безусловно, заставит обратить на себя внимание читателей, интересующихся экономикой и экономической наукой. В книге зачастую приводится оценка тех или иных экономистов вне исторического контекста представителями либертарианской политической философии или новой австрийской школы. Несмотря на то что Павел Усанов отказывается использовать абсолютистский или релятивистский подходы к рассмотрению истории экономической мысли, в конечном итоге его работа скорее принадлежит первому подходу, только несколько перестроенному. Вместо экономической теории мейнстрима точкой опоры выступает концепция власти и рынка, разработанная Мюрреем Ротбардом, сквозь призму которой автор и рассматривает интеллектуальную историю экономической науки. Несмотря на спорность подобной трактовки, книга в целом читается интересно, изобилуя большим количеством сопряженных с экономической мыслью легенд и историй. Согласитесь ли вы с автором? Для начала необходимо прочесть эту книгу.

*Григорий Баженов
к. э. н., доцент РЭУ им. Плеханова (Москва)*

Почему надо прочесть эту книгу?

Во-первых, знание истории мысли развивает системный взгляд и на экономическую теорию.

Во-вторых, множество примеров расширяет кругозор.

В-третьих, автору удалось в концентрированном виде показать суть развития учения об экономике сквозь призму извечного спора космоса и номоса, организованного и стихийного устройства мира, этатизма и свободы.

Легкий, понятный язык, внутренняя логика, убедительность аргументации.

Редко встречаются работы по истории мысли, написанные с позиций определенной школы — как правило, авторы пытаются соблюсти нейтральность, в нашем же случае всякий раз аргументация построена для доказательства разделяемых автором идей, что придает книге понятную направленность и позволяет проследить развитие идей субъективизма и либерализма от древних греков до Усанова. Приятного всем чтения!

*Александр Ковалёв
к. э. н., доцент Европейского гуманитарного университета (Литва)*

*Посвящается моим учителям
В. С. Лаповку и Ф. А. Хайеку*

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАК ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

Во время рождественских праздников хорошо читать книги, которые давно хотел прочесть, но все не мог найти на них время.

Один молодой человек в возрасте двадцати лет прочел на Рождество книгу, которая изменила его взгляд на мир и сделала его экономистом. Благодаря этой книге он не только стал иначе смотреть на экономические процессы, но и оказался лидером целого научного направления, идеи которого повлияли на политику многих стран мира.

Действие происходило в Вене в 1903 году. Молодого человека звали Людвиг фон Мизес. Прочтенная им книга называлась «Основания политической экономии», принадлежала она перу Карла Менгера, основателя австрийской экономической школы. До этой книги Мизес был сторонником государственного регулирования в экономике, он писал научные работы о методах регулирования экономики в стиле немецкой исторической школы, которая тогда господствовала. Книга Менгера изменила его жизненную траекторию. Он стал лидером школы, отстаивающей принципы невмешательства в свободный рынок.

В 1920-е годы он стал одним из наиболее влиятельных экономистов в Европе. Даже социалист Отто Бауэр вынужден был к нему прислушиваться. Когда в Австрии бушевала гиперинфляция, Бауэр хотел ввести регулирование цен. Мизес провел целую ночь в спорах с Бауэром и пытался доказать, что такое решение приведет к голоду в Вене. Бауэр не стал замораживать цены, но после этого перестал разговаривать с Мизесом.

Ученик Мизеса Фридрих Хайек получил в 1974 году Нобелевскую премию по экономике, он прославился своей книгой, разоблачающей социализм, — «Дорога к рабству». Когда в Англии премьер-министром стала Маргарет Тэтчер, она положила в парламенте на стол книгу Хайека и заявила: «Вот то, во что мы верим».

Но история началась тихим и снежным вечером на Рождество 1903 года в Вене, когда молодой человек прочел «правильную» книгу, являющуюся классикой в истории экономической мысли.

«Сделать из лимона лимонад»

Настоящая книга родилась в результате моего увольнения из Высшей школы экономики в 2015 году, чему я несказанно рад. У меня появилось свободное время, чтобы начать новый проект. Я решил, что таким проектом станет курс лекций по истории экономической мысли. Осталось выбрать название. Я прекрасно помню момент, когда это произошло, и место, где это произошло.

Это произошло в ресторане «Москва» в Санкт-Петербурге, который, кстати, находится в здании, где жила Айн Рэнд. Дмитрий Викторович Нефедов, профессор права, вместе с которым мы создавали Институт Хайека, выслушав несколько моих предложений по названию, сказал: «Конечно, “Ретроспектива экономической мысли”, какие могут быть сомнения?». Так я решил, что это наиболее подходящее название для книги, и теперь не могу представить другого.

Возможно, название было подсказано моей любовью смотреть ретроспективы классиков мирового кинематографа. Мы праздновали выпуск наших студентов, то, что меня избрали лучшим преподавателем, и факт увольнения из «Вышки»

за «ненаучность» моих работ. Сюжет похож на тот, что описан в этой книге в параграфе про «Совет Ньютона» и его деятельность.

Так что «я сделал из лимона лимонад» (как писал Дейл Карнеги) и предлагаю вам его попробовать!

Мое знакомство с историей экономических учений

Я познакомился с историей экономической мысли в 1999 году благодаря моему первому преподавателю экономики Владимиру Семеновичу Лаповку. Тогда же я прочел книгу Евгения Михайловича Майбурда «Введение в историю экономических учений», после чего стал знакомиться с оригинальными текстами выдающихся экономистов: от Смита до Самуэльсона, но когда прочел «Дорогу к рабству» Хайека, то понял, в каком направлении нужно двигаться. До сих пор **я считаю, что курс по истории экономической мысли сделал меня экономистом. Если можно так выразиться, изучение экономики через историю идей является «королевским путем» освоения экономической науки.**

Трилогия свободы

Эта книга является частью «Трилогии свободы», которая состоит из книг: «Наука о богатстве», «Будущее денег» и «Ретроспектива экономической мысли». Я рассматриваю экономическую науку как состоящую из трех частей: экономическая теория, экономическая история и история экономической мысли. «Наука о богатстве»¹ — это книга по экономической теории, «Ретроспектива экономической мысли» — по истории экономической мысли; мои работы по американской модернизации в Европейском университете² отчасти подготавливают проект книги по экономической истории. А «Будущее денег» — это книга как по истории денег, так и описание возможного их будущего.

Было бы нечестно с моей стороны скрывать факт (если

¹ Усанов П. В. Наука о богатстве. СПб.: Страта, 2017.

² Например: Усанов П. В. Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2018. https://eu.spb.ru/images/M_center/M_63_18.pdf; Усанов П. В. Великая депрессия и Новый курс в США: уроки для современности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2017. https://eu.spb.ru/images/M_center/M_56_17.pdf

вы об этом еще не догадались], что **я рассматриваю историю экономической мысли с точки зрения австрийской экономической школы**. Многие историки пытаются скрыть свои убеждения, от которых все равно никуда не денешься, так что лучше об этом заявить прямо и открыто.

Для кого написана эта книга

Эта книга написана для всех, кто интересуется экономическими проблемами (а кто ими сейчас не интересуется?). Она написана для тех, кто хочет разобраться в том, как формировалась на протяжении веков экономическая наука и что она собою представляет. Она для тех, кто хочет ознакомиться с идеями выдающихся умов всех времен и народов.

Любой гражданин должен быть знаком с историей экономической мысли, чтобы понимать свои собственные интересы. Если бы вас попросили выбрать из двух вариантов, что бы вы выбрали:

- Чтобы исчезли все экономисты на Земле?
- Чтобы исчезли все дворники на Земле?

Ответ очевиден. Правильно: **экономика может великолепно работать без экономистов**. Это, если угодно, один из ключевых уроков настоящей книги.

Беда в том, что хотя экономисты и не нужны для экономики, их разрушительные идеи могут уничтожить и пункт 1, и пункт 2, а могут погубить и саму цивилизацию. Причем, ничего не зная об экономике, тяжело отличить толкового экономиста от шарлатана. Для того чтобы их уметь отличать и не попадаться на удочку к экономистам-шарлатанам, и нужна история экономической мысли.

Истина проста, сложно избавиться от заблуждений. Но это дешевле, чем проверять ложные идеи на практике.

Чего я хочу от читателя

- Чтобы вы прочли эту книгу от корки до корки.
- Чтобы в результате прочтения вы сказали сами себе: «Черт побери, да это еще лучше, чем “Наука о богатстве”». Остальное бы я предпочел предоставить самому читателю.
- Да, главное: я хочу, чтобы вы получили от книги удовольствие и захотели прочесть ее снова. Поверьте, она того стоит!

ВВЕДЕНИЕ

*Лучшее, что дает нам история, —
это вызываемый ею энтузиазм.*

И. Гёте

*Следить за мыслями великого человека
есть наука самая занимательная.*

А. С. Пушкин

«Ретроспектива экономической мысли» — это своего рода история человеческого духа начиная с первых попыток осмыслить человеческую деятельность — и в особенности хозяйственную деятельность — вплоть до сегодняшнего дня. Это история, рассмотренная под определенным углом зрения, под углом зрения экономиста.

В биологии существуют такие понятия, как «онтогенез» и «филогенез», в XIX веке был сформулирован основной биогенетический закон, который называют еще законом Геккеля — Мюллера. Он гласит, что каждая особь при своем появлении на свет проходит через те же самые стадии, что и весь вид, что и все предки, которые до этого существовали. В школьных учебниках биологии это иллюстрируют прохождением человеческим эмбрионом стадии рыбы, различных видов животных и приобретением сходства с человеком лишь на девятом месяце. То есть эволюция челове-

ческого вида повторяется каждым человеком при рождении. Этот закон хорошо иллюстрирует ту значимость, которую имеет история мысли. Дело в том, что человек, живущий в начале XXI века, это, конечно же, человек, отличающийся от представителя *Homo sapiens* VI века до нашей эры по многим параметрам, и в том числе по интеллектуальному капиталу, который ему достается от предков. Нам приходится с этим считаться, хотим мы или нет. Поэтому в своем интеллектуальном развитии мы также вынуждены кратко повторить все то, чего достиг наш вид. Когда мы появляемся на свет, мы обречены пройти через все стадии интеллектуальных попыток осмысления деятельности (в том числе хозяйственной), и после этого мы можем сказать, что — образно — второй раз появились на свет. Первый раз мы рождаемся биологически, второй раз — культурно, или интеллектуально.

Исаак Ньютон в свое время говорил: «Я вижу дальше и шире, потому что стою на плечах гигантов, которые творили до меня». Эту мысль, достаточно актуальную для естественных наук, мы можем перенести на сферу наук о человеке. Здесь это также совершенно верно: и греческие философы, и средневековая мысль, и Адам Смит, и Давид Рикардо, и Людвиг фон Мизес дают нам некий интеллектуальный багаж, с помощью которого мы можем осмысливать реальность, — это своего рода интеллектуальный генофонд человечества, поскольку история мысли содержит все необходимые ингредиенты, которые возможно по-разному смешивать.

По сути дела, в начале XXI века в сфере наук о человеческой деятельности мы имеем законченные альтернативные системы политической экономии. Конечно, эти системы, видимо, будут совершенствоваться, но тем не менее в истории экономической мысли было практически все необходимое для современного исследователя, он неизбежно будет черпать свои идеи из прошлого, если не хочет изобретать велосипед.

Комбинации прошлого могут быть разными, отсюда и выводы, к которым мы придем, также окажутся разными. Мы увидим, как из этих ингредиентов создавались в прошлом различные системы, как их пытались реализовать на практике: в греческом полисе, в Римской империи, в условиях

английской промышленной революции, в XX веке при попытках построить социализм, при реформировании «социального государства» при Маргарет Тэтчер, при переходе к рыночной экономике в конце XX века.

Перед вами история человеческого духа, человеческой цивилизации, интеллектуальных попыток осмысления человеческой деятельности от древности до современного состояния на нескольких сотнях страниц — своего рода **краткое повторение в одной голове всей истории человеческого вида**. Вам предстоит пройти путь эволюции экономической мысли, который длился, правда, не несколько десятков тысячелетий, как в естественных науках, а всего лишь несколько веков, ведь экономическая теория началась в 1755 году, когда Ричард Кантильон опубликовал свой трактат. То, что было до этого, своего рода предыстория, правда, без нее обойтись также нельзя. Кристалл формируется в маточном растворе длительное время, так же и экономическая теория рождается из этических, философских и практических размышлений в течение примерно двух тысяч лет, начиная с древних даосов.

Это еще и педагогическая книга, ведь она посвящает вдумчивого читателя в «тайнства» экономики, она учит человека критическому мышлению по отношению к сложившимся стереотипам. Пройдя через «лабиринты» истории экономической мысли, вы, надеюсь, «убив Минотавра» невежества, обретете «золотое руно» экономического образа мышления, станете «посвященным».

Для этого вам потребуется прочесть книгу до конца.

Эта книга является логическим продолжением «Науки о богатстве», при этом ее можно читать как до, так и после нее. Если в «Науке о богатстве» речь шла об основных принципах современной экономической теории, то «Ретроспектива экономической мысли» описывает основные этапы эволюции экономической мысли. История экономической мысли является настоящей лабораторией для тех, кто занимается экономикой. Именно она показывает то, как зарождаются концепции, как они развиваются и как сталкиваются с критикой и с другими теориями.

Никто не может утверждать, что он разбирается в экономике, если не проработал наиболее важные классические

книги по экономической теории. «Домострой» Ксенофонта, «Никомахова этика» Аристотеля, «Сумма теологии» Фомы Аквинского, «Эссе о природе торговли» Р. Кантильона, «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, «Капитал» К. Маркса, «Основания политической экономии» Дж. С. Милля, «Основания политической экономии» К. Менгера, «Капитал и процент» О. фон Бём-Баверка, «Общая теория занятости процента и денег» Дж. М. Кейнса, «Дорога к рабству» Ф. фон Хайека, «Человеческая деятельность» Л. фон Мизеса, «Власть и рынок» М. Ротбарда, «Демократия: развенчанный бог» Г. Хоппе — все это книги, без которых невозможно представить эволюцию экономической мысли, невозможно самому овладеть экономическим образом мышления. Их прочтение и усвоение, а также критика — большой труд, и очень важно иметь хороший «навигатор» по истории экономических идей.

Настоящая книга призвана быть таким путеводителем. Перед вами пройдут идеи и концепции, лежащие в основе современной цивилизации, идеи и концепции, изменявшие мир.

В шутку я решил назвать курс лекций, который предшествовал этой книге, **«Ретроспектива экономической мысли: от Аристотеля до Усанова»**. И правда, было бы логично завершить историю экономической мысли на том, кто ее написал. Это сделано в «Науке о богатстве».

О ТОМ, КАК И ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

*Век рыцарства прошел. Наступил век
софистов, экономистов и счетных машин.*

Э. Берк

Зачем тратить время и силы на изучение идей давно умерших людей? — так спросил один исследователь об истории экономической мысли. — Не проще ли взять в руки современный учебник по микроэкономике, макроэкономике или эконометрике и не тратить время на чтение древних

фолиантов? Что, кроме любопытства, может заставить рыться в книгах, которые были написаны сотни лет назад?

Дело в том, что современная экономическая теория находится в кризисном положении, причем не в первый раз. Этот кризис связан со способностью экономистов выполнять ту функцию, которую они всегда раньше выполняли: объяснять устройство реального мира и того, как обеспечить рост благосостояния. Мировой кризис 2007–2009 годов вызвал шквал критики в адрес основного направления экономической мысли за нереалистичность ее предпосылок и абсурдность выводов, за ее бесполезность для понимания происходящих в реальности процессов, за неспособность предсказать сам кризис.

Как и всякое кризисное явление, кризис экономической теории вызывает споры о правильности выбранного ею пути, о необходимости пересмотреть основные положения. В такой ситуации история экономической мысли предоставляет нам огромный перечень альтернатив существующему основному течению. Эрудиция экономистов в истории их предмета приобретает первостепенное значение. Ведь невежество в истории экономической мысли приводит к сужению горизонта возможностей выбора экономической политики. Если сообщество экономистов оказывается не способным предложить альтернативу, то и выхода из кризиса не будет.

Эта проблема приобретает особую актуальность именно сегодня, ведь в ведущих университетах мира систематически уничтожаются курсы по истории экономической мысли, само знакомство с историей экономической мысли становится не просто факультативным, а нарушающим интересы академической карьеры современных экономистов. Ведь для карьеры им важны индексы цитирования, публикации и гранты, а углубление в мир прошлого не сулит этого. Гонка продолжается, и никому не приходит в голову вопрос: а куда мы, собственно, несемся? Не ждет ли нас тупик?

Дейдра Макклоски из Чикагского университета сетует на то, что современные экономисты ничего не знают об А. Смита, Дж. М. Кейнсе и других классиках экономической мысли:

«В 70 и 80-х годах в программах обучения раз за разом обрубались требования знакомства студентов с экономическим прошлым. Сама я в течение двенадцати лет ухитрялась

предотвращать такую экзекуцию в Чикагском университете. Как только я в раздражении ушла с кафедры, тамошние варвары послали преподавание экономической истории на гильотину. И с тех пор доктора экономики из Чикагского университета присоединились к таким же невеждам об экономическом прошлом в Миннесоте, Принстоне и Колумбии. Примерно в то же время почти все программы университетов Америки (мой прекрасный Гарвард гордо шел в первых рядах) отказывались от изучения истории самой экономической науки. Люди называют себя экономистами, не прочитав ни страницы из Адама Смита, Карла Маркса или Джона Мейнарда Кейнса»³.

Арьо Кламер в книге «Странная наука экономика»⁴ привел результаты опроса ведущих экономистов. Что нужно для успеха в экономическом сообществе? — так звучал вопрос. 97% ответили, что прекрасное знание математики «очень важно или умеренно важно», 86% считают, что для успеха необходимо умение налаживать отношения с выдающимися профессорами. Широкое знание литературы по экономике важно лишь для 10%, для 43% оно не важно.

Для 68% не важно глубокое знание экономики! Ничего удивительного, что к экономистам основного направления, оторвавшимся от реальности, относятся без доверия. Их мало что отличает от шарлатанов, при этом они продолжают быть экспертами и рекомендуют разрушительную политику. Подавляющее большинство экономистов основного направления является сторонниками этатизма в том или ином виде, себя же они видят либо чистыми теоретиками, либо социальными инженерами, которые должны разрабатывать для властей «оптимальные методы регулирования» экономики.

Тем не менее история экономических учений содержит достаточно материала для преодоления кризиса, надо просто захотеть его найти. Как говорил Дж. М. Кейнс: «Изучение истории идей с необходимостью предшествует освобождению мысли»⁵, не прошедший ее экономист является непригодным для будущего, рабом основного течения (мейнстрима).

³ Deirdre McCloskey. The Secret Sins of Economics. PRICKLY PARADIGM PRESS. CHICAGO, 2002. P. 29.

⁴ Кламер А. Странная наука экономика. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 86.

⁵ Кейнс Дж. Конец Laissez-Faire // Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 371.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История экономической мысли важна также для понимания истории цивилизации, ведь без знания законов практики и экономической теории немыслима современная цивилизация. Законы экономической теории являются одними из трех типов законов, на которых она основывается наравне с законами естественных наук и законами внутреннего мира человека.

Несомненно, за крупными событиями в истории человечества стоят идеи, концепции и теории. В истории совершенно невозможно обойтись без правила «Ищите книгу», которая лежала в основе перемен. «Богатство народов» А. Смита породило промышленную революцию в Англии, «Капитал» К. Маркса породил советский эксперимент XX века, «Дорога к рабству» Ф. фон Хайека породила реформы М. Тэтчер и российские реформы. К добру или к злу, но книги выдающихся экономистов способны породить «эффект бабочки», когда несколько сотен страниц меняют направление истории, судьбы миллионов и даже миллиардов людей! **Разве можно недооценивать то, какие идеи живут у нас в голове?** Ведь от этого зависит то, как мы будем действовать и что именно мы получим. В этой книге вы будете наблюдать то, как идеи влияли на историю экономики и политики; как та или иная концепция порождала хаос и разруху или порядок и процветание.

Людвиг фон Мизес писал: «Подлинная история человечества — это история идей. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы, производства и все, что называют экономическими условиями»⁶.

Премьер-министр Англии Р. Пилль испытал на себе огромное влияние идей А. Смита. Когда в Английский клуб зашел уже пожилой Адам Смит, где заседал кабинет правительства во главе с премьер-министром Р. Пиллем, все встали, и Адам Смит по профессорской своей привычке стал просить всех присаживаться. На что Пилль ответил: «Только после вас, профессор, ведь все мы здесь ваши ученики».

Идеи прогрессистов США повлияли на «Новый курс» Ф. Рузвельта и предопределили своими интервенционист-

⁶ Мизес Л. Теория и история. Челябинск: Социум, 2001. С. 136.

скими советами длительность и болезненность Великой депрессии. Джон Мейнард Кейнс не предложил ничего нового, он лишь выпустил в 1936 году знаменитую «Общую теорию занятости, процента и денег», которая оказалась просто апологией программ этатизации экономики Ф. Рузвельта.

Еще юной студенткой Оксфорда будущий премьер-министр Великобритании М. Тэтчер прочла «Дорогу к рабству» Ф. фон Хайека. Она признавалась, что эта книга и сами идеи Хайека оказали на ее мировоззрение решающее влияние. Приватизация, дерегулирование, ограничение всемогущества профсоюзов и победа над инфляцией были бы невозможны без такого влияния.

Поведенческая экономика, за которую Р. Талер получил Нобелевскую премию по экономике в 2017 году, повлияла на администрацию Б. Обамы при проведении им реформы Obamacare. Администрации США и Великобритании использовали идею «наджа» для проведения политики «либертарианского патернализма». Ипотечный кризис породил потребность в обосновании программы национализации и денежных вливаний, так появились работы Дж. Стиглица и П. Кругмана. Благодаря последним стал звездой экономики Т. Пикетти и его книга «Капитал в XXI веке».

Исследование взаимного влияния идей и политики является увлекательным занятием и позволяет многое понять как в прошлом, так и в настоящем.

Ошибки теоретиков являются источником практических проблем. России пришлось 70 лет расхлебывать ошибки в экономической теории. Гиперинфляция 1921–1923 годов в Веймарской республике была следствием ошибочной теории денег главы Рейхсбанка Р. Гавенштейна; stagфляция 1970-х годов — следствием ошибок в кейнсианской теории; проблемы реформирования российской экономики 1990-х — следствием ошибок экономистов-реформаторов; ипотечный кризис 2007–2009 годов — следствием теории эластичного предложения денег. Кризису шведской модели социализма предшествовали идеи Г. Мюрдалля и других теоретиков «социального государства». Лучше знать ошибки прошлого, чем повторять их вновь и вновь.

В своем фундаментальном трехтомнике 1954 года «История экономического анализа» Й. Шумпетер перечислил три

причины, по которым нам стоит изучать историю экономической мысли⁷:

1. Педагогическая причина

Дело в том, что для усвоения нового знания эффективнее всего двигаться от простого к сложному. Так и развивалась экономическая мысль: от интуитивно каждому понятных проблем до развитой теории человеческой деятельности, свободного рынка и интервенционизма. Причем экономическая мысль часто топталась на месте и даже регрессировала. Изучение тупиковых ветвей теории позволяет защититься от самостоятельных ошибок. Экономисты прошлого всегда начинали изложение своей теории с рассмотрения истории экономической мысли, это позволяло увидеть процесс научного творчества в динамике.

2. Рождение новых идей

Джеймс Бьюкенен открыл теорию общественного выбора, изучая малоизвестных итальянских экономистов XIX века школы общественных финансов. Людвиг фон Мизес использовал теорию К. Висселля о кумулятивном процессе при разработке теории экономического цикла. Идея спонтанного порядка Ф. фон Хайека была подсказана ему работами средневековых экономистов Испании — Саламанкской школы. Мюррей Ротбард предложил идею конкуренции частных охранных агентств, продолжая идеи Г. Молинари. Чтение и изучение истории экономической мысли может быть в высшей степени плодотворным, так как обнаружение новых или хорошо забытых старых идей открывает возможности для оригинальной постановки вопроса или даже для «открытия».

3. Понимание логики человеческой мысли

Ученый, особенно имеющий естественнонаучный бэкграунд, склонен переоценивать свои возможности прогнозирования, когда берется за экономическую теорию. Пагубная самонадеянность — неразлучный спутник сциентизма. Злоупотребление разумом в процессе регулирования социальных процессов породило множество наукообразных утопий, которые на практике всегда приводили к краху. Знание о таких попытках позволяет более трезво смотреть на то, что может и что не может экономист. Как говорил Ф. фон

⁷ Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 4–7.

Хайек, «главная задача экономической теории состоит в том, чтобы продемонстрировать нам, как мало мы знаем о том, чем пытаемся управлять». Такую же роль играет и история экономической мысли.

Кроме того, у экономической науки есть особенность: в ней не очевиден прогресс, фактор идеологии играл — и по всей видимости будет играть — большую роль в том, какие идеи и школы имеют наибольшее влияние на экономическую политику и на общественное мнение. Более сильные школы в институциональном и финансовом отношении — это вовсе не обязательно школы, обладающие лучшими теориями.

Как говорил Поль Валери, «я беру перо для будущего моей мысли, а не для прошлого ее». Для истории экономической мысли это крайне актуальное высказывание. История мысли позволяет отобрать наиболее ценное из идей прошлого, но не просто для того, чтобы таскать на своей спине мешок с умными цитатами, а чтобы продемонстрировать возможности экономической теории будущего. Поэтому все четырнадцать глав книги — это фундамент для книги «Наука о богатстве».

КАК ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ?

Существует два наиболее распространенных подхода к исследованию истории экономической мысли: абсолютистский и релятивистский. Наиболее ярким представителем первого является Марк Блауг и его книга «Экономическая теория в ретроспективе», самым известным представителем второго можно считать П. Фейерабенда и его методологический анархизм.

Абсолютистский подход состоит в том, чтобы оценивать идеи писателей прошлого по критериям современной экономической теории, по критериям основного течения экономики (мейнстрима). Все, что противоречит поступательному движению к итоговому состоянию, должно быть отвергнуто. Интерес представляет лишь то, что демонстрирует первоисточки современной концепции. Экономическая

теория для абсолютистов не совершает откатов, она уверенно движется к современному состоянию. Следует признать, что при таком подходе в истории экономической мысли нет большого смысла, ведь она не может дать ничего больше, чем дает современный учебник по экономической теории. История мыслится в гегелевском ключе как линейный процесс движения от примитивной теории к полностью завершенной на данный момент. Об этом говорил Гегель в лекциях по истории философии в 1817 году:

«Настала в мире новая эпоха. Мировому духу, по-видимому, удалось теперь сбросить с себя всякую чуждую, предметную сущность и постигнуть себя наконец как абсолютного духа... история философии, и эта история, по-видимому, доходит до своей цели... Это — точка зрения нашего времени, и ряд духовных формаций этим теперь завершен.

Общим выводом из истории философии является, во-первых, что во все времена существовала только одна философия, одновременные расхождения которой составляют необходимые стороны единого принципа; второй вывод заключается в том, что последовательность философских систем не случайна, а представляет собою необходимую последовательность ступеней этой науки; третий вывод заключается в том, что последняя философия данной эпохи представляет собою результат этого развития, его истину, воплощенную в том высшем образе, который сообщает себе самосознание духа о себе. Последняя философия содержит поэтому в себе предыдущие, включает в себя все предшествующие ступени, есть продукт и результат всех прежних философий»⁸.

Эти слова относятся не только к истории философии, но и к истории всех наук. Современная экономическая теория — это вершина эволюции и конечная точка, все остальное — в лучшем случае галерея заблуждений. Доведение до логического итога этой позиции должно привести нас к тому, о чем выше писала Д. Макклоски, — к процессу систематического уничтожения истории экономической мысли в качестве академической дисциплины, итогом чего становится полное невежество современных экономистов во всем, что не есть мейнстрим. Интеллектуальная ограниченность становится важной компетенцией, возвращаемой на экономических факультетах университетов.

⁸ Гегель Г. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2001. Т. 3. С. 570–571.

Противоположный подход, который можно назвать «пост-модернистским», состоит в фактическом приравнивании ценности научного исследования и черной магии или мифологии. Все это — различные виды дискурса, никак не пересекающиеся друг с другом. Нет разницы между пустословием и строго научным текстом. При таком подходе нельзя говорить ни о каком прогрессе в науке, каждая стадия самоценна и самодостаточна⁹. Нагромождение бессмысленных текстов и бессвязной аргументации уничтожает всякую историю науки. Удивительно, что, хотя эти два подхода нажуются абсолютно противоположными, характерной особенностью их обоих является неприятие капитализма. Если абсолютисты хотят сделать из экономики физику, на основе количественных методов предсказывать будущее и исправлять поведение людей в соответствии со своими представлениями о правильном, то релятивисты считают капитализм «фашизоидным», рынок заставляет считаться с законами логики и человеческой деятельности, что раздражает гуманитариев, которые видят в капитализме машину эксплуатации и порождения симулякров.

НЕ МЕЛИОРИЗМ, А ПИЛА

Однако подход, который предлагается в этой книге, далек от двух вышеназванных. С моей точки зрения, история экономической мысли не представляет собой восходящую линию, скорее она похожа на пилу. Периодически происходит движение вверх, но часто наблюдается регресс. Нет никакого неизбежного исторического прогресса¹⁰.

Это означает, что современная экономическая теория не является высшей стадией развития, а может быть всего лишь очередным периодом регресса, преодолеть который можно за счет обращения к истории идей. Историк смотрит

⁹ Уолтер Вайскопф в 1955 году выпустил книгу «Психология экономики», где полагает, что все экономические концепции с древности до современного состояния можно объяснить психоанализом. У. Петти говорил, что «земля — это мать, а труд — отец богатства», У. Вайскопф поясняет: «Мужской фактор — единственно плодотворный у У. Петти, и, конечно же, что можно было ожидать от экономиста патриархальной эпохи». См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 5.

¹⁰ См.: Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли. М.: Высшая школа экономики, 2018.

в прошлое так же, как предприниматель в будущее: он пытается найти наиболее ценную комбинацию идей, которая порождает «прибыль». Он проявляет то, что И. Нирцнер называет алертностью, т. е. способностью проявлять бдительность к идеям, которые могут принести в будущем плоды.

Историк, как говорил Шлегель, это «пророк, глядящий вспять».

МАЯТНИК УСАНОВА

В этой книге история экономической мысли изображается как борьба двух основных школ: школы, тяготеющей к свободному рынку (индивидуализм), и школы, тяготеющей к государству (коллективизм).

В книге «От пророков до профессоров» Е. М. Майбурд писал в 1996 году:

«Экономическая наука сегодня — это пышный букет различных направлений. Хотя и с известной долей условности, их можно объединить в две группы. Одна проявляет заметный крен в сторону экономической деятельности государства. Другая делает акцент на индивидуальную экономическую свободу. На двух этих крыльях наша наука, по-видимому, и влетит в XXI век»¹¹.

Это не означает, что не происходит развития этой «великой полемики» между рынком и властью, скорее этот спор проходит красной нитью через всю историю экономической мысли. Каждая экономическая проблема становится поводом к полемике между этими двумя концепциями. Периодически побеждает то одна, то другая. Это и есть «пила» истории экономической мысли.

«Начавшись с попыток осмысления насущных вопросов и достигнув высот математических абстракций, экономическая наука снова оказалась на земле. И снова она стоит перед решением жгучих вопросов своего времени. Но суть этих вопросов сводится к вечной проблеме принуждения и свободы»¹².

Маятник истории экономической мысли колеблется от свободы к принуждению, но на каждом этапе истории

¹¹ Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. М.: Дело, 1996. С. 543.

¹² Там же, с. 545.

существует своя особенность теории Власти и теории Рынка. При этом сама история хозяйственной практики находится в прямой зависимости от экономических идей. Всякий раз, когда возникает развилка между добровольным обменом и централизованным управлением, между деньгами и налогами, между частной собственностью и бюрократией, между рынком и государством, господствующая экономическая идеология предопределяет выбор пути по этой развилке. Если существует убеждение, что добровольный обмен — это подходящее средство для роста благосостояния, то выбирается рынок. Всякий раз, когда считается, что для этого необходимо государственное регулирование, оно и проводится. Правда, результаты этих выборов будут прямо противоположными. Это один из ключевых уроков экономической теории и истории экономической мысли. Как писал Ф. Оппенгеймер:

«Существует два фундаментальных противоположных способа, которыми человек, нуждаясь в средствах к существованию, способен получить необходимые средства для удовлетворения своих желаний: труд и грабеж. Собственный труд и насильственное присвоение труда других... Я предлагаю... называть собственный труд и эквивалентный обмен собственного труда на труд других “экономическим способом” удовлетворения потребностей, а невознаграждаемое присвоение труда других можно назвать “политическим способом”... Государство — это организация политического способа»¹³.

Рынок рождается стихийно и эволюционно, как и тропинка в лесу. Обмен является фундаментальным свойством человеческой деятельности. Первые охотники и собиратели не оставили нам документа, зафиксировавшего первый акт обмена, мы можем его реконструировать лишь мысленно. В древнем мире основным способом взаимодействия было насилие, но в какой-то момент люди осознали, что выгоднее не убивать другого человека, а вступать с ним в обмен. Обмен не нуждается в законодательном решении государства — он является результатом человеческой деятельности, но не человеческих намерений.

Государство же появляется как институт, не совместимый с обычным правом, **государство рождается из военного**

¹³ Oppenheimer F. The State. NY: Vanguard Press, 1914. P. 24–27.

конфликта. Так появляется вождь, его окружение, дань, систематическое насилие. Так нарушается впервые принцип самопринадлежности и добровольности обмена. Для укрепления своей власти вождь нуждается в союзе со жрецом, который, обладая монополией на трансцендентное, делает насилие легитимным в глазах племени. Так происходит сакрализация власти.

Эти два способа взаимодействия между людьми являются универсальными в истории человечества, в одних обществах признают принцип не-агрессии против не-агрессоров, в другом же господствует насилие. Но выбор того или иного средства зависит от молчаливого одобрения или неодобрения «общественного мнения», именно оно влияет на видимый ход истории, на более глубоком уровне эти изменения рождаются в умах интеллектуалов, которые предлагают обществу те или иные социальные концепции.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В таблице на следующей странице отражена краткая история экономической мысли, которой посвящена вся книга.

В Древней Греции ключевой проблемой было равенство ценности при обмене. Именно этим занимался Аристотель и именно эти поиски породили ложное движение наиболее талантливых умов эпохи. Мыслители пытались ответить на вопрос о том, что делает возможным обмен между товарами, полагая, что есть что-то в самих вещах, что делает их сопоставимыми. «Ошибка Аристотеля» породила целую ветвь «теории флогистона» в истории экономической мысли: «справедливая цена», «трудовая теория ценности», «излишки потребителя и производителя», «кардинализм».

В Средние века ключевой проблемой была проблема справедливой цены, которая учитывала бы статус обменивающихся. Концепция иерархии благ Фомы Аквинского лежала в основе этой концепции. Тогда же Альберт Великий предложил трудовую теорию ценности.

В раннее Новое время ключевой идеей была идея национального интереса, которую отстаивали меркантилисты.

Их поиски средств увеличения благосостояния нации породили как концепцию торгового баланса, так и ценные идеи для денежной теории. Большую роль сыграла Саламанкская школа, с которой началась традиция субъективизма.

Им на смену пришла идея естественного порядка или того, что позже называли «невидимой рукой рынка»; физиократы доказали, что естественный ход вещей, свободная торговля и политика *Laissez Faire* приводят к гораздо лучшему результату, чем политика протекционизма.

Английская классическая политическая экономия явилась неустойчивым синтезом трудовой теории ценности и риторики свободного рынка, что должно было привести к ее распаду.

В 1867–1871 годах произошло разделение классической теории на теорию эксплуатации К. Маркса и на теорию предельной полезности К. Менгера, У. С. Джевонса и Л. Вальраса. С 1871 года началась самостоятельная история австрийской экономической школы, как стало понятно позже, между школами маржинализма гораздо больше отличий, чем общего.

Четыре основные концепции XX века: марксизм, кейнсианство, неоклассическая теория и австрийская школа. Все они четко делятся по степени одобрения свободного рынка и капитализма. Марксизм родился из трудовой теории ценности Смита и Рикардо, неоклассическая теория была создана из функциональных теорий предельной полезности и в дальнейшем стала включать в себя идеи этатизма в виде экономики благосостояния, создателем которой принято считать Пигу.

Кейнсианство появилось в период Великой депрессии в полемике с А. Пигу и в развитии идей прогрессизма Р. Эля. Если у последних социальный реформизм был «завязан» на религию, то Дж. М. Кейнс секуляризировал теорию прогрессистов, вместо христианского обоснования интервенционизма он выбрал религию государства, прикрытую сциентизмом.

Лишь австрийская школа продолжила отстаивать принципы индивидуализма и капитализма, развивая теорию капитала, процента и экономического цикла и разрабатывая универсальную теорию человеческой деятельности — праксиологию.

IV в. до н.э.	Идея равенства ценности при обмене (Аристотель)			
XIII в.	Идея справедливой цены (схоласты)			
XVI–XVIII вв.	Идея национального интереса (меркантилисты)			
XVIII в.	Идея естественного порядка (физиократы)			
XVIII–XIX вв.	Классическая политическая экономия			
	Трудовая теория ценности		Теория полезности	
	Теория эксплуатации		Теория предельной полезности	
XX–XXI вв.	Марксизм	Кейнсианство	Мейнстрим	Австрийская школа

В этой книге мы следуем за разделением Дж. Бьюкенена экономической теории на две парадигмы: каталлактическую (Catalactics Paradigm) и аллокационную (Allocation Paradigm). Мы увидим, что все школы и направления могут быть разделены на эти две группы¹⁴.

Каталлактическая парадигма

представляет человеческую деятельность как обмен. Все процессы, происходящие в экономике, могут быть рассмотрены как обмен в различных институциональных условиях: в условиях частной собственности и предпринимательской свободы или в условиях политического (административного) рынка. Каталлактическая парадигма рассматривает то, как достигается спонтанный порядок в результате свободных действий людей. В основе этой парадигмы — обмен.

Аллокационная парадигма

рассматривает хозяйственную деятельность как ту, что должна обеспечивать достижение конкретных целей (столько-то литров молока, столько-то квартир, столько-то тракторов, такой-то уровень ВВП или темпов экономического роста). Такая парадигма означает, что экономист становится социальным инженером, подбирающим меры государственного регулирования для обеспечения заданных целей. Добровольный обмен допускается в той степени, в которой он не противоречит «общему благу», а конкретный способ организации распределения ресурсов является задачей на нахождение максимума. В основе этой парадигмы — власть.

¹⁴ Boettke P. Handbook on Contemporary Austrian Economics. Northhampton: Edward Elgar, 2010. P. 14–27.

Каталлактическая парадигма	Аллокационная парадигма
Даосизм	Легизм
Аристотель	Платон
Фома Аквинский	Меркантилизм
Саламаннская школа	Классическая политическая экономия
Французская либеральная традиция	Марксизм
Теория общественного выбора	Нейнсианство, монетаризм, институционализм, право и экономика
Австрийская экономическая школа	Мейнстрим

К традиции свободного рынка относятся: Лао-цзы, Аристотель, Фома Аквинский, Саламаннская школа, французская либеральная традиция, теория общественного выбора, австрийская экономическая школа.

К традиции государственного регулирования относятся: легисты, Платон, меркантилисты, классическая политическая экономия, марксизм, историческая школа, традиционный институционализм, кейнсианство, монетаризм, правовой позитивизм и «право и экономика».

Вы увидите то, как эти парадигмы боролись друг с другом на протяжении тысячелетий. Вам предстоит быть свидетелями этих великих интеллектуальных битв. Как говорил Й. Шумпетер: «Так почему же вновь не обратиться к истории интеллектуальных сражений?»¹⁵.

¹⁵ Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 7.

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

*Хорошие результаты появляются спонтанно,
когда предоставляешь возможность
событиям течь своим чередом.*

Чжуан-цзы

Мы начинаем повествование с VI века до н. э., хотя, несомненно, хозяйственные проблемы существовали задолго до этого. Цивилизации Древнего Египта и Древней Индии характеризуются сложноорганизованной экономикой. Некоторые даже считают ирригационную систему, которая существовала в Древнем Египте, предтечей централизованных плановых экономик, которые управляли ресурсами исходя из потребностей государства.

Тем не менее никаких теоретических положений или экономического анализа данные цивилизации после себя не оставили. Если принять во внимание древнеиндийский эпос «Махабхарата», где Господь (Кришна) являет человечеству перед битвой на поле Курукшетра в лице Арджуны

божественные знания, то мы вынуждены признать, что это божественное знание не включает в себя экономическое знание. В «Бхагавад-гите» можно найти множество размышлений о смысле жизни, о судьбе человека, о перевоплощении и каких-либо других метафизических вопросах, но практически ничего о том, как решать материальные вопросы устройства общества и домохозяйства.

То же самое касается и других древних книг. Древнеиндийская «Артхашастра» содержит ряд положений, связанных с хозяйственными вопросами, но все они обсуждаются в контексте того, как государство должно организовывать экономику в идеальном государстве¹⁶. Что-либо может быть подвергнуто осуждению или одобрению, не более того. Философы древности ограничивались обсуждением такого рода вопросов: «Богатство — это хорошо или плохо», выдвижением оценочных суждений: «Торговля — это хорошо или плохо», «Процент и ростовщичество — это хорошо или плохо»¹⁷.

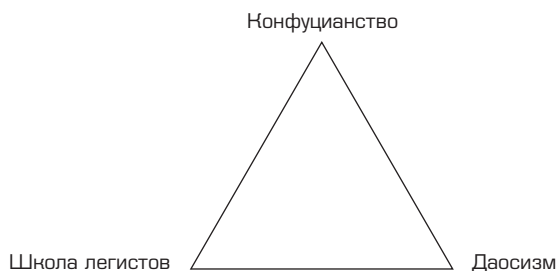
Однако мы находим зачатки экономического и политического анализа в Древнем Китае. Поэтому в первой главе речь пойдет о политической философии и экономической мысли Древнего Китая. То, что мы начинаем именно с него, отличает наше изложение от наиболее распространенных. Правда, у М. Ротбарда в двухтомном труде по истории экономической мысли есть небольшой раздел, посвященный китайской политической и экономической мысли.

Древний Китай в известном отношении демонстрирует более глубокую традицию, чем известная нам европейская традиция, а именно греческая. Древний Китай можно считать отправной точкой, хотя в это же время (II–VIII века до н. э.) независимо от Китая древние греки развивали схожие идеи.

¹⁶ В «Артхашестре» прописаны обязательства государственного надзирателя, отдельные главы посвящены деятельности надзирателя за торговлей, за кладовыми, за сырыми материалами, за оружейными складами, за пошлинами, за прядильным делом, за земледелием, за питейным делом, за скотобойнями, за судоходством, за скотом, за лошадьми, за слонами и даже за гетерами. См.: Артхашастра, или Наука политики. М.: Издательство «Наука», 1993. В известном отношении книга имеет много общего с утопией Платона, здесь осуждается сверхприбыль, разница в ценах и неравенство.

¹⁷ Вообще, большинство религий признавали ростовщичество страшным грехом, оно осуждалось церковью, во многих странах процент был запрещен на протяжении веков. В Европе до начала XIX века были определенные юридические запреты на взимание процента, в исламских странах процент запрещен к получению и по сей день.

Китайская политическая философия

Если слева находятся сторонники государственного регулирования, справа — сторонники экономической свободы, то этот треугольник позволяет каждой школе определить ее место.

«Левыми» (т. е. сторонниками государственного регулирования экономики) были легисты, которые обожествляли писанный закон и государство. Напротив, философия Лао-цзы («Дао дэ цзин» может рассматриваться как либертарианская книга) — даосизм — является прямой противоположностью легизму и находится справа (т. е. поддерживает невмешательство), центральную позицию занимает конфуцианство (до XX века официальная религия Поднебесной, т. е. Китая). Данный треугольник китайской философии наглядно показывает, что есть сторонники свободы (даосы), есть сторонники власти (легисты) и есть те, кто старается быть посередине¹⁸.

Школа легистов была весьма влиятельной в Древнем Китае, один из императоров даже взял за основание учение школы легистов. Легисты полагали, что человек грешен, общество несовершенно, правитель прекрасен, закон — средство решения всех проблем. Так что если сегодня кто-то считает легизм инновацией, следует помнить, что этой «инновации» две с половиной тысячи лет. Один из древних императоров Цинь Шихуанди под влиянием представителей легизма принял закон, по которому были уничтожены все академии, все библиотеки, а все философы были казнены

¹⁸ Как говорила Айн Рэнд, «человек посередине — это предатель, который не хочет использовать свой разум для того, чтобы определиться со своими принципами». Но попытка удержаться «между двух стульев» оказывается неудачной и заканчивается «скатыванием» в одну из сторон, т. е. смешанные системы внутренне неустойчивы, и об этом следует помнить. Так и произошло в Древнем Китае: от относительного мягкого конфуцианства произошел переход к тоталитарному легизму.

(460 философов, в том числе и тот, который предложил такого рода проект реформирования науки); **логика императора сводилась к тому, что все беды от того, что люди размышляют.**

Школа «фа-цзя» была крайне влиятельной в Древнем Китае. Самый известный легист Гуань-цзы и его одноименный трактат «Гуань-цзы», который объясняет необходимость регулирования всей народной жизни и почитания правителей, содержит в себе советы, связанные с регулированием цен. В частности, он рекомендует накапливать некоторый запас для того, чтобы в период, когда на рынке существует большое количество зерна и цены снижаются, часть этого зерна изымать, а в период, когда цены высокие и существует дефицит зерна, государство, заботясь о стабильности цен и о доступности зерна, возвращает этот запас на рынок (зерновые интервенции, которые сейчас часто применяются государством, берут истоки в Древнем Китае).

Легист Шан Ян допускал для жителей своей страны лишь два занятия: земледелие и войну — и стремился к ограниченному пайку для всех, чтобы не допускать накопления богатств в руках частных лиц, так как всякий, кто обладает большими ресурсами, неизбежно рано или поздно восстанет против правительства. Таким образом, у легистов единственным органом накопления должно стать государство¹⁹.

Учет и контроль для регулирования экономики были одними из центральных идей легистов. Их принято считать родителями государственной статистики.

В «Гуань-цзы» было провозглашено всемогущее государство: «Государь распоряжается продовольствием (своих подданных), управляет их средствами потребления, регулируя избытки и контролируя недостатки. Народ находится благодаря этому в полной зависимости от государя».

«При отсутствии государственного контроля над хозяйством у одних скопляется в сотни раз больше богатства, чем у других»²⁰. Это напоминает марксистскую теорию монополитического капитализма XIX века.

¹⁹ Штейн В. М. Основные направления экономической мысли Древнего Китая // Проблемы социально-экономической истории Древнего Востока. М.: Издательство Академии наук, 1963. С. 101.

²⁰ Там же, с. 103.

Пожалуй, наиболее важной дискуссией была дискуссия «Яньтелунь» («Дискуссия о соли и железе»), где предлагалась модель государственной монополии: «Соль — это важнейшая приправа ко всем кушаньям. Вино играет существенную роль в помощи лекарствам и является любимым напитком при всех дружеских пирушках. Железо — основа всех земледельческих орудий. Рудники и леса — хранители запасов народного богатства. Целью стабилизации цен и кредитов является защита народа и обеспечение его нужд. Деньги и их обращение относятся к необходимым средствам обращения. Ни одна из этих шести вещей не может быть произведена рядовым гражданином. Все мудрецы древности понимали это зло и решили противостоять ему средствами государственного контроля»²¹.

Как мы видим, миф о неспособности частного производства соли, вина, железа, рудников, древесины, денег имеет давнюю историю. Сейчас выглядит смешным убеждение, что это все не может делать частное лицо.

Однако легист Ван Ман предлагал организовать шесть каналов — «труб» («гуани»), которые занимались бы этими шестью видами производства. Это были первые государственные монополии. Как и все монополии, они позволяли обогащаться чиновникам, приводили к росту цен и обеднению населения.

Таким образом, основным принципом легистов было всемогущее государство.

КОНФУЦИАНСТВО

Конфуцианство базировалось на идеях добродетели чиновника (мандарина) и на совершенствовании этих добродетелей. Существовал ряд предписаний, каким должен быть чиновник. Иными словами, Конфуций создал систему воспитания правильных чиновников.

Между легистами и конфуцианцами поначалу складывались хорошие отношения, поскольку Конфуций говорил о необходимости чиновничьего аппарата. Однако пожелания

²¹ Там же, с. 108.

были слишком абстрактными для легистов, ведь репрессии он не предлагал, что было присуще легизму. Он скорее говорил о духовном воспитании, о необходимости совершенствования человеческого общества, о добродетелях правильного чиновника. Если Конфуций предлагал совершенствоваться чиновникам, то легисты упростили для себя задачу, объявив чиновников совершенными по природе. Легисты, таким образом интерпретировав конфуцианство, подхватили идею о правильном чиновнике и обожествили его и его власть.

Даосизм находится в противоположной позиции к конфуцианцам и легистам, так как последние являются разного рода сторонниками этатизма. Если легисты видели необходимыми и казни, и доносы, и убийства за доносительство, то конфуцианцы, будучи более гуманными, полагали, что все это должно совмещаться с благими пожеланиями нравственности. Все это если и нужно, то ради «общего блага». Ведь конфуцианцы видели отношения между правителем и обществом аналогичным отношениям отца и ребенка: все должно строиться по патриархальному принципу.

Конфуцианец Мэн-цзы писал: «У великих людей есть свои дела, а у малых — свои. Одни работают умом, а другие мускулами, работающие умом управляют людьми, работающими мускулами»²². Есть те, кому по природе дано быть правителями, и те, кому — быть подданными.

Хотя конфуцианцы и не так фанатично боролись за огосударствление экономики, все же их моральная проповедь оказалась лишь ширмой для насилия со стороны их союзников легистов.

ДАОСИЗМ

Родоначальником даосизма является Лао-цзы, живший в ту же эпоху, что и Конфуций. Как пишет в своем труде «Либертарианство» Д. Боуз:

«Возможно, первым известным либертарианцем был живший примерно в VI веке до новой эры китайский философ Лао-цзы, известный как автор сочинения “Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Силе”. Лао-цзы учил: “Народ, не получив

²² Там же, с. 101.

ни от кого приказа, сам меж собою уравниается". Дао — классическая формулировка духовного спокойствия, связанного с восточной философией. Дао состоит из инь и ян, т.е. представляет собой единство противоположностей. Это понятие предвосхищает теорию спонтанного порядка, подразумевая, что гармония может быть достигнута в результате конкуренции. Оно также рекомендует правителю не вмешиваться в жизнь людей»²³.

Интересно, что теорию спонтанного порядка, которую разрабатывал Ф. Хайек, многие современные китайские исследователи видят как находящуюся в русле их интеллектуальной традиции. Действительно, не сложно заметить связь между идеями Хайека и Лао-цзы.

Можно заметить, что некоторые из положений книги «Дао дэ Цзин» (книга о пути и благодати) звучат как либертарианские манифесты:

*Свободного можно покорить, нельзя исправить.
Ведь невозможно улучшить море или ветер.
Свобода подобна тайному обряду.
Захочешь улучшить — оскудеет.
Задумаешь подчинить — исчезнет.
Государь спокоен —
народ простодушен.
Государь деятелен —
народ лицемерен.
Отчего народ голодает?
Оттого, что налоги чрезмерны,
вот почему народ голодает.
Народ выходит из подчинения,
потому что цари стремятся его подчинить,
вот почему народ выходит из подчинения.
Народ, не получив ни от кого приказа,
сам меж собою уравниается.*

Последнее выражение можно соотнести с высказыванием Адама Смита в XVIII веке о «невидимой руке рынка». Также можно привести в пример сопоставление некоторых китайских текстов с трудами Ф. фон Хайека.

²³ Боуз Д. Либертарианство. Челябинск: Социум, 2014. С. 39.

Вот эти явно просматривающиеся параллели. «Государство учреждается с тем, чтобы сохранить все живое в полноте. **Суетные властители нашего века поглощены государственными делами, однако лишь вредят всему живому**»²⁴, — говорит Люйши Чуньцю («Весны и осени господина Люя»).

Государство создается не для того, чтобы изменить человеческую природу, а для того, чтобы дать людям возможность действовать так, как они хотят, не вмешиваясь в их природу. Данное высказывание во многом совпадает с мыслью Хайека, где он пишет, кто такой либерал и как он относится к обществу: относится ли он к обществу как инженер, который придумывает то, как нужно конструировать общество, или как садовник, который пытается понять, что хорошо для каждого цветка, для каждого растения: «Либерал относится к обществу как садовник, которому надо знать как можно больше о жизни растения, за которым он ухаживает»²⁵.

Лао-цзы также отрицательно оценивал рост законодательных актов: «Чем больше в мире искусственных запретов и ограничений, тем люди беднее... Чем сильнее упор на законы и правила, тем больше становится воров и разбойников».

Правильным же действием он считал следующее: «Поэтому мудрец говорит: я не стану предпринимать никаких действий, пока люди не изменятся, я предпочитаю покой — и тогда людям хорошо, я не предпринимаю никаких действий — и люди обогащаются».

Здесь речь идет не просто о мудреце, а о мудреце-правителе, который предоставляет людям свободу, не предпринимая каких-либо действий, и тогда люди будут сами обогащаться. «Великий человек держится существенного и оставляет ничтожное. Он все делает по правде, но никогда не будет опираться на закон»²⁶. «Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным»²⁷. «Когда нравственный человек управляет страной, то никогда не прибегает к грубой силе, не ищет тщеславия, не воюет, не гордится

²⁴ Люйши Чуньцю. Весны и осени господина Люя. М.: Мысль, 2001. С. 73

²⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Либеральная миссия, 2004. С. 45.

²⁶ Там же, с. 129.

²⁷ Там же, с. 51.

ничем, не останавливается нигде и не усиливается»²⁸. «Когда управление государством мелочно, то народ беднеет»²⁹. «Оттого народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги»³⁰. Таким образом, Лао-цзы рекомендует придерживаться принципа «увэй», т. е. невмешательства («недеяния») в экономику.

Кроме Лао-цзы необходимо обратить внимание на других даосов, так как Лао-цзы говорил больше о философской стороне учения, в то время как его последователи брали во внимание и хозяйственный аспект жизни общества.

Экономика даосизма

«Единственным известным китайским мыслителем, взгляды которого имели непосредственное отношение к экономической сфере, был знаменитый историк II века до н. э. Сыма Цянь (145–90 годы до н. э.). Цянь был сторонником *Laissez Faire* и указывал на то, что минимальное государство способствует обилию еды и одежды, равно как и воздержание правительства от конкуренции с частным предприятием»³¹.

Кроме того, Сыма Цянь отмечал особую роль предпринимателя в рыночном процессе и предсказании будущего состояния рынка и рассматривал рынок как саморегулирующуюся систему.

Первый древнекитайский трактат по экономике был написан одним из даосов и связан с деньгами. Его автор также Сыма Цянь. Он отмечал, что увеличение количества монет и порча их государством снижает ценность денег и ведет к росту цен. Он также видел неизбежность этого процесса.

Как известно, Китай — первая страна, которая использовала в своей хозяйственной деятельности бумагу, и как только появилась бумага, появилась и инфляция, потому что до этого деньги могли подделывать, но в меньших масштабах. А как только появились бумажные деньги, возникла и высокая инфляция, и некоторые из даосов предвидели такую ситуацию и писали об этом в своих произведениях.

²⁸ Там же, с. 107.

²⁹ Там же, с. 180.

³⁰ Там же, с. 224.

³¹ Rothbard M. *Economic Thought Before Adam Smith*. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 26.

Еще один даос Пао Цзинь-янь следующим образом описывает естественное состояние общества без государства:

«Где воины и господа не могли собираться, в том поле не было войн... Идея получения преимущества посредством власти еще не стала всеобщей. Бедствия и разрухи не возникало. Щиты и копья не использовались; городские стены и рвы не строились. Люди были сыты и развлекались; они были беззаботны и довольны»³².

А вот как даос Чжуан-цзы отреагировал на предложение занять пост министра:

«Тысяча унций золота — действительно большая награда, и должность главного министра — действительно высокий пост. Но разве вы, государь, не наблюдали жертвенного буйвола, ожидающего, что его принесут в жертву в королевском храме государства? О нем хорошо заботятся и откармливают на протяжении нескольких лет, украшают богатой парчой, чтобы он был готов отправиться в Великий Храм. И в тот момент он с удовольствием поменялся бы местами с любой самой одинокой свиньей, но разве он в силах это сделать? Так что уходи прочь и побыстрее! Не пачкай меня. Я бы скорее бродяжничал и прозябал в грязной канаве, но в свое удовольствие, чем приму ярмо, которое наложит правитель. **Я никогда не пойду ни на какую официальную службу и потому буду (свободно) следовать своим собственным целям**»³³.

Мюррей Ротбард весьма симпатизировал идеям Чжуан-цзы и считал его своим предшественником: «Есть такое, когда людей оставляют в покое; никогда такого не бывало, чтобы людьми понукали (с успехом). На самом деле мир просто "не нуждается в управлении; в действительности его не нужно регулировать"»³⁴; **«Мелкого воришку сажают в тюрьму. Большой разбойник становится правителем государства»**³⁵.

Из этих цитат можно заметить, насколько негативно даосы относились к государственному регулированию экономики. Таким образом, Сымя Цянь может послужить образцом теории Laissez Faire в Древнем Китае:

«Каждому человеку только того и нужно, чтобы ему дали возможность применить свои способности и проявлять свои лучшие качества, дабы получить то, что он хочет...

³² Там же, с. 25

³³ Там же, с. 24.

³⁴ Там же, с. 24–25.

³⁵ Там же, с. 25.

Когда каждый человек работает по своей профессии и радуется своему делу, то и блага, подобно стекающей вниз воде, естественным образом без принуждения текут непрерывно днем и ночью, и **люди производят товары, хотя их об этом и не просят**³⁶.

Что это, как не описание рыночного порядка, который будет открыт и описан европейскими экономистами только в XVIII веке? Воистину, древнекитайская мысль не менее глубока и содержательна, чем европейская. К сожалению, она не оказала никакого влияния на дальнейшее развитие экономической мысли. Это лишь доказывает верность того, что история экономической мысли подобна «пиле», многие вещи теряются, хотя ценность их очень высока. Задача истории экономической мысли — открыть во многом утерянное для нас знание.

³⁶ Там же, с. 28.

ГЛАВА 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Платон и Аристотель! Это не только две системы, но и типы двух различных человеческих натур, которые, с незапамятных времен, облаченные во всевозможные одеяния, в той или иной степени противостоят друг другу. Они ожесточенно состязаются, в особенности с начала Средневековья, и ведут свою борьбу до наших дней — и эта борьба составляет самое существенное содержание истории.

Г. Гейне

На фреске Рафаэля «Афинская школа», которая хранится в Ватикане, изображены известные философы Древней Греции. Конечно же, самые известные находятся в центре, это Платон и Аристотель, чьи жесты также говорят об их философии (Платон указывает пальцем вверх — на область идей,

а Аристотель придерживает мысли своего учителя — ладонь мыслителя обращена вниз, полагая, что нужно попридержать нашу фантазию и не отрываться от реальности). Неподалеку находится Сократ (слева от центральных фигур), который был учителем Платона, да и всей дальнейшей философии. Здесь же находится Ксенофонт, который считается родоначальником экономики, но на фреске его положение достаточно скромное.

Видимо, поскольку считалось, что гораздо важнее обсудить фундаментальные вопросы бытия, смысла жизни, не случайно в трактатах Аристотеля «Политика» и «Этика» обсуждаются экономические вопросы, но как частные вопросы деятельности, если не идеального государства в стиле Платона, то, по крайней мере, более совершенного, чем существующее.

Также на данной фреске изображены Пифагор, Диоген, Зороастр, Эпикур. Таким образом, на фреске можно увидеть почти всю историю греческой философии.

Но именно Аристотель и Платон определили судьбу западной философии и западной цивилизации. Противоречие между Платоном и Аристотелем — универсальное противоречие,

которое возникает на каждом этапе и становится предметом анализа, предметом тех или иных рекомендаций, и, конечно же, все (ученые-экономисты) пытаются найти истоки своих идей у пары Платон — Аристотель.

Можно выделить три периода истории экономической мысли в Древней Греции:

1. Досократики (Фалес, Гераклит, Анаксимандр, Анаксимен), которые рассматривали метафизические вопросы «первовещества», к этому периоду относятся теории субъективной ценности, обмена, некоторые правовые положения. Однако данная эпоха уступает по известности идей, которые связаны с именами философов следующего периода.

2. Эпоха Платона и Аристотеля. Время жизни этих философов приходится на V–IV века до н. э. — время расцвета и одновременно кризиса древнегреческой демократии, прежде всего афинской демократии, так как единого государства Греция тогда не существовало, и речь идет о не зависимых друг от друга городах-государствах, иными словами, полисах (этимологически слово «политика» происходит от слова «полис»). По своей сути полис — это не государство, а торговый центр, который люди посещали, чтобы обмениваться товарами. Таким образом, очевидно, что греческая цивилизация была «спаяна» торговлей, основанной на разделении труда.

3. Философия после Аристотеля — период упадка как самой философии, так и экономической мысли.

Данная глава посвящена периоду, который является наиболее насыщенным в истории человечества с точки зрения рождения оригинальных идей. Принято называть этот период Осевым временем. В эти шесть веков (VIII в. до н. э. — II в. до н. э.) независимо друг от друга разные мыслители в разных регионах создавали те концепции, которые оказывали и продолжают оказывать влияние на историю цивилизации. Это же касается и рождения таких мировых религий, как буддизм, конфуцианство, даосизм и греческой философии.

НАЧАЛО

Как обычно, все началось с греков.

М. Ротбард

Древняя Эллада — место, где на различных островах независимо друг от друга родилось то, что принято называть **первой попыткой человечества рационально взглянуть на мир**. Греция — колыбель европейской цивилизации. Наверное, нет ни одной области знаний, в которой греки не сделали бы то или иное открытие, — это и физика, и математика, и философия, и архитектура, и живопись, и театр (Софокл, Еврипид, Эсхил).

В основе греческой цивилизации лежало два явления — торговля, которая объединяла разрозненные города в нечто единое целое, и мифология (а позже и философия). Мифология древних греков позволяла рассуждать им в похожих терминах, эта мифология была плодотворным источником, из которого рождался «логос», т. е. «слово» или «понятие». Алексей Лосев так и назвал одну из своих книг: «От мифа к логосу», где описал рождение человеческой мысли — рационального способа познания мира как движения из недифференцированного целого мифа к строгому научному исследованию.

В этом отношении Аристотель, несомненно, вершина западной философии в тот период времени и может рассматриваться как Философ по преимуществу. Он не только сформулировал законы логики, которые до сих пор преподают в университетах всего мира, но и поставил вопросы, которые в дальнейшем определяли содержание экономических дискуссий.

Полис превыше всего!

В период расцвета греческой демократии не больше 15% населения обладали гражданскими правами. Естественно, ими не обладали рабы — «говорящие орудия труда», как их называл Аристотель. Платон же полагал, что раб по своей природе лишен способности логически мыслить. К свободным гражданам не относились метеки, т. е. ино-

странцы, которые жили на территории города-государства, не относились к ним и женщины. Был очень узкий перечень лиц, которые собирались на площади (агоре) для голосования и принятия политических решений.

Аристотель и большинство философов с крайним презрением относились к хозяйственной деятельности: единственная деятельность, достойная свободного гражданина государства, — это философия. Хозяйственная деятельность — удел рабов или метеков, это касалось особенно торговли и банковского дела (первые древнегреческие банкиры были рабами), поскольку свободный человек хозяйственной деятельностью заниматься не любил, хотя был не прочь получать от нее выгоду и даже иногда философствовал по этому поводу.

Аристотель, например, с крайним презрением относился к искусству наживы:

«Это искусство, как мы сказали, бывает двояким: с одной стороны, оно относится к области торговли, с другой — к области домохозяйства, причем последнее обусловлено необходимостью и заслуживает похвалы, обменная же деятельность по справедливости вызывает порицание как деятельность, обусловленная не естественными причинами, но [возникшая в силу необходимости взаимного] обмена [между людьми]. Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности»³⁷.

Торговля, банки, хозяйство — это то, чем настоящие граждане заниматься не могут, а вот «что есть первовещество» или «что есть общее благо» — это то, о чем свободный человек может себе позволить размышлять.

Аристотель писал о том, что торговля портит человеческую душу, т.е. если человек связывает себя с этой деятельностью, то он себя разлагает — свободный человек и философ не может быть торговцем. А вот раб или метек с низкой душой может заниматься подобной деятельностью.

Души у греков также разделялись на разные степени по благородству. Самая благородная душа — у философа, потом идут души стражей, а потом уже все остальные: торговцы, крестьяне, рабы и метеки. Их души наименее благородны

³⁷ Аристотель. Политика. СПб.: Эксмо, 2008. С. 699.

и наименее важны для полиса. Греки строили свою философию исходя из потребностей размышления о сути вещей, но нельзя сказать, что они это делали незелегантно или неинтересно.

Еще один важный момент, связанный с греческой философией и с греческой экономической мыслью, — это подчинение их интересам полиса, т. е., когда мы сегодня говорим о двух взглядах на человеческую деятельность, иными словами, на этику индивидуалистскую и коллективистскую, мы можем с уверенностью отнести греков к тем, кто размышлял с позиции ценности полиса, т. е. с позиции коллективизма. «Чего хочет полис?», «Что во благо полису?» — исходя из этих вопросов индивид строит философию. С точки зрения греческого философа, «Я» только тогда находило свое место во Вселенной, когда оно подчинялось законам полиса, таким образом, **высшая форма существования человека — это подчинение себя интересам полиса.**

В таком положении можно найти элементы древних мистерий, где мист также стремился к тому, чтобы растворить себя во Вселенной и получить от этой Вселенной знание об Абсолюте. Кстати, первые греческие законодатели, например Линург, получали свои законы от Пифии — прорицательницы, данные как результат экстатического акта. Это были разнообразные законы, например, деньги представлены в форме металлических брусков (не золота и не серебра, причем очень громоздких), пропитанных уксусом. Считается, в Спарте потому и не было коррупции: чтобы дать взятку такими деньгами, пришлось бы ехать на телеге через весь город, что очень неудобно, да к тому же всем видно, кто кому везет деньги.

Спартанцы не только по этой причине считали, что деньги должны выглядеть невзрачными, а еще для того, чтобы не было внешней торговли и чтобы женщины не развращались красотой благородных металлов: если им понравится золото или серебро, то мужчины будут стремиться добыть им это золото или серебро, а отсюда следует, что они потеряют спартанский дух, станут разнеженными и женоподобными, а в Спарте все должны служить интересам государства (даже спать следовало с копьем).

Существует легенда: гонец прискакал в Спарту и сообщил одной женщине о том, что все три ее сына погибли,

на что та ему ответила: «Ни слова больше! Лучше скажите мне: победили мы или нет?» — «Победили», — сообщает гонец. «Тогда я счастлива!» — говорит спартанка, мать трех погибших сыновей.

Спартанцы были представителями довольно скудной по современным меркам культуры, в отличие от афинян; они не внесли практически никакого вклада в философию и культуру в целом, но завоевали в Пелопонесской войне Афины, а это повлияло на мировоззрение Платона, который под влиянием успеха Спарты стал обожествлять государство спартанского типа.

Как известно, в Спарте всячески поддерживали селекцию, например, детей с увечьями сбрасывали с обрыва, более того, их учили в детстве воровать, причем наказывали, если ловили, не за то, что они украли, а за то, что попались. Иными словами, нужно было готовить идеального «спартанца» с ограниченной, в отличие от афинян, речью (слово «лаконичный» имеет греческое происхождение: Лакон — регион, где жили спартанцы, поэтому лаконичная речь — это то, что было характерно для них). Для Спарты, как для Афин и для других городов, полис ставился превыше всего, поэтому вся этика, все хозяйство строились вокруг вопросов о том, как сделать, чтобы полис процветал. Индивид находился на втором месте.

ДВА ЛИБЕРАЛА О ГРЕЦИИ

Два либерала, Ф. Бастиа и Л. фон Мизес, XIX и XX века, соответственно, находящих по отношению друг к другу на «расстоянии» ста лет, оценивали греческое наследие совершенно по-разному. Мизес полагал очень важным знакомство с греческой культурой и философией. Он писал:

«Политическая литература Древней Греции породила идеи тираноборцев, философию вигов, учения Альтузия, Гроция, Дж. Локка, создателей современных конституций и биллей о правах. Именно изучение классического наследия, основная отличительная черта образования в эпоху либерализма, не давало выветриться духу свободы в Англии времен Стюартов, во Франции времен Бурбонов и в Италии, раздираемой междоусобными распрями. Не кто иной, как Бисмарк,

самый заклятый враг свободы среди всех государственных деятелей XIX века, признается, что даже в Пруссии Фридриха-Вильгельма III оплотом республиканцев была гимназия. Отчаянные попытки исключить классические студии из программ либерального образования и таким образом уничтожить сам его дух явились одним из проявлений возрождающейся рабской идеологии»³⁸.

Ему противостоял не менее либеральный, а может быть, в чем-то даже более либеральный мыслитель XIX века Ф. Бастиа. Он написал, находясь при смерти, работу «Высшее образование и социализм», где высказал прямо противоположные Мизесу идеи:

«Как поступает государство? Оно говорит нам: обучайте вашего ребенка чему угодно, но когда ему исполнится двадцать лет, я спрошу его, какие мысли были в головах Пифагора и Фалеса, велю ему продекламировать стихи Плавта, и если он окажется слаб во всех этих областях, которым не посвятил свою молодость, он не будет ни медиком, ни адвокатом, ни судьей, ни специалистом по арбитражу, ни дипломатом, ни профессором. И вот я оказываюсь вынужденным подчиниться, потому что не решусь закрыть перед моим сыном столько прекрасных карьер. Напрасно вы будете мне говорить, что я свободен; я утверждаю, что я несвободен, ибо вы заставляете меня сделать из своего сына педанта — быть может, ужасного маленького краснбая, но во всяком случае, так сказать, неугомонного бездельника. *Ах, если бы знания, требуемые для получения степени бакалавра, хоть в какой-то мере отвечали нуждам и интересам нашего времени! Если бы они даже были просто бесполезными! Но они вредны.* Они портят умы и создают проблему, которую на свой лад решают люди, получившие монополию на образование»³⁹.

Бастиа обосновывал свою точку зрения, дополняя аргументацию против римской культуры:

«Вспомните, с каким умонастроением вы вышли из колледжа в мир. Разве вы не горели желанием подражать опустошителям земли и ораторам Форума? Что до меня, то когда я вижу, как нынешнее общество бросает молодых людей, бросает десятками тысяч, под жернова Брутов и Гракхов, а потом бросает их, не способных к любому честному труду, работать в печати или просто вышвыривает на улицы;

³⁸ Мизес Л. Идея свободы родилась на Западе // Либерализм. М.: Социум, 2011. С. 397–398.

³⁹ Бастиа Ф. Высшее образование и социализм // Протекционизм и коммунизм. Челябинск: Социум, 2011. С. 172.

я удивляюсь, почему же оно, общество, сопротивляется тому, что само натворило. Классическое образование не только неосторожно погружает нас в римскую жизнь. Оно погружает нас туда не просто, а приучая нас восторгаться ею, считать ее идеалом человечества, слишком высоким идеалом, чтобы до него не могли дотянуться современные души, но мы, дескать, должны подражать римлянам, хотя никогда не будем в силах уравниваться с ними»⁴⁰.

Греки и классическое образование в целом сформулировали, с точки зрения Бастиа, неправильное представление об обществе:

«Древний мир оставил миру Новому две ложные его трактовки, которые потрясут и долго еще будут потрясать общество. Первая: ошибочно есть внеприродное состояние, порожденное договором между людьми. Вторая: закон создает права, и, следовательно, *отношения между законодателем и человечеством такие же, как между Ликургом, Солоном и другими и всем остальным обществом*»⁴¹.

Бастиа цитировал одного из поэтов, который возвеличивает Рим, у него есть следующие слова о Римской цивилизации, которая, кстати говоря, была языческой, варварской во всех смыслах современного слова; знание этих стихов в свое время требовалось как элемент культуры образованного человека.

Вот что говорит гражданин Рима, которому мы должны подражать, с точки зрения классического образования:

Народу в жертву принести любимое мое

И в бой вступить против другого «Я» —

Такая доблесть только нам присуща...

Рим руку протянул мне, я свободен

И с легкостью чистосердечной

Женюсь на собственной сестре, прикончив брата.

А один из героев, не признавая доблесть римлян, пишет:

Благодарю богов, что я не римлянин,

И в сердце у меня есть человеческое нечто.

Чем же является для нас древний мир? Источником нашей свободы, как полагал Мизес, или источником порабощения и элементом социализма, который нужен государству, как полагал Бастиа? Видимо, правы оба. Несомненно,

⁴⁰ Там же, с. 182.

⁴¹ Там же, с. 180–181.

знакомство с греческой философией дает пытливому уму пищу для размышлений и, следовательно, для сохранения свободы. При этом государство способно из всего сделать карикатуру, заставляя людей изучать то, что бессмысленно или выгодно самому государству для воспитания винтиков.

ГЕСИОД VS ГОМЕР

Древнегреческий рапсод Гесиод не менее известен, чем другой греческий поэт — Гомер. Гомер написал множество произведений, два основных его произведения — это «Одиссея» и «Элиада», где речь шла о завоеваниях и военной доблести. Гесиод же интересовался более мирной деятельностью, его наиболее известная книга «Труды и дни» участвовала в конкурсе вместе с произведениями Гомера и, кстати, выиграла: греки посчитали, что куда важнее для цивилизации поэт, который возвеличивает труд и торговлю, чем тот, кто воспекает обман, убийство и извращения, которых достаточно в книгах Гомера.

Из восьми тысяч строк Гесиода почти три тысячи строк посвящены хозяйственной деятельности; он так же, как и большинство греков, исходил из идеи «золотого века», когда люди жили, не имея материальных проблем, им давалось все, что было необходимо, но потом наступили «темные времена», которые продолжают и сейчас, но Гесиод принимал эти времена как данность и размышлял как прото-экономист.

Он говорил: раз уж мы вынуждены жить в этом мире, **нам приходится считаться как с тем, что мы желаем, так и с тем, что у нас есть**. Следовательно, возникает вопрос об эффективном хозяйствовании, эффективном использовании ресурсов. Хотя наш мир — «юдоль скорби», тем не менее мы можем по-разному прожить жизнь, если по-разному будем относиться к хозяйственным вопросам.

У Гесиода встречается описание конкуренции, что было весьма нехарактерно как для древнегреческих философов, так и для философов в Средние века, а именно: эти мыслители осуждали конкуренцию, так как хорошее общество — это целостное, гармоничное, где нет конфликта интересов.

Гесиод показывал, что конкуренция — это «хороший конфликт», когда удачливый и неудачливый взаимодействуют друг с другом и определяют, кто же из них лучше, а кто хуже; он же говорил, что только тогда труд может быть в сладость, когда за него есть вознаграждение, когда у человека есть право на получение дохода за труд. В VIII веке до н. э. у Гесиода мы находим мысли, которые говорят о греческой цивилизации как об одобряющей хозяйственную деятельность.

ФАЛЕС И МАСЛОБОЙНИ

Принято считать, что философия родилась в городе Милет вместе с философом по имени Фалес, чьи труды были связаны с метафизикой; он первый, кто стал задумываться о «первовеществе» (с точки зрения Фалеса, первовеществом была вода). Сегодня может показаться, что мысль Фалеса далека от науки, однако эта идея была весьма необычной для своего времени, потому что, когда говорили о первовеществе, ссылались на богов, идеи искали не в своем разуме, который формирует их, а в чем-то внешнем.

Фалес был первым, кто сам решил выдвинуть научную гипотезу. Эта гипотеза может быть рассмотрена как смехотворная, но мыслители естественнонаучного направления полагают, что это шаг вперед по сравнению с гипотезой о том, что всем управляет Зевс и другие боги.

С Фалесом связана интересная история, которую любил повторять Аристотель, она есть в его труде «Политика» и связана с ответом Фалеса на вопрос о материальных благах. Известно, что Фалеса, как и многих философов, обвиняли в том, что он был недостаточно богат, и он решил доказать, что это не так. Он одолжил средства у друзей и учеников, которые его очень уважали, и на эти средства скупил маслобойни, что находились поблизости. На основе знания астрономии он предсказал в следующем году хороший урожай оливок, и потом к нему приезжало огромное количество владельцев оливок и платило цену, которую Фалес устанавливал.

Урожай удался, Фалес вернул все кредиты и после этого сказал, что философ может стать богатым, но для него это

не является целью жизни, и стал дальше заниматься философией.

Таким образом, Фалес показал, что человек может стать зажиточным, даже если у него нет богатства, что философ может быть вполне практичным.

СОФИСТЫ

Как известно, слово «софист» означает «платный учитель мудрости», который за деньги учит молодежь тому, как побеждать в споре (например, в суде или в политике отстаивать свою точку зрения).

Сократ осуждал софистов. Он говорил о том, что софисты — это люди, которые учат не истине, а лишь зарабатывают деньги. Стоит заметить, что критика софистов имеет значение и сегодня.

Многие преподаватели философии в разных университетах мира продолжают осуждать софистов, исходя из позиции Сократа. Бертран Рассел нашел едкий способ прокомментировать это. Он спросил:

Почему же философы XX века, которые осуждают платных учителей мудрости, софистов, с легким сердцем каждый месяц получают заработную плату? Если они осуждают платных учителей мудрости за то, что те получают вознаграждение, что же им мешает отказаться от этого вознаграждения, когда оно поступает к ним в виде заработной платы? Или они такие же платные учителя мудрости — софисты?

Йозеф Шумпетер полагал, что Фалес и другие мыслители того периода были сторонниками модели, которую сейчас называют конвенциональной истиной (конвенция — соглашение, договоренность).

Идея конвенциональности истины означает (именно за это Бастиа критиковал греков), что можно договориться до любой точки зрения, иными словами, по идее конвенциональности истины любая точка зрения может быть верной, если человек сможет правильно ее изложить, доказать. Фактически софистика и философия в тот период времени — искусство убеждения людей в своей правоте. Причем не имеет значения, правы вы или нет, главное — победить в споре.

ПИФАГОР И СТРАХ БОБОВ

Пифагор, в отличие от многих других мыслителей, которые говорили о сущности, обожествлял и почитал «число», полагая, что оно лежит в основе всего. Поэтому, если необходимо что-либо объяснить, следует это выразить в виде числа. Считается, что Пифагор, который был не только философом, но и великим математиком, является одним из основоположников нумерологии.

Нумерология — мистическое учение о значимости чисел в жизни человека. Ноль для Пифагора — знак истины; один — мужское начало; два — женское начало; три — детское начало; четыре — энергия Земли; пять — свобода и движение; шесть — семья, любовь, доброта; семь — внутреннее, нематериальное, психология и духовность.

Пифагор создал своеобразную секту, которая обожествляла число и провозглашала праведную жизнь. Что такое праведная жизнь у пифагорейцев? С одной стороны, вполне традиционные вещи, присущие аскетическим системам философии; с другой стороны, он полагал, что бобы являются самым большим злом в мире (у него была некая фобия бобов), этот страх дошел до того, что если бы пришлось спастись от недоброжелателей бегством через бобовое поле, то он предпочел бы умереть.

У Пифагора было непреодолимое желание математизировать мир вокруг себя. Можно назвать это навязчивое желание «квантофренией», как назвал Питирим Сорокин в своей работе склонность Пифагора к математизации. Иначе это можно назвать метроманией. В известном отношении Пифагор был родоначальником того, что сейчас называют математической экономикой, которую следует считать ветвью нумерологии.

ДЕМОКРИТ И СУБЪЕКТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

Еще один философ из досократической эпохи — Демокрит, один из наиболее интересных с точки зрения современной экономической теории, поскольку его работы содержат

некоторые интересные идеи, связанные с ценностью, собственностью и временным предпочтением.

Левкипп и Демокрит — два известных греческих атомыста, они полагали, что все состоит из атомов. Однако эта теория казалась для того времени фантастикой, как, например, если бы существовала теория о том, что все состоит из бобов. Лишь спустя более двух тысяч лет теория Левкиппа и Демокрита обрела научный статус. Демокрит считается первым материалистом. Карл Маркс написал диссертацию о различии между учениями Демокрита и Эпикура.

После Первой русской революции Ленин штудировал труды Гегеля. После изучения Гегеля и других философов остались «Философские тетради» по всей мировой философии, которые должны были изучать советские студенты. В этих тетрадях Ленин разными ругательными именами называл тех или иных философов, в частности Гегеля.

Так, Гегель, рассуждая об Эпикуре, говорил, что тот полагал: боги существуют, но в межатомарном пространстве, и ни во что не вмешиваются. По мнению Гегеля, это было слишком унижительно для богов, и вот какой комментарий по поводу взглядов Гегеля на Эпикура оставил Ленин: «Попался идеалист! Бога пожалел! Сволочь идеалистическая!»⁴².

Труды Демокрита посвящены не только атомуизму и материализму, также он первым сформулировал субъективную теорию ценности. Как он сам об этом писал, люди ценят одно и то же, в зависимости от своих потребностей. У одних нечто вызывает радость, у другого то же самое — печаль, у людей нет одинакового восприятия вещей и событий.

Он обосновывал необходимость собственности, и считается, что Аристотель многое заимствовал из трудов Демокрита, когда критиковал Платона, потому что тот писал: люди не заботятся о том, что принадлежит всем (если нечто принадлежит всем, то забота меньше, чем если это нечто принадлежит вам).

Демокрит сформулировал принцип временного предпочтения, который содержится в современной экономической теории. Демокрит раскрыл принцип на примере получения

⁴² Ленин В. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 29. С. 267.

благ в настоящем или будущем. Он писал: люди так устроены, что хотят иметь блага такого же качества не когда-то в будущем, а сейчас. И если они будут поставлены перед выбором (получить это благо потом или сейчас), люди всегда предпочитают получить его в настоящем.

ГЕРАКЛИТ VS ЛОГИКА

Один из известнейших философов Эллады — Гераклит, он считался «темным», поэтому, видимо, его особенно высоко ставили Маркс и Гегель. Его идеи были противоположны идеям Аристотеля, поскольку Гераклит отрицал законы формальной логики, хотя ему это можно простить, так как он жил раньше Аристотеля.

Его известные высказывания: «Все течет, все меняется», «В одну реку нельзя зайти дважды», «А» одновременно может быть не «А», т. е. нечто, являющееся темным, в то же время может быть и светлым, или нечто существующее может не существовать. Такого рода положения в свое время называли «диалектикой».

Сложно представить себе, что нечто существует и не существует одновременно, однако это будоражит мысль, это говорит о том, что философия темна и совсем непроста; диалектика и философия Гераклита оказались весьма востребованы в дальнейшем философами, которые стремились во что бы то ни стало пустить пыль в глаза.

Еще одна известная мысль, которая повлияла на политические воззрения XX века, в том числе и на Карла Шмидта, принадлежит Гераклиту. Она гласит, что основанием и отцом всего является война. Если Фалес и Демокрит в качестве основы всего видели воду или атомы, то у Гераклита война — отец всему, поэтому наш мир — мир постоянной борьбы всех со всеми, как говорил Карл Маркс, «борьба — это смысл нашего существования».

Известен спор между Гераклитом и Парменидом: Гераклит утверждал, что не существует ничего — все меняется, а Парменид доказывал, что существует только неизменное, а все остальное не существует. Именно этот спор описал в своем стихотворении про двух философов А. С. Пушкин:

*Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами Солнце ходит.
Однако ж прав упрямый Галилей.*

АНТИГОНА ОТКРЫВАЕТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Сложно оставить без внимания греческие трагедии.

Наверное, это первая в истории человечества попытка посмотреть на законы, данные полисом и правителем, как на то, что имеет объективные пределы.

Что традиционное общество считает высшим? Это полис. Кто является представителем этого полиса? Правитель. Следовательно, боги вещают всем остальным через правителя. Ослушаться правителя — все равно что ослушаться богов. И потому никто не может сказать, что есть закон, стоящий выше закона правителя. Первая история такого конфликта между традиционным взглядом на право и взглядом, что есть вещи, которые законодатель не может установить, даже диктатор, связана с древнегреческой трагедией Софокла «Антигона».

Она, поставленная в 442 году до н. э., повествует о том, что Полиник, брат Антигоны, решил предать родной город Фивы и напасть на него, попытаться захватить. Но попытка не увенчалась успехом, он был убит у стен Фив. По древней традиции его следовало похоронить, но диктатор Креонт, правитель Фив, принял решение, которое есть закон для подданных, о том, что Антигона (и никто другой) не должны хоронить тело Полиника, тело его должно быть съедено хищными зверями, так как Креонт и есть закон.

Исмена говорит сестре Антигоне:

*Погибнем мы, когда, поправ закон,
Нарушим власть и волю мы царя.*

Антигона считает, что Креонт нарушает неписанный закон:

*А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон.*

Несмотря на все угрозы правителя Антигона все-таки хоронит тело своего брата, Полиника, нарушая тем самым закон Креонта, за что ее должны заточить в камень. Узнав об этом, она кончает жизнь самоубийством; узнав о самоубийстве Антигоны, кончает с собой ее жених, который был сыном Креонта; сын Креонта самоубийством вызвал самоубийство своей матери, которая была женой Креонта.

После этого Креонт вынужден признать, что он бессилен, что его закон и его распоряжения бессильны перед определенными вещами, которые стоят выше него. История Антигоны — о том, как человек полагает возможным оценивать законы правителя ниже естественных законов человеческой природы. Сама идея естественного права — это то, что описано в драме Софокла «Антигона». Это первая попытка человечества взглянуть критически на всевластие правителя — правитель не всевластен, поскольку разум человека может стоять выше, чем закон, который безумен. Антигона в своей речи Креонту говорит, что не она безумна, а ее обвинитель (т. е. Креонт), — это противоречит точке зрения о том, что закон правителя всемогущ и не может быть подвергнут критике. Креонт признает свое бессилие перед неписанным законом:

*Боюсь, что лучше доживать нам век свой,
Храня давно завещанный закон.*

КСЕНОФОНТ — АДАМ СМИТ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Первый мыслитель, который написал книгу, посвященную хозяйственной деятельности, — это Ксенофонт. Его книга «Домострой» была написана в тот же самый период времени, когда жил Сократ. О жизни Сократа мы знаем не только благодаря Платону, но и Ксенофону.

Известно: Сократ в своих речах говорил, что у него есть некий «даймоний» (дословно переводится как «демон»),

который не динтует ему, как действовать, но когда Сократ действует неправильно, даймоний его останавливает в нужный момент. На этом основании правители Афин обвинили Сократа в развращении молодежи, в отрицании богов и поклонении перед демонами. Его приговорили к смерти и предложили яд цинкуты. Сократ принял этот яд и заявил: истинный философ не знает, что лучше, смерть или жизнь. Он принял этот яд с полным осознанием справедливости такого решения и не слушал друзей, предлагавших ему бежать. Это один из наиболее известных сюжетов в мировой культуре, который часто находит отражение в живописи.

Хсенофонт описал понятия «ойкос» — хозяйство и «номос» — закон; соответственно, «ойкономос», или «экономика», — это наука о хозяйстве. Так она называлась первоначально в трудах Хсенофонта, прежде всего в «Домострое», где описывается, как это часто бывало у древних греков, беседа между Сократом и Критобулом.

В своих разговорах они часто ссылались на некоего Исхомаха и на его опыт управления хозяйством.

Современные экономисты понимают под экономической наукой совсем не то, о чем писал Хсенофонт. Например, он писал о том, где лучше хранить вино — там, где холодно, а зерно — там, где сухо, а жену нужно выбирать так, чтобы она была полезна днем не менее, чем приятна ночью; где лучше рыть колодец; как содержать рабов. Иными словами, большая часть диалогов касается того, что сегодня называют домоводством. Вот пример одного из диалогов (правда, он больше похож на монолог):

«Когда она уже привыкла ко мне и была послушной, так что можно было говорить с ней, я обратился к ней с таким приблизительно вопросом: “Скажи мне, жена, подумала ли ты над тем, с какой целью я взял тебя и твои родители отдали тебя мне? Ведь не было недостатка в людях: и с кем-нибудь другим мы могли бы спать; это и тебе ясно, я уверен. Когда я раздумывал о себе, а твои родители о тебе, кого нам лучше взять себе в товарищи для хозяйства и детей, я выбрал тебя, а твои родители, как видно, меня, насколько это зависело от их желания. Если когда нам Бог пошлет детей, мы тогда подумаем о них, как их воспитать всего лучше: ведь и это наше общее благо — заручиться как можно лучшими помощниками и кормильцами на старость; а теперь вот хозяйство у нас с тобой общее. Ныне же все, что у меня есть, я объявляю

общим, и ты все, что принесла с собой, обратила в общее. Не то надо высчитывать, кто из нас внес больше по количеству, а надо твердо помнить, что кто из нас окажется более полезным участником в общем деле, тот и вносит большую сумму»⁴³.

Диалоги у Ксенофонта строятся следующим образом: встречаются Критобул и Сократ, Критобул — зажиточный афинянин, а Сократ — бедный философ, они начинают спорить о хозяйстве. Критобул говорит, что ему нравится та наука, которая учит, как разбогатеть, потому что у него есть быки, у него есть дом, у него имущество, он ходит в баню, а нищему Сократу остается только философствовать.

Тем не менее Критобулу интересно побеседовать с Сократом о хозяйственной деятельности, потому что ему любопытно, что же такое хозяйство, нужна ли такая наука, которая занималась бы хозяйством. И Сократ, отвечая на вопросы, прежде всего ставит вопрос: что есть польза и что есть благо? Критобул как практичный человек (в диалогах Платона и Ксенофонта всегда присутствуют практичный, но недалекий человек и философ-диалектик, который ставит его своими вопросами в тупик) говорит, что благо — это когда у человека что-то есть. Имущество человека и есть богатство.

Сократ ему отвечает:

— А все болезни, что у нас есть, — это наше богатство, стало быть?

На что Критобул говорит:

— Это, конечно, не богатство, мы должны устранить болезнь.

— Так что же такое богатство? — снова спрашивает Сократ.

— То, что человек имеет, а именно то, что приносит ему пользу.

— Тогда возникает вопрос: что такое польза, если у человека есть какое-то благо, но он не может им пользоваться? Если у Критобула есть флейта, но он не умеет ею пользоваться, то это для него не благо, а вот если ее можно продать, то она становится благом.

На основе таких сократических бесед Ксенофонт приходит к выводу о том, что Критобул беднее Сократа, потому

⁴³ Ксенофонт. Домострой // Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 219.

что последний говорит о том, что богатым следует считать человека, если он способен удовлетворять свои потребности, иными словами, богатство — это наличие достаточного имущества, которое удовлетворяет потребности. На это Критобул смеется и говорит Сократу, что он весьма богат, а у Сократа ничего нет. Но Сократ отвечает:

— Доволен ли ты своим имуществом? Тебе этого достаточно или нет?

— Нет, — говорит Критобул. — Мне много чего нужно.

— Вот поэтому-то ты и нищий, — резюмирует Сократ. — А у меня нет ничего, но я и не хочу ничего, поэтому я счастлив и богат.

В «Домострое» можно найти довольно странные разделы, например, глава 10 называется: «Отучение жены от косметических средств и приучение к укреплению тела заботами о хозяйстве», но еще более удивительна аргументация:

«Так вот, Сократ, я как-то увидал, что она сильно набелена (хотела казаться белее, чем она есть) и сильно нарумянена (хотела казаться румянее, чем в действительности) и что на ней башмаки на высокой подошве (хотела казаться выше своего настоящего роста).

“Скажи мне, жена, — спросил я, — когда ты считала бы меня как владельца общего с тобою состояния более заслуживающим любви — если бы я показал тебе, что есть в действительности: не хвастался бы, что у меня больше, чем есть, и не скрывал бы ничего, что есть, или же если бы вздумал обмануть тебя: рассказывал бы, что у меня больше, чем есть, показывал бы серебро поддельное, цепочки с деревом внутри, быстро линяющие пурпурные одежды и выдавал бы их за настоящие?”

Она сейчас же сказала в ответ: “Что ты, что ты! Я не хочу, чтоб ты был таким. Если бы ты стал таким, я не смогла бы любить тебя от всей души”. “Ну хорошо, — сказал я, — мы сошлись с тобою, жена, также и для телесного общения?” — “Да, так люди говорят”. — “Так когда, по-твоему, я заслуживал бы больше любви, находясь в телесном общении с тобою, — если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтоб оно было здорово и сильно и чтобы благодаря этому у кожи был действительно хороший цвет, или же если бы

я показывался тебе, намазавшись суриком и наложивши краску под глазами, и жил бы с тобою, обманывая тебя и заставляя смотреть на сурик и касаться его вместо моей собственной кожи?»⁴⁴

У греков есть довольно комичные диалоги, но есть и интересные, они связаны с представлениями о торговле и хозяйстве.

Сократ рассказывает, что он — предприниматель: он покупает землю, обрабатывает и продает по более высокой стоимости, и они вместе с Сократом обсуждают, насколько это хорошо, ведь если ты земледelec, а земледелие есть высшее благо, что же хорошего в том, что ты ее сначала покупаешь, а потом продаешь, ведь ты спекулянт. На это Сократ говорит, что тот, кто любит возделывать землю, даже если он сначала покупает ее, а потом продает, фактически достоин своего выигрыша и является хорошим человеком.

Также у Ксенофонта есть интересное рассуждение, предвосхищающее идеи разделения труда и емкости рынка.

Если человек живет в небольшой деревне и в этой деревне есть тот, кто изготавливает обувь, и этот человек, очевидно из-за того, что там мало жителей, будет специализироваться на всех видах обуви (на мужской, женской, детской обуви) и, возможно, не только на обуви, ведь ему совершенно бессмысленно специализироваться на чем-нибудь узкого направления, потому что, если он будет специалистом только по мужской обуви, он не сможет продать столько, сколько сможет произвести. И если этот человек переезжает в город, то там он находит мастеров, которые занимаются конкретным делом, и начинает специализироваться на каком-то конкретном виде обуви. В городе разделение труда становится больше, потому что емкость рынка становится больше.

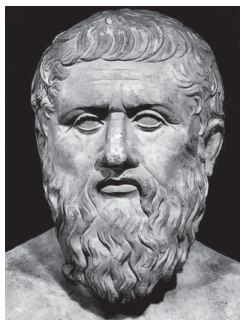
И Смит как раз показывал в XVIII веке, что **количество производимых гвоздей определяется не технологией изготовления гвоздей, а емкостью рынка, а емкость рынка, в свою очередь, зависит от численности населения.**

⁴⁴ Там же, с. 231–232.

ПЛАТОН

*Одoleвая причуды, ребячества
и невразумительный жаргон этого
произведения [Платона], я часто спрашивал
себя, как могло случиться, что мир
в течение столь длительного времени
считался с такой бессмыслицей?*

Томас Джефферсон

Один из двух наиболее известных философов Древней Эллады Платон был однажды поражен мудростью и красотой речей Сократа. Известно, что Сократ ничего не писал: лишь философствовал и «ловил человеческие души», и однажды к нему присоединился юноша по имени Аристокл, он же Платон, который стал за ним все записывать. Практически во всех диалогах Платона присутствует Сократ. И удивительно то, какой путь проделал Платон с первых диалогов, когда Сократа обвинили в непочтении богов и в поклонении перед демонами до последнего диалога «Законы».

Два историка экономической мысли, Лайонел Роббинс и Йозеф Шумпетер независимо друг от друга называли концепцию Платона фашистской. Но были и есть восторженные его последователи. Ральф Уолдо Эмерсон говорил:

«В числе книг одни творения Платона заслуживают фанатическую похвалу, сказанную Омаром про Коран: *«Сожгите библиотеки: в этой книге все, что в них ценного»*. Творения Платона заключают в себе образованность народов; они краеугольный камень философских школ, главный родник

литератур. Они — основные начала логики, науки счисления, изящных искусств, симметрии, поэзии, языкознания, риторики, онтологии, морали или практической мудрости. Нигде и ни в ком не проявилась такая ширь и высота умозрения. Все, что писали, все, что обсуждали люди мыслящие, — все идет от Платона. Он страшный разрушитель последующих оригинальностей. Дойдя до него, мы достигаем горы, от которой отделились все вокруг разметанные скалы. Платон — это философия, а философия — Платон. Он слава и вместе укор человечеству, потому что ни одной из европейских рас не удалось прибавить ни одной идеи к его категориям»⁴⁵.

Очевидно, что эта похвала в основном относится к его метафизике, к его теории идей, но вспоминая о том, какие законы рекомендовал Платон в своем идеальном государстве, и приводя в пример то, что в идеальном государстве возможны и необходимы донос, насилие; что дети и жены должны быть общими, законы должны ограничивать практически любую деятельность, связанную с индивидуальным выбором, и человеческая душа не должна быть способной мыслить себя как что-то независимое, индивидуальное и т. д., у нас возникает множество сомнений.

Следует признать, многое из того, что сейчас называется философией, так или иначе идет от Платона: обожествление власти, презрение к богатству и частной собственности. Платон был также убежден, что править должны лучшие. Осталось только выяснить, как этих особенных людей отличить от обычных. В «Преступлении и наказании» Достоевского Порфирий Петрович задает этот вопрос Раскольникову: как же этих особых людей не перепутать с обычными, не сделать так, чтобы они случайно не подумали, что они какие-то особенные. Как же часто случается наблюдать желание видеть себя особенными, и если дать «особенным» неограниченную власть, то ничем, кроме бойни, это не закончится.

Государство

Самый известный труд Платона — «Государство», в нем он пытался объяснить, каким видит идеальное государство, это первая в мировой культуре утопия. В этом идеальном государстве непременно должно быть разделение труда, люди должны

⁴⁵ Эмерсон Р. Избранные сочинения. М.: Проблемы эстетики, 1912. С. 68.

действовать в соответствии с их талантами и способностями. Платон даже допускает наличие денег в своем идеальном государстве, они позволили бы упростить обмен между людьми.

Таким образом, Платон был первым из известных греческих философов, кто заговорил о разделении труда. Ему же принадлежит схема кругооборота политических форм, начинающая от тимократии или аристократии и заканчивая тиранией.

Интересно, что первым марксистом в истории философии был именно Платон, потому что он объяснял переход от аристократии к олигархии следующим образом: «Скопление золота в кладовых частных лиц губит тимократию, они, прежде всего, выискивают, на что бы его употребить; для этого перетолковывают законы, мало считаясь с ними. Так поступают и сами богачи, и их жены». Примерно то же говорят и марксисты: где правят богатые, там происходит вырождение в олигархию, потому что людей портит желание денег. Режим олигархии неустойчив и переходит в демократию, это происходит не естественным путем, а революционным.

Платон презрительно относится к демократии. По мнению Платона, эта форма неизбежно вырождается в охлократию. Охлократия — это правление черни, когда решения принимаются не лучшими. Затем приходит спаситель в лице монарха, потому что всем необходим порядок. Потом на смену монархии приходит тирания, потому что прекращается контроль над деятельностью монарха.

Таков кругооборот политических форм. Он явно говорит о несовершенстве мира, о его отпадении от мира идей.

Платон видит мир как отпавший от мира идей: «Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на все это и видел, как все пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах»⁴⁶, — так писал Платон о мире, понаблюдав за ним. Философ решил, что мир нуждается в исправлении, и этим исправлением должно заняться государство.

В идеализме Платона содержатся некоторые элементы отчуждения. Мир идей, по Платону, выше реального мира.

⁴⁶ Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 477.

Именно философ и имеет доступ к этому миру идей. Философ — это тот, кто вместе с другими людьми живет в пещере (миф о пещере в «Государстве»), все люди прикованы спиной к стене и видят лишь тени на стене пещеры от вещей, которые проносят мимо входа. Платон пишет, что философ — это тот, кто вырывается из цепей, выходит из пещеры и видит истину. Задача философа — вернуться в пещеру и показать людям, что они заблуждаются. Им нужно рассказать об Идеальном государстве.

5040

5040 человек — идеальная численность населения в Идеальном государстве. Это число хорошо делится без остатка на числа от 1 до 10, что неслучайно, так как в этом государстве все общественные работы должны делиться на всех членов общества. Если в идеальном государстве 5040 человек, то правитель знает, как управиться со всем хозяйством. Идеальное государство не может быть изменчивым, оно статично. Идеал греков — это статичное государство. Платон пишет, что такое Идеальное государство:

«Прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. Затем, ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий... питаюсь все вместе, как во время военных походов, они жить будут вместе... Правителям потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен»⁴⁷.

Вот что предлагает Платон делать законодателю: «Законодатель должен найти все возможные средства, чтобы узнать, каким образом можно заставить всех живущих совместно людей постоянно, всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые мысли»⁴⁸.

В Идеальном государстве, естественно, не должно быть денег и кредита: **«Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром.** Предоставление денег человеку, которому не доверяют, или отдача их под проценты не должны иметь места»⁴⁹.

⁴⁷ Платон. Государство // Диалоги. М.: Эксмо, 2008. Т. 2. С. 204–205.

⁴⁸ Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 113.

⁴⁹ Платон. Законы // Диалоги. М.: Эксмо, 2008. Т. 2. С. 900.

Дети и жены у Платона также должны быть общими: «В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети — тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия, а царями должны быть наиболее отличившиеся в философии и военном деле»⁵⁰.

«Если кто из мужчин... коснется женщины... без разрешения правителя на их союз, мы скажем, что такой мужчина преподнес государству незаконного ребенка»⁵¹.

В Идеальном государстве и мысли должны быть общие. Вот еще несколько строк из Платона:

«Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне, и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например, по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться, пробуждаться ночью для несения охраны и исполнения поручений... Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-то отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно»⁵².

Платон думает и о том, чтобы регламентировать и сферу личных отношений: «Всем надлежит жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти, кто этого не сделает, будет присужден к лишению гражданских прав — в той или иной степени»⁵³.

Каким же образом нужно воспитывать граждан в Идеальном государстве? Главное средство — ведение хороводов.

«Тот, кто не умеет упражняться в хороводах, человек невоспитанный, а кто достаточно в них упражняется, тот воспитан. Поэтому хорошо воспитанный человек должен уметь прекрасно петь и плясать»⁵⁴.

⁵⁰ Платон. Государство // Диалоги. М.: Эксмо, 2008. Т. 2. С. 355.

⁵¹ Там же, с. 259.

⁵² Там же, с. 1028–1029.

⁵³ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 173.

⁵⁴ Платон. Законы // Диалоги. М.: Эксмо, 2008. Т. 2. С. 802.

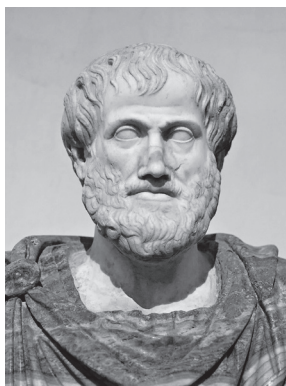
Однако не все поддаются такому гуманному перевоспитанию. Для них Платон разработал особые наказания.

В труде «Законы» Платон предлагал следующие законы:

1. Торговать могут только метеки и иностранцы, так как торговля развращает душу.
2. Законы искусства неизменны.
3. Детально регламентировать день и ночь.
4. За оскорбление богов — смерть.
5. За неуважение к родителям — избиение.
6. За частные святилища — смерть.
7. За занятие двумя ремеслами — тюрьма.
8. За расхваливание некачественного товара — избиение.
9. За злословие — избиение.
10. За бесчестное выступление адвоката — смерть.

В самом деле, именно от Платона идут все утопии: социализм, фашизм и этатизм.

АРИСТОТЕЛЬ

Аристотель был учеником Платона, правда, серьезно отличался от учителя и стилем своих рассуждений, и выводами, к которым приходил. Такое случается довольно часто с учениками, когда они приходят к прямо противоположному воззрению по сравнению с тем, чему их учили.

В Средние века Аристотеля так и называли — Философ, потому что его труды считались содержанием того,

что называется метафизикой. Настолько сильным и всеохватывающим было влияние этого греческого мыслителя, что когда картина мира менялась с геоцентрической на гелиоцентрическую, один из исследователей сказал, что он отказывается смотреть в телескоп, потому что то, что он видит, противоречит тому, что говорит об этом Аристотель.

Аристотель, в семнадцать лет поступивший в академию Платона и учившийся там 20 лет, после этого стал учителем Александра Македонского и до кончины своего воспитанника был главой собственной Академии — Лицея, или Лицея. Платон основал Академию, а Аристотель основал Лицей. В Афинах он жил до гибели Александра, а после его изгнали афиняне, вспомнив все дела, связанные с Александром Македонским, и Аристотель достаточно быстро погиб в изгнании.

Александр Македонский, Аристотель и красавица Филлис

Существует множество средневековых картин, где верхом на Аристотеле сидит прекрасная дева — Филлис, которая соблазнила двоих мужчин. Эта легенда была популярна в Средние века и дошла до настоящего времени от арабов.

Первый мужчина, которого соблазнила красавица Филлис, был великий полководец Александр Македонский, покоренный ее красотой. Так как Аристотель был учителем

Александра Македонского, он как-то предупредил своего ученика, что любовь — недостойное для него занятие, предупредил, чтобы он был осторожен, поскольку женщины коварны, и необходимо вести себя аккуратно.

Об этом узнала Филлис и решила соблазнить Аристотеля. Легенда сообщает, что Аристотель, увидев обнаженные ступни Филлис, не смог устоять перед ее красотой и возжелал ее. Она поставила условие: если он хочет ее добиться, то должен на четвереньках провезти ее от одной стены до другой. И тайком пригласила Александра Македонского, который увидел своего учителя, на котором каталась красавица Филлис.

Аристотель, попавшийся с поличным, отреагировал на это спокойно, сказав, что женщины — опасные создания и можно на наглядном примере убедиться, до чего доводит общение с ними. Великий полководец не разочаровался в своем учителе и посчитал, что это был урок, который преподан на лабораторных началах путем прямого наблюдения.

Айн Рэнд об Аристотеле

Айн Рэнд считала, что она обязана только одному философу, который был до нее, — Аристотелю, и прежде всего в вопросах логики, потому что Аристотель пытался сформировать рациональные способы познания в своих трудах, а потом приложить эти философские категории к решению актуальных социальных проблем. В 1965 году Айн Рэнд писала:

«Распад философии в XIX столетии и ее полный крах в XX веке повлекли за собой сходные, хотя гораздо более замедленные и не столь заметные со стороны, процессы в современной науке. Безумные темпы сегодняшнего технического прогресса чем-то неуловимо схожи с ситуацией накануне экономического кризиса 1929 года — собственной движущей силы эта безудержная горячая экспансия не имеет. Паразитируя на прошлом, на остатках бесстыдно присвоенной аристотелевской эпистемологии, она не желает осознать, что ее теоретический кредит давно превышен; что ученые больше не могут ни обобщать, ни интерпретировать на теоретическом уровне данные собственных исследований, а потому потворствуют возрождению дикарского мистицизма. В области гуманитарных наук, однако, кризис уже наступил, “Великая депрессия” началась, окончательный крах — наступил»⁵⁵.

⁵⁵ Рэнд А. Что такое капитализм? // Апология капитализма. М.: НЛО, 2003. С. 20.

Это было написано в 1965 году. Крах определенный, несомненно, наступил в 70-е годы, а именно крах кейнсианской экономической политики, стагфляция и то, что привело к повороту вправо многих стран. Вправо — в смысле свободного рынка и дерегулирования.

Но очевидно, что после финансового кризиса 2007–2009 годов эти проблемы вновь стали актуальными, — проблемы, являющиеся следствием забвения аристотелевской эпистемологии.

А есть А

А есть А — это символическое описание одного из трех фундаментальных законов логики, о которых не раз говорила Рэнд, — закона тождества.

Три фундаментальных закона формальной логики, идущие от Аристотеля, это: 1) закон непротиворечия, 2) закон исключения третьего и 3) закон тождества — три фундаментальных закона логики, которые лежат в основе всех рациональных рассуждений о мире.

Если мы отрицаем эти фундаментальные законы и мыслим в категориях: «А может быть и не А», то мы отказываемся от рационального способа мышления. Об этом писал и Аристотель. Он писал о законе тождества, который часто нарушается в современных дискуссиях об экономике и политике: «Если у слов нет определенных значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности — и с самим собой, ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслишь каждый раз что-нибудь одно»⁵⁶.

Если под словами каждый раз подразумевается что-то новое, это порождает возможности не только для различных интерпретаций, но и для различных махинаций.

Нет ничего более важного, чем запутанность в случае с законами. Если они запутаны, то можно каждый раз говорить, что они нарушены. Слова в руках законодателя становятся силой, делающей из граждан преступников. Как говорил Мефистофель у Гёте:

*Ноль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.*

⁵⁶ Аристотель. Метафизика. М.: Эскмо, 2008. С. 211.

Аристотель был первым мыслителем, который последовательно применял атомистический, или композитивный, метод, так его стали называть в XIX веке. Аристотель, несомненно, внес вклад именно в такой способ познания.

Вспомните Платона. На чем основывается его утверждение о том, что одно общество является правильным, а другое неправильным? Почему 5040 — это оптимальная численность населения? В конечном итоге он не пытается на основе собственного разума сконструировать законы общежития, он говорит, что ему знание спускается сверху. Ключевая идея пещеры Платона: он выходит из пещеры, и не его разум формирует концепции, а ему эти концепции нисходят сверху с божественных высот.

Мыслители до Аристотеля придавали своему разуму по сути второстепенное значение, за редчайшим исключением они готовы были признать, что истину о мире, истину о государстве можно узнать только иррациональным путем, только погружаясь в мистерии, только усыпляя свой разум, только поддаваясь суггестивным влияниям можно открыть для себя истину.

Аристотель в этом смысле отличается от Платона тем, что пытается не только формировать концепцию на основе разума, но и те концепции, которые родились не из разума (как, например, платоновская), критиковать исходя из своих рациональных взглядов на мир, потому что у Платона, очевидно, вообще отсутствует такое явление, как критика, за исключением разве что софистов. Но в принципе сфера идей для него — результат инспирации, а не рационального и критического способа познания.

Аристотель был первым, кто поставил вопрос о справедливой цене. О том, что лежит в основе ценности и цены. У Аристотеля на этой основе создается пусть и элементарная, но все же система экономических понятий.

Аристотелю также принадлежит учение о накоплении богатства, или то, что он называл **хрематистикой**. Он разделял два вида деятельности: экономику, которую одобрял и считал естественной, и хрематистику (от слова «хремота» — запас, или накопление).

Хрематистика — это наука о накоплении капитала, и тот, кто стремится к накоплению капитала, по Аристотелю,

действует противно природе. Он стремится к бесконечному обогащению, а бесконечное, полагал Аристотель, противно природе.

«Лего»: композитивный метод Аристотеля

Само понятие «композитивный» — от слова «композиция», формирование целого на основе рационального понимания частей. Как воспринимает мир Платон или, например, его последователь Маркс? Как целое: он пытается понять законы изменения целого. Например, у Маркса в «Капитале» прямо написано, что он считает своей заслугой открытие законов движения капитализма, капитализм рассматривается как некая субстанция, которую можно наблюдать извне, как бы из космоса смотреть на нее и делать вывод о будущем этой системы. Платона и его последователей стали позже называть холистами — они пытались познать целое, не обременяя себя изучением первичных элементов, из которых это целое состоит.

У Аристотеля совершенно иной подход: мы не можем понять сложное целое, пока не поняли функционирование элементов, из которых это целое состоит. Если вы хотите понять хозяйство, вам необходимо начать с самых простых элементов. И Аристотель начинал именно с них. Правда, для него этим самым простым элементом является семья, и отношения внутри семьи у него иерархические. Он рассматривал несколько видов отношений: отношения между правителем и подчиненным, между хозяином и рабом и между мужем и женой.

В самом начале своей «Политики» Аристотель писал:

«Излагаемое (устройство государства) станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение. И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов»⁵⁷.

⁵⁷ Аристотель. Политика. М.: Эксмо, 2008. С. 685.

Можно проиллюстрировать метод Аристотеля с помощью конструктора «Лего», первичными «кирпичиками» здесь будут действия конкретных людей («атомов»), из них складывается целое — общество. В дальнейшем такой метод анализа называли атомистическим, или композитивным.

«Атом» — это первичный элемент. Вы конструируете целое на основе анализа действий конкретных индивидов. Если вы не делаете так, вы не пытаетесь построить картину последовательно, вы получаете единственный способ познания целого через мистическое откровение — это путь Платона.

Аристотель, как мы видим, мыслил иначе. Для Аристотеля научный способ познания — это способ познания причин и следствий, это универсальный закон всех явлений.

В конце XIX века Карл Менгер признавал значение Аристотеля в двух пунктах: 1) он первым начал мыслить с позиции методологического индивидуализма (хоть и непоследовательно) и 2) он стал рассматривать человеческую деятельность как направленную на достижение определенных целей, где цели выступают причиной выбора соответствующих средств (благ более высокого порядка у Менгера). У Аристотеля содержатся основы каузально-реалистической теории австрийской школы Менгера.

Роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» состоит из трех частей: «Непротиворечие», «Или — или» и «А есть А», названных в честь законов формальной логики Аристотеля.

Прежде всего законы логики противопоставлялись софистам, которые полагали, что истина — это просто господствующее мнение — кто в большинстве, тот и прав. Аристотель противопоставлял этому формальную логику: **из двух противоположных утверждений одно обязательно является верным, а другое обязательно является ложным**, и не важно, сколько людей нечто утверждает.

Если я утверждаю, например, что «меня зовут Павел», и я утверждаю, что «меня зовут не Павел», то из этих двух утверждений одно обязательно является истинным, а другое ложным. Оба утверждения не могут быть истинными, оба утверждения не могут быть ложными: если бы я сказал: «Меня зовут Аристотель» и «Меня зовут не Аристотель», то одно из этих двух утверждений оказалось бы истинным («Я не Аристотель»), а другое ложным.

Например, Гегель утверждает, что познать его философию можно, только если встать на точку зрения противоречия — противоречие лежит в основе познания, нечто является одновременно истинным и одновременно ложным.

Идея Гераклита о том, что нет устойчивых понятий, заимствованная Гегелем, приводит к мистическому способу познания, потому что рациональное познание и единство противоположностей невозможны. Как можно представить себе утверждение о том, что я одновременно и являюсь, и не являюсь, скажем, Аристотелем?

Это невозможно чисто логически, так устроен наш разум, с помощью которого мы познаем реальность. Если мы отказываемся от законов логики, то мы отвергаем разум, за чем с неизбежностью следуют разрушительные последствия.

Хрематистика

Хрематистика — это то, что Аристотель рассматривал как нечто греховное, с чем нужно бороться, что противоречит естественному ходу вещей. Чем обосновывал Аристотель нелюбовь к накоплению богатства? Он рассматривал накопление богатства как противоестественное стремление. Если люди начинают торговать друг с другом, то они начинают пользоваться деньгами, но как только возникает торговля, возникает возможность накопления денег. В отдельном хозяйстве для отдельного индивида есть граница потребностей — человеческие потребности не безграничны, а хрематистика стремится к тому, чтобы увеличивать наши потребности до бесконечности, и в этом смысле хрематистика, полагал Аристотель, противоестественна, нужно бороться со стремлением к бесконечной наживе.

Из этого положения Аристотель делал вполне прагматичные политические выводы о необходимости регулирования, поэтому Аристотеля любят те, кто не хочет жить в платоновской утопии (не хочет, чтобы у них были общими жены, мужья, дети и даже мысли), но при этом хочет, чтобы полис регулировал отношения между людьми и ограничивал стремление к наживе, к хрематистике.

Для Аристотеля, как и для общественного мнения той эпохи, любое накопление богатства — это лишение части

общества возможности потреблять. Если люди сберегают, а не потребляют, то это является злом, потому что если бы они эти деньги отдали бедным, а не накапливали зерно в своих амбарах, то община чувствовала бы себя гораздо лучше.

Ранее мы говорили о том, как Фалес заработал деньги за счет маслобоен: он предвосхитил будущее и стал временным монополистом. Аристотель оценивал его деятельность негативно, и это значительный шаг назад по сравнению с Ксенофонтом, потому что у Ксенофонта тот, кто рационально управляет землей, а потом ее продает, увеличивает ценность земли, и в этом смысле предпринимательство есть благо для Ксенофонта.

У Аристотеля предприниматель — это монополист, который разрушает социальный порядок. В «Политике» он прямо пишет, что тиран, который искусственно ограничивает предложение какого-либо продукта, например зерна, по сути, делает то же самое, что Фалес.

Фалес стал временным монополистом и предлагал маслобойни в аренду. Но что, если бы его предсказание не осуществилось? Тогда бы он получил убыток, владельцы маслобоен получили бы хороший доход, а заказчики — низкие цены на услуги маслобоен. Он взял на себя риск и получил вознаграждение за сбывшиеся предсказания. Тиран силой забирает зерно, Фалес заключил договоры с владельцами маслобоен, которые были добровольными. Это принципиально разные виды деятельности: насилие и добровольный обмен.

Аристотель тем не менее ставит знак равенства между тираном, который не дает людям зерно, и предпринимателем, который ищет способ получения прибыли. И для Аристотеля, и для Платона человек, изобретающий новое, — это злодей, он может разрушить идеальный полис, Идеальное государство, которое открыто лишь разуму философа.

A = αB

Каждый день мы сталкиваемся с таким явлением, как цены, и нам кажется, что это достаточно просто: мы сопоставляем наши денежные доходы с ценниками в магазине, мы ищем скидки, мы ищем те продукты, которые нас интересуют, делаем выбор. Но задаемся ли мы вопросом,

почему именно таким является соотношение между, например, яблоками и грушами, между арбузами и картофелем? Почему одни товары обмениваются на другие в определенной пропорции?

Мы непосредственно наблюдаем номинальные цены, но догадываемся, что пропорция обмена сохранится, даже если денежная единица станет другой или изменится ее номинал. Мы можем разделить стоимость ананаса на стоимость груш и посчитать относительную цену. Относительная цена — это цена ананаса в грушах или какого-либо одного товара, выраженного в количестве другого товара. Если все цены вырастут в 10 раз в денежном выражении, изменится ли принципиально соотношение между ценностью этих товаров? Вряд ли так получится, что товар «золото» в результате инфляции окажется дешевле, чем товар «мука». **Почему золото стоит дороже муки?** Между этими товарами, между ценами на эти товары есть универсальная закономерность. Как это делают все мыслители греческого типа, они ищут за реальностью субстанцию, субстанцию ценности — α .

$$A = \alpha B,$$

где A , B — товары, α — пропорция обмена между ними.

То, что мы ежедневно видим, — это постоянное изменение номинальных цен, но пропорция между этими товарами, как правило, не сильно меняется. Она все же меняется, но законы, которые лежат в основе изменения относительной цены, отличаются от законов, которые определяют номинальную ценность в деньгах.

Если бы у нас в один момент исчезли деньги, как бы мы определили пропорцию обмена между товарами? Она же на чем-то должна была бы основываться.

Возьмем, скажем, молоко и мясо. Мы можем сказать, что пропорции обмена молока на мясо примерно 9 литров молока на 1 кг говядины. Это меновая пропорция, а почему она именно такая? У нас есть постоянное соотношение между ценами, нечто существует в молоке, в мясе, в грече, в сахаре, во всех товарах, что позволяет их сопоставлять. Что же это? Что содержится в этих вещах (химически, физически или как-то еще), что позволяет их сопоставлять? Этот вопрос подводит нас к тому, что интересовало Аристотеля: субстанция ценности.

«В каждой вещи содержится нечто, что позволяет ее сопоставлять с другой вещью», — полагал Аристотель.

Если мы нарисуем множество прямоугольных треугольников с разными сторонами, с разными углами, что позволит нам сопоставлять площадь одного треугольника с другим? Формула: половина основания на высоту, которая позволяет посчитать площадь этого треугольника. В этом смысле каждый треугольник сопоставим с другим на основе площади этого треугольника. А что позволяет нам сопоставлять настолько разнородные вещи, как молоко, мясо, железо и бумага? Аристотель отвечает — деньги. Но деньги — сами товар. Скажем, почему X граммов золота меняется на Y граммов зерна? Тот же вопрос, что и при прямом обмене. Мы не ушли от вопроса. Буйволы, шерсть, ракушки каури — все это обладало и потребительскими свойствами, прежде чем стать деньгами. В принципе любой из этих товаров может быть деньгами, но при определенных условиях. Скажем, молоко явно хуже подходит, чем, например, серебро из-за невозможности длительности хранения.

Аристотеля ошибочно считают родоначальником трудовой теории ценности⁵⁸.

Йозеф Шумпетер в его фундаментальном трехтомнике «Истории экономического анализа» писал про Аристотеля: «Нак труд земледельца сравнивается с трудом сапожника, так и продукт земледельца сравнивается с продуктом сапожника. Все, что участвует в обмене, должно каким-то образом быть сопоставимо»⁵⁹.

Аристотель ставил вопрос о справедливой пропорции обмена, при этом у него были довольно специфические представления о справедливости:

«Если исполняющий должность начальника (arkhon) нанес удар, то ответный удар наносить не следует, а если удар нанесен начальнику, то [в ответ] следует не только ударить, но и подвергнуть каре»⁶⁰.

⁵⁸ Если на изготовление сапог требуется 3 часа, а на изготовление зерна — 1 час, то это будет означать, что за 1 единицу сапог на рынке будет требоваться 3 единицы зерна. И эта пропорция определяется затратами труда. Шумпетер считает, что здесь мы нащупываем нечто схожее с трудовой теорией ценности, которая была использована в XIX веке К. Марксом. Маркс очень высоко оценивает Аристотеля, цитирует его в первом томе «Капитала» и называет великим греческим философом.

⁵⁹ Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2011. С. 142.

⁶⁰ Там же, с. 141.

По всей видимости, Аристотель полагал справедливым неравенство людей и из этого выводил, что «правильные люди» должны получать иную пропорцию обмена, чем «неправильные»: для философа и аристократа цена должна быть ниже, чем для простолюдина.

Аристотель недвусмысленно давал понять — **в основе пропорции обмена лежит именно потребность, а не затраты труда**:

«Не будет же этого, если [обмениваемые вещи] не будут в каком-то смысле равны. Поэтому, как и было сказано выше, все должно измеряться чем-то одним. Поистине **такой мерой является потребность**, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким»⁶¹.

Два исследователя приходят к такому же выводу о том, что именно потребность лежит в основе обмена у Аристотеля:

«Цена у Аристотеля выражает не количество труда, а, так сказать, степень потребности; она обусловлена потребностью и исчезает вместе с нею»⁶².

Один из крупнейших дореволюционных историков экономической мысли пишет:

«Основой субъективной оценки хозяйственных благ Аристотель с неизменным постоянством считает полезность их. Он заявляет совершенно определенно, что полезность хозяйственных благ находится в зависимости от имеющегося запаса их»⁶³.

В «Риторике» Аристотель пишет: «То, что встречается реже, лучше того, что бывает в изобилии, как, например, золото лучше железа, хотя оно и менее полезно, обладание им представляется большим благом»⁶⁴.

Субъективная полезность двух благ делает возможным их обмен. Пропорция обмена будет зависеть от интенсивности желания или от предельной полезности, именно так

⁶¹ Там же, с. 142.

⁶² Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2011. С. 411. Комментарий Н.В. Брагинской к «Этике» Аристотеля.

⁶³ Железнов В.Я. Экономическое мировоззрение древних греков. М.: Либроком, 2012 (1916). С. 224.

⁶⁴ Аристотель. Риторика. М.: Лабиринт, 2000. С. 27.

начинают называть фундаментальную категорию, связанную с обменом в XIX веке, благодаря Фридриху фон Визеру — одному из представителей австрийской школы.

Таким образом, Аристотель может быть назван основоположником субъективной теории ценности. При этом он совершил одну серьезную ошибку, которая повлияла на всю историю экономической мысли.

Земледелец и башмачник

Аристотель — фанатик справедливости, а справедливость, как он полагал, это то, что основано на равенстве. Равенство лучше всего, следовательно, вещи должны быть сопоставимы и равны в обмене.

Аристотель восхищался Пифагором и любил использовать его уравнения для нахождения справедливой цены⁶⁵. У Аристотеля говорится:

«Расплата будет иметь место, когда справедливое равенство установлено так, чтобы **земледелец относился к башмачнику, как работа башмачника к работе земледельца**»⁶⁶.

Если буквально понять формулу Аристотеля, нам бы пришлось делить земледельца на башмачника, что абсурдно.

Аристотель, видимо, имел в виду, что земледелец (его труд) и полезность его труда относятся к башмачнику, как продукт башмачника относится к продукту земледельца.

Иначе говоря, что такое оказывается α в формуле Аристотеля? Это степень желаемости земледельцем продукта башмачника, потому что чем больше земледелец ценит труд башмачника, тем больше пар обуви он получит. Не на основе затрат. Чем больше потребность земледельца в труде башмачника (если земледелец хочет иметь больше башмаков), значит, и цена башмаков будет выше, земледелец отдаст больше зерна за башмаки.

У Аристотеля фактически присутствует не трудовая теория ценности, а теория, показывающая возможный выигрыш от специализации и от обмена.

⁶⁵ Кстати говоря, из этого рождается теория неэквивалентного обмена, очень важная для сегодняшнего дня. Многие интервенционисты говорят, что есть обмен эквивалентный, а есть неэквивалентный. Нужно вмешательство третьей стороны — государства, которое сделает так, что обмен станет эквивалентным.

⁶⁶ Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2011. С. 142.

Ошибка Аристотеля

*Все, что участвует в обмене, должно
каким-то образом быть сопоставимо.*

Аристотель

Важный момент, который можно назвать «ошибкой Аристотеля» и который в дальнейшем часто повторялся, — это равенство в обмене. В действительности, если мы возьмем обмен между двумя благами, то как раз благо у нас не имеет одинаковую ценность для двух субъектов. Если у нас есть земледelec и башмачник, и они обмениваются друг с другом товаром — земледelec отдает зерно, а башмачник отдает обувь, — то обмен подразумевает неравенство ценностей.

Чтобы земледelec согласился на эту сделку, для него ценность обуви должна быть больше, чем то, что он отдает в виде зерна. Если для него эти блага являются одинаково ценными, то он не будет совершать обмена, поскольку это экономически бессмысленно. Для башмачника это также верно: он ценит зерно, которое получает от земледельца, больше, чем обувь, которую отдает. Если ценности совпадают, то обмен невозможен. Это обмен «шила на мыло».

Всякий обмен подразумевает превышение ценности получаемого над даваемым, иначе сделка не будет совершаться. Это означает, что всякий обмен неэквивалентен, всякий обмен подразумевает разность ценности, а ценность существует не в вещах.

Не надо искать субстанцию ценности в вещах, она в голове оценивающего субъекта. Именно он придает ценность тем или иным вещам. Попытка искать в вещах субстанцию — это как раз платонизм, желание искать идею в вещах, в то время как блага оцениваются не по тому, сколько усилий потребовалось на их изготовление, а по тому, какую ценность их блага составляют, скажем, для земледельца или башмачника.

Чем больше землевладелец начинает ценить обувь, тем больше будет цена обуви. Относительная цена обуви будет расти, а относительная цена зерна — падать. Именно от этих факторов зависит пропорция обмена.

Аристотель — первый прогрессист!

Аристотель восхищался философией Пифагора, поэтому неслучайно он пытался найти субстанцию ценности исходя из неких идеальных математических пропорций. Это привело его к вопросу о справедливом распределении. Здесь также не обошлось без метромании Пифагора.

Справедливое распределение по Аристотелю — это нечто в высшей степени важное, поэтому если у нас существует неравенство, это неравенство нужно всеми возможными способами устранить. Аристотель приводил такой пример.

Человек совершил преступление и получил выигрыш 17 у. е. Этот человек приходит в суд в качестве ответчика. Он совершил преступление, в результате которого получил выигрыш в размере 17 единиц. Истец потерял 3 у. е. Возникает вопрос о справедливом возмещении, о том, чтобы устранить несправедливость. Как предлагает действовать Аристотель? Для начала я процитирую Аристотеля, и вы поймете, насколько в этом вопросе он был «прогрессистом»:

«Равное — это среднее между большим и меньшим по арифметической пропорции (потому и называют правосудие “дикайон”, что это [дележ] пополам — “диха”, как бы говоря “дикайон”, и вместо “дикастес” — “дихастес”). Действительно, если отнять часть от одной из двух равных [величин] и прибавить к другой, последняя на две эти части больше первой, если же отнять, но не прибавить [что отняли], то вторая величина больше первой только на одну часть. Следовательно [то, к чему прибавили], на одну часть больше средней [величины], а средняя [величина] на одну часть больше того, от чего отняли. По этой части, таким образом, мы узнаем и что *нужно отнять у владеющего слишком многим, и что добавить владеющему слишком малым*, ибо насколько средняя [величина] превосходит [меньшую], столько нужно добавить имеющему меньшую часть, а насколько средняя [величина] превышена, столько нужно отнять от наибольшей части»⁶⁷.

Рассмотрим это на примере.

17 и 3 — мы должны сложить и поделить пополам, и получим среднее. 20 — это полезности, которую один получает, а другой теряет, и делим пополам, получаем 10. Значит, у каждого должно быть 10. Если у одного меньше, а у другого

⁶⁷ Аристотель. Никомахова этика. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1983. С. 154.

больше, это означает, что нужно у одного отнять 7 и дать другому.

Это в случае с иском. Давайте представим ситуацию иначе, не в ситуации суда, а в ситуации обычного обмена, который Аристотеля тоже интересует.

Предположим, у нас есть некий предприниматель, Аристотель, который продает свое изделие за 10 у. е. Значит, в этой цене есть прибыль предпринимателя. Прибыль составляет 4 условные единицы. Есть еще польза, которую извлекает покупатель, — полезность блага для покупателя, которая составляет 2 условные единицы. Предприниматель, продавая за 10, получает выгоду 4 у. е., а покупатель готов был бы отдать 12 у. е. и получить выгоду 2 у. е. при цене 10 у. е.

В этом примере нет «дыхайона», иначе говоря, распределение выигрыша несправедливое, неравное. Надо сделать так, чтобы от сделки люди выигрывали одинаково. Если один получил большую выгоду, чем другой, это плохо. Нужно вмешаться и выровнять полезности разных людей. Следовательно, для Аристотеля правильная будет цена 9 у. е., чтобы прибыль одного была равна полезности другого: прибыль должна быть 3 у. е. и полезность должна быть 3 у. е. Значит, цена 10 является несправедливой и должна быть понижена до 9.

Аристотель рассматривался Карлом Полани, одним из коммуитаристских теоретиков XX века, как предтеча того, как и что нужно делать государству. Аристотель в его версии — это не Платон, конечно же, который говорил о том, чтобы все обобществить, а тот, кто говорит, что у кого слишком много, должен отдать тем, у кого слишком мало, требуется перераспределение. **В версии К. Полани Аристотель — первый в истории прогрессист.**

Критика государства Платона

В Идеальном государстве Платона люди должны быть одинаковыми, желательно не только одинаковыми физически и по способностям, но и по своим мыслям.

Аристотель на это возражает: одинаковые люди будут меньше выигрывать от сотрудничества с другими людьми. Наоборот, полис будет выигрывать от разнообразия, — если

все являются земледельцами, то никто не может сильно выиграть от сотрудничества с другим земледельцем; если же один является земледельцем, другой башмачником, третий мясником, четвертый виноделом, то каждый из них делает что-то свое, и если люди разные, то возникнет возможность для сотрудничества.

Аристотель говорит, что Идеальное государство Платона, конечно, прекрасно и хотелось бы в нем жить, но при этом он видит, что для полиса выгодно многообразие, чтобы люди имели возможность каждый заниматься своим делом.

Он говорит еще и о том, что Идеальное государство Платона будет неустойчивым, потому что, если он пытается сделать всех людей обладающими одинаковой собственностью, не найдется **стимулов к хорошей работе**. Иначе говоря: зачем человек будет хорошо работать, если он получает так же, как и все остальные люди?

Аристотель говорит, что если в Идеальном государстве Платона никто не будет знать своих детей, жен и мужей, то чисто произвольно возможно кровосмешение. Люди не будут знать, кто их родственники, в Идеальном государстве Платона они будут совокупляться по решению стражей, а стражи также не знают, кто кому является родственником.

Более того, говорит Аристотель, очевидно, что голос крови будет звать людей, и дети станут искать своих родителей, как и родители искать своих детей, поэтому если они найдут друг друга, то останутся крайне недовольны тем, что Идеальное государство отобрало у них возможность общения.

Аристотель признает, что Идеальное государство Платона, лишённое частной собственности, не будет эффективным в экономической сфере: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им, и менее заботятся они о том, что является общим»⁶⁸.

Это то, что в XX веке стали называть «трагедия общин»: когда мы все владеем чем-то и имеем право этим пользоваться, то каждый будет стремиться извлечь выгоду

⁶⁸ Аристотель. Политика. М.: Эксмо, 2008. С. 707.

из использования этим благом и никто не станет стремиться сохранить общий ресурс. Если все принадлежит всем, начинает действовать поговорка «тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость», — так говорили в советское время работники промышленных предприятий. Если ничто никому не принадлежит, это означает, что можно никому не принадлежащим воспользоваться и сделать своим, открывая принцип гомстеда: «то, что первым нашел, то и мое».

Аристотеля можно рассматривать как предтечу каталлактической традиции, говорящей об экономике как об обмене. Каталлактика была наиболее полно осуществлена австрийской школой, поэтому Аристотель — предтеча австрийской школы.

Система Аристотеля

Аристотель задал ключевой вопрос, который содержится во всех трактатах по экономической теории: вопрос о ценности. Субстанцию ценности он находил в потребности (однако совершал ошибку, считая, что при обмене существует равенство). Более того, он разграничивал ценность на потребительскую и меновую, причем осознавал, что вторая каким-то образом соотносится с первой. Он не очень подробно об этом писал, но понимал, что ценность блага, которое мы обмениваем, зависит от того, насколько важную потребность удовлетворяет само это благо.

Если речь идет о вине, то вино может обладать ценностью в виде предмета потребления — мы его выпиваем, или другой вариант — вино обладает ценностью, если мы его не пьем, но можем обменять на те блага, которые нам нужны. В сложном обществе, о котором говорил Аристотель, будет существовать обмен и специализация, и обмен будет осуществляться на основе субъективной ценности.

При прямом обмене (бартере) мы обмениваем вино на зерно, сукно на дерево. Это неудобно, потому что возникает проблема несовпадения потребностей, отсюда возникает универсальное средство обмена — деньги.

Деньги, по Аристотелю, являются средством обращения, средством сбережения, мерой ценности. Аристотель осуждал приращение богатства за счет процента. Для него это было противно природе.

Когда вы посадили дерево, оно дало вам груши — это Аристотелю понятно, а когда вы имеете деньги и из денег получаете деньги — это противоестественно, и то, что деньги способны приносить деньги (а именно они и приносят деньги с помощью процента) — противно природе вещей.

У Аристотеля, конечно, содержится наивная теория производительности, которую критикует Бём-Баверк в первом томе «Капитал и процент». Например, когда речь идет о займе. Вы берете в займ зерно, вы берете в займ виноград, вы возвращаете позже с процентом, но вы при этом не пользуетесь деньгами.

Деньги — это уже очевидно любому теоретiku в экономике в Новое время — не порождают процент. **Процент является неденежным явлением**, он просто связан с фактом межвременного предпочтения, он будет существовать и в той экономике, где нет денег. Мы все равно будем ценить настоящие блага больше, чем грядущие, и поэтому будет существовать скидка на получение благ в настоящем; мы будем желать получить блага сейчас, а не в далеком будущем.

Таким образом, Аристотель в IV веке до н. э. за две тысячи лет до рождения Адама Смита, описал первые пять глав «Богатства народов».

Переход человеческого разума от мифа к логосу совершил Аристотелем. Увы, не вполне последовательный, так как остается непреодоленным коллективизм политической теории Платона. В идее «геометрической справедливости», учитывающей статус обменивающихся сторон, мы видим сохранение мифологии идеального государства Платона. Потребовалось более двух тысяч лет, чтобы возвести политическую теорию на основе эпистемологии Аристотеля, освободив ее от мистицизма и коллективизма Платона. Удалось это лишь Айн Рэнд.

Насколько завершенной является система Аристотеля? Конечно же, очень незавершенной, это только намек экономической теории. Система Аристотеля не включала в себя проблемы экономического развития, капитала, предпринимательства — то, что она содержит сегодня.

Тем не менее это уже похоже на некую систему: ценность, обмен, деньги, функции денег. Аристотель создал небольшую систему, дальше ее развивали уже в Средние века Фома

Аквинский, его последователи в Испании в Саламанкской школе и французские экономисты в Новое время. Завершение этой системы смог осуществить Л. фон Мизес в трактате «Человеческая деятельность».

О деньгах

Платон, как известно, восхищался Спартой.

В «Государстве» содержится идея о том, что деньги — это то, что имеет некий знак. Он рассматривал деньги как знак, и это соответствует теории картализма. Картализм утверждает, что деньги — это то, что государство считает «законным платежным средством». Без приказа государства деньги возникнуть не могут. Платон был представителем денежной теории картализма, в XIX веке эту теорию развивали представители исторической школы, а в XX веке эту идею отстаивал Кейнс.

Противоположная точка зрения характерна для Аристотеля, который говорил, что деньгам присуща внутренняя ценность, и деньги — это не то, что государство называет деньгами, это просто товар, который удобнее всего использовать в качестве средства обмена. Шесть тысяч лет в качестве денег использовались золото и серебро, с 1971 года все мировые валюты не имеют никакого обеспечения.

Золото и серебро имели ценность, определяемую рынком. Их никто не приказывал считать деньгами. Просто люди готовы были принять их к оплате. Ценность золота устанавливалась так же, как устанавливается пропорция между вином и хлебом. Все использовали золото как средство для обмена на другие блага. Эту роль выполняли и многие другие товары, необязательно золото, исторически их было много.

Отличие Аристотеля от Платона в том, что он утверждал: деньги должны обладать внутренней ценностью, как, например, металл обладает ею, а для Платона деньги — это знак ценности, который условно устанавливается государством.

Значение Аристотеля

У Аристотеля есть работа «Топпика», где он говорит о двух важных вещах для современной экономической теории. Он говорит о 1) вменении, о некоторой комбинации факторов производства, которая может обладать большей ценностью,

чем остальная, и о 2) предельной полезности. Он говорит о том, что когда мы производим конечный продукт, его ценность, элементом которого является благо более высокого порядка, определяет ценность промежуточных благ. Если вы производите вино, то виноградная лоза обладает ценностью вследствие того, что вы цените вино, ценность идет от ценности конечного блага.

Вот что пишет Аристотель в «Топике» о полезности, это очень похоже на закон предельной полезности XIX века: «Судим посредством добавления и видим, что добавление А к той же вещи по сравнению с добавлением Б делает целое более желательным, чем добавление В»⁶⁹.

Кроме того, он пишет вполне в контексте современной концепции альтернативных издержек: «То благо больше, противоположность которого есть большее зло и утрата которого действует на нас сильнее»⁷⁰. Мы можем ценить какое-то благо по тому, насколько сильно мы пострадаем в случае лишения нас этого блага. Это фактически говорит о том, что ценность также определяется альтернативными вариантами использования — субъективно. Она основана не на затратах труда, а на том, что мы от чего-то отказываемся ради получения некоторого иного блага. Это похоже на концепцию альтернативных издержек (термин ввел Ф. фон Визер, учитель Хайека).

Все это получило свое логическое завершение в трудах Менгера, Мизеса и Бьюкенена.

ПРАКТИКА ГРЕЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Греки не только занимались саморефлексией, когда речь шла о метафизических проблемах, но и когда оценивали свою политическую систему, которой в целом гордились.

Афинский полководец перед битвой с сицилианцами говорит: «Мы воюем за страну, которая нам дала неограниченную свободу жить как кому нравится»⁷¹. Это свидетельствует

⁶⁹ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 18.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Хайек Ф. Либерализм // Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 330.

о свободолюбии греков. Хотя следует отметить, что большая часть людей в том обществе никакими свободами не обладала, это скорее описание идеала. Тем не менее, греки, видимо, были достаточно искренними в почитании демократии.

Историк Страбон описывает, как относились к свободе на Крите: «На Крите свобода рассматривалась как высшее благо государства, конституция защищала приобретенную собственность граждан, тогда как в состоянии рабства все принадлежит правителям, а не управляемым»⁷².

Если до греков господствовала на практике и в теории постестарная парадигма (одни люди принадлежат другим и одни управляют другими как объектами), то в Греции родилось понимание необходимости ограничения власти государства и признания индивидуальных свобод, произошло рождение правовой парадигмы (каждый принадлежит самому себе и отношения строились на договорной основе), пользуясь терминологией В. А. Четвернина. Пускай в ограниченном объеме (всего лишь 15% населения), но появилась идея о том, что должна быть конституция, которая защищала бы свободу и собственность граждан. Это серьезный шаг вперед.

Перикл очень нравился толпе, его принято считать идеальным правителем, правда, с этим не соглашались Аристотель и Платон. Они считали его диктатором. Вполне возможно, так и было, но его слова говорят о том, что запрос на свободу был в Греции очень высоким:

«Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов, главным образом, из страха перед ними и повинемся лицам, облеченным властью в данное время; в особенности же прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи неписаными, влекут за нарушение их общественный позор»⁷³.

Как мы видим, даже диктатор стал вынужденным хотя бы на словах признавать неписанный закон. Это похоже на идею естественного права или естественного закона, который существует вне зависимости от того, написан ли он законодателем или нет. Есть нечто, что не выдумывается людьми, но что присуще цивилизованному обществу, и цивилизован-

⁷² Страбон. География. М.: Наука. 1964.

⁷³ Фукидид. Из речи Перикла над могилами воинов. М.: Просвещение, 1965.

ное общество может открыть это путем разума. В дальнейшем эти положения, связанные с естественным правом, идущие, конечно же, от Аристотеля, развивались как римскими юристами, так и в Средние века Фомай Аквинским. Самым известным представителем этой естественно-правовой традиции, конечно же, следует считать английского философа Джона Локка, которому посвящена отдельная глава.

УПАДОК ПОСЛЕ АРИСТОТЕЛЯ

После смерти Аристотеля произошел, по сути, закат греческой философии. Популярностью стали пользоваться школы, которые смотрят на мир с большим скепсисом. Это и скептики, и киники (дословно «собаки»), Эпикур и, конечно же, неоплатоник Плотин, который говорил об отпадении, отчуждении мира от высшего блага. Основным стремлением стало не познать мир, как у Аристотеля, а, скорее, уйти от этого мира в мир грез, ожидая наступления конца света.

В фундаментальном тысячестраничном труде Бертрانا Рассела «История западной философии» подводится итог ее развития после Аристотеля:

«Аристотель стал последним греческим философом, который радостно воспринимал окружающий мир; после него все философы в той или иной форме исповедовали философию отступления. Мир плох; давайте учиться быть независимыми от него. Внешние блага неустойчивы; они подарок судьбы, а не награда за наши собственные усилия»⁷⁴.

СТОИКИ И ЭПИКУРЕЙЦЫ

Учение стоиков зародилось в Ларнаке на Кипре благодаря философу Зенону Китийскому. Стоики отличались от платоников и перипатетиков тем, что не считали полис главной ценностью. Их цель — жить в соответствии с природой и естественным законом разума. Толпа вызывала у них презрение.

Прогрессивным у стоиков было, конечно же, то, что они формулировали принципы индивидуальной этики, идущие

⁷⁴ Рассел Б. История западной философии. СПб.: Азбука. С. 292.

не от почитания власти, а от собственного индивидуального взгляда на мир. Причем выражали крайне критическое отношение как к тиранам, так и к власти большинства.

Они не осуждали хозяйственную деятельность, которая не противоречит природе. Если киник Диоген проповедовал, что «любовь к деньгам есть корень всех зол», то стоик Хрисипп резко возразил: «Мудрый человек за адекватную плату три сальто сделает»⁷⁵. Хрисипп также вполне понимал, что неравенство и разнообразие присуще человеку. «Ничто, — отмечал он, — не в силах изменить того обстоятельства, что некоторые места в театре лучше других»⁷⁶.

Стоики были также противниками обожествления власти и демократии, они выступали за индивидуальную этику.

Эпикур может рассматриваться как представитель гедонизма и утилитаризма. Следует признать, что образ Эпикура на протяжении многих веков был крайне нелицеприятным. Так, Данте в «Божественной комедии» писал об Эпикуре:

*Вот Эпикур, прославивший разврат,
Учения которого гласят,
Что с телом дух погибнет безвозвратно...*

Такой образ Эпикура имеет мало общего с реальностью.

Эпикур страдал от болезни желудка. Его философия удовольствия имела очень малое отношение к его повседневной жизни. Он не сильно радовался жизни, и, видимо, поэтому Маркс выбрал его своим кумиром, а также написал о нем диссертацию. (Если Эпикур страдал болезнью желудка, когда писал о философии гедонизма, то Маркс болел фурункулезом, когда писал «Капитал», в письме Энгельсу он писал, что это способствовало формированию нужной ненависти к предмету исследования — капитализму.)

Эпикур во главу угла ставил индивидуальное удовольствие и индивидуальное счастье, поэтому его считают представителем этики гедонизма. Гедонизм противоположен аскетизму. Аскетизм — это стремление жить скромно, об этом также говорили и стоики. Эвдемонизм, отличающийся от гедонизма тем, что он говорит не просто о любом удовольствии, а о добродетельной жизни, которая состоит в правильной комбинации удовольствий и аскезы.

⁷⁵ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 21.

⁷⁶ Там же.

Так же как и стоики, Эпикур говорил не о принципах, которые должны лежать в основе идеального государства, а об удовольствии, об индивидуальной полезности (о последнем, правда, стоики были иного мнения). В дальнейшем эти понятия подхватили французские мыслители, говорящие также о полезности как об основе нашего выбора (например Кондильяк). Мизес в трактате «Человеческая деятельность» высоко оценил значение эвдемонизма и утилитаризма для развития западной цивилизации.

Эпикур признавал принцип не-агрессии: «Естественное право представляет собой преследующий [обоюдную] пользу договор взаимно не вредить и не терпеть вреда»⁷⁷.

Кроме того, Эпикур не считал мудрым иметь дело с государством: **«Мудрец не примет участия в государственных делах, если только к этому его кто-нибудь не принудит».**

Более того, если сопоставить этику Эпикура с этикой стоиков, то выяснится, что у них нет различий. Что, кстати, не раз отмечал Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию»: «Конечная цель блаженной жизни — телесное здоровье и душевная безмятежность».

Мы можем также найти у Эпикура намеки на принцип «окольности» производства, описанный Бём-Баверком в XIX веке: «Лучше вытерпеть некоторые страдания, чтобы насладиться большими удовольствиями; полезно воздерживаться от некоторых удовольствий, чтобы не терпеть более тяжких страданий».

Греческие экономисты-философы, как в микрокосмосе, отразили в своих учениях все, что получило дальнейшее развитие. Тот, кто внимательно изучает их идеи, знакомится с истоками всех дальнейших политико-экономических доктрин.

⁷⁷ Маркс К. Труды по эпикурейской философии. М.: Либроком, 2010. С. 28.

ГЛАВА 3

ДРЕВНИЙ РИМ

Несмотря на Пунические войны, несмотря на то что тысячу лет существовала Римская империя и у нее было множество хозяйственных проблем — и нынешние экономисты, наверное, легионами могли бы изучать хозяйственные проблемы Древнего Рима, — мы не находим у римлян особого интереса к собственной хозяйственной деятельности. Точнее, мы не находим вклада в чистую экономическую теорию или экономический анализ.

Если у греков были Ксенофонт, который размышлял о хозяйстве, Аристотель, который размышлял о ценообразовании, и другие мыслители, для которых все это было важно, то Рим характеризовался, в основном, любовью к своей собственной истории.

В этой главе речь пойдет о значении римского права для современной цивилизации, о том, в чем состоит вклад римских стоиков: Цицерона, Сенеки и Марка Аврелия, трех самых известных представителей этого течения, об их взглядах на общество.

Римские юристы разработали традиционные принципы банковского права, которые содержатся в дигестах и которые объясняют многие вопросы банковского дела, связанные с договором иррегулярной поклажи, с современными банковскими вкладами и вводят важное понятие: *tantumdem*.

Рим = Мир

Рим был основан в VIII веке до н. э. и просуществовал до 476 года н. э., фактически, Римская империя (она не всегда была империей: первоначально — царство, потом — республика, а только потом империя) существовала больше тысячи лет и занимала огромную территорию.

Маленькая Греция, где города-государства характеризуются своими особыми взглядами на жизнь, Афины и еще обширная территория — это территория, подконтрольная Римской империи в период ее расцвета.

Для западной цивилизации тогда было недоступно знание о том, что находится на других континентах, поэтому знание о мире фактически ограничивалось почти что всем, что составляла Римская империя.

Империя властвовала, начиная с Португалии на западе, Англии на севере, Ирана на востоке и Эфиопии на юге. Все это находилось под влиянием Римской империи, которая в Пунических войнах доказала свое могущество на море и в целом на этой территории. Карфаген, как известно, был разрушен.

История была предметом особого почитания у римлян. Многие ученые исходили из уверенности, что живут в великой империи, которая будет существовать вечно.

При Антонинах (во II веке н. э.) Римская империя может считаться протокапиталистическим обществом, потому что она была очень крупным единым регионом свободной (или почти свободной) торговли, без границ; которая существовала за счет обмена, специализации труда и, конечно, за счет рабского труда и завоевания новых территорий. Общество, где важным элементом хозяйства было прежде всего римское право.

РИМСКОЕ ПРАВО

Оно было кодифицировано только в VI веке н. э. при императоре Юстиниане, но, по сути дела, римское право явилось результатом многовековой практики и обобщения деятельности судов. Йозеф Шумпетер высоко оценивал труд римских юристов:

«Мы упоминаем эту литературу (римских юристов) по причине ее подлинно научного характера. Эти юристы анализировали факты и создавали принципы, которые были не столько и не только нормативными, но также во всяком случае по смыслу и объясняющими. Они смогли создать правовую логику, которая оказалась приложимой к широкому кругу социальных структур, по сути, к любой социальной структуре, признающей частную собственность и капиталистическую коммерцию в той мере, в какой их факты принадлежали сфере экономики, их анализ был экономическим анализом»⁷⁸.

Надо признать, Шумпетер считал, что мыслители, жившие до начала Нового времени, внесли серьезный вклад в экономический анализ. Римские юристы смогли сформулировать то, что марксисты называли бы буржуазным правом: право собственности, торговли, займа, все категории, которые сейчас содержатся в любом гражданском кодексе, своим истоком имеют римское право, которое не было изобретением законодателя, а результатом хозяйственной практики и открытия естественных принципов этой практики. В каком-то смысле оно может называться прецедентным: на основе решения судов и на основе действия интерпретаторов законодательства возникало единое понимание принципов хозяйственной деятельности.

Греческая цивилизация оказала колоссальное влияние на Рим прежде всего благодаря своей культуре, но и через философию. Цицерон, Сенека, Марк Аврелий — они также читали и изучали греческих философов, поэтому влияние греческого периода истории на римский колоссально, и мы везде будем обнаруживать это особое влияние Платона и Аристотеля, а также других мыслителей, прежде всего на стоиков.

Кроме цитировавшегося выше Й. Шумпетера существует еще один автор, живший в XX веке, — итальянский юрист Бруно Леони, автор книги «Свобода и закон». Он писал:

«Большинство наших ныне существующих континентальных кодексов, в том числе французский, немецкий и итальянский, были написаны в соответствии с нормами римской правовой системы, зафиксированными в сводах Юстиниана. Некоторые социалисты-реформаторы называют их буржуазными. Так называемые социальные реформы в совре-

⁷⁸ Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. С. 87.

менных европейских странах возможны только при условии отмены или модификации норм, которые очень часто восходят к правилам древнеримского частного права»⁷⁹.

Иначе говоря, социализм настолько возможен, насколько возможно отменить принципы римской правовой системы, так или иначе влияющей на все исторически существовавшие после нее правовые системы. Несомненно, произошла рецепция римского права последующими правовыми системами.

Бруно Леони смотрел на процесс возникновения правовых доктрин, оценивая то, кем были юристы:

«Римский юрист по сути был исследователем⁸⁰, объектом его исследования было решение дел, за которыми к нему обращались граждане, примерно так же, как сегодня промышленники могут обратиться к физикам или к инженеру за решением технической проблемы, касающейся оборудования и производства, поэтому римское частное право представляло собой целый мир реально существующих вещей, которые были частью общего достояния всех римских граждан, то, что можно было открыть или описать, но не принять и не ввести в действие. Никто не принимал этих законов и никто при всем желании не мог их изменить. Это не означало, что изменений не было, но это определенно означало, что люди не ложились спать строя планы на основании действующего закона, чтобы наутро обнаружить, что законодатели заменили этот закон другим»⁸¹.

Это описание очень далеко от современного правового позитивизма. Как принято сегодня смотреть на законодателя? Законодатель — это тот, кто пытается выразить общую волю в виде определенного нормативного акта, которому должны подчиняться все остальные люди. Как субъект, отвечающий за это нормативное творчество, получает информацию о том, какой нормативный акт будет работать, а какой нет? Откуда сегодняшний законодатель берет свои представления о законах, когда он их выдумывает? Отличается ли его источник от идей Платона, когда он их придумывает?

⁷⁹ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 102.

⁸⁰ Юрист является не глашатаем писаного права, а человеком, искусно интерпретирующим писаный закон. Существует нечто, выходящее за рамки писаного закона, что требует интерпретации. Римские юристы не были легистами, они не считали, что государство является субъектом создания правовых норм, они говорили, что сама практика порождает эти правовые нормы.

⁸¹ Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 102.

Взгляд на законы как на то, что появляется в результате деятельности государства, это один взгляд — легистский. Противоположный ему взгляд, идущий от римского права, состоит в том, что право основано на процедуре открытия, когда римские юристы наблюдали за хозяйственным процессом, за тем, как он протекал в течение столетий и как эти решения обобщались и интерпретировались.

Кодекс Юстиниана

Кодекс византийского императора Юстиниана был принят в 528 году н. э. Это произошло после падения Римской империи, и Юстиниан пытался вернуть величие Рима не только военное, но и юридическое, поэтому решил осуществить кодификацию.

Император прославился не только этим. В Стамбуле он реконструировал храм Софии так, что тот приобрел современный вид, тысячу лет оставался самым большим христианским храмом в мире. Еще один факт, которым известен Юстиниан, — это разгон в 529 году платоновской академии, многие были вынуждены бежать на Восток.

Тридцать девять выдающихся юристов занимались обобщением огромного объема нормативных актов, существовавших в Римской империи в течение тысячи лет, и в результате сформулировали универсальные правовые принципы и понятия.

Среди них были очень известные юристы, такие как Юлий Павел⁸², Африкан, Ульпиан, Папиан и многие другие. В их дигестах содержатся понятия, которые есть сегодня в любом гражданском кодексе: право собственности, вещные иски, обязательное право, займ, ссуда имущества, поклада, товарищество, купля-продажа, залог, ростовщичество, заключение брака, приданое, дарение в браке, развод, опека и попечительство, завещание, завещательные отказы.

Все эти правовые нормы были примером «стихийного порядка» Хайека и крайне эффективно работали на развитие коммерческой деятельности.

⁸² Павлу приписывают рождение количественной теории денег, так как в одном из своих трактатов он писал, что ценность денег находится в определенной зависимости от их количества (*quantitas*), если их становится больше, их ценность убывает. Это первый пример попытки сформулировать зависимость, существующую между количеством денег и их ценностью.

Первая женщина профессор

Римское право очень серьезно влияло на дальнейшее развитие права. Римское право стали преподавать в европейских университетах еще в XII веке в Болонье. Первая женщина-профессор европейского университета служила именно там.

Она вела курс по римскому праву в 1209 году. Считается, что она была настолько хороша собой, что читала лекции находясь за ширмой, дабы не отвлекать слушателей красотой. Оттуда доносились сведения о римском частном праве.

В Болонье женщины-преподаватели были распространенным явлением, очень многие из них известны, например, Новелла Кальдерини слыла одним из ярких ораторов XIV века.

Право как спонтанный порядок

Римский юрист Катон Старший по сути признал то, что Хайек называл рассеянным знанием, которое может быть открыто и использовано лишь в децентрализованных системах:

«Римская правовая система превосходит все остальные, потому что она была создана умом не одного, а многих людей, и не в течение одной человеческой жизни, а на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом».

Катон признавал, что римское право возникло не в результате приложения ума какого-нибудь выдающегося лидера, а стихийно, оно основано на обычае.

Цицерон — известный римский оратор, представитель стоицизма, сформулировал свое представление о естественном праве следующим образом: **«Мы все должны подчиниться закону, чтобы оставаться свободными».**

Граждане Рима должны взаимодействовать друг с другом, находиться в некоей правовой рамке, внутри этой рамки они совершенно свободны, но римское право дает «закон, который делает нас свободными», — полагал Цицерон.

Обычно закон рассматривается как то, что ограничивает нас. Очевидно, что законы Платона, где есть законодатель, мудрецы, за все общество решающие, как взаимодействовать друг с другом, именно так и работает.

В римском праве содержится договор займа, потому что сам по себе займ — естественное явление. Аристотель, когда говорил о проценте, не пытался понять, почему существует процент. Он говорил лишь: «процент противоестествен» и при этом признавал возможность и необходимость обмена между людьми. Если один человек дает деньги другому в долг, а в обмен другой готов заплатить ему больше через время, что в этом противоестественного? Этот договор также является, по сути дела, естественным.

Цицерон по праву считается одним из родоначальников естественного права: «Есть истинный закон, на верной основе, согласный с природой [закон, лежащий в природе], известный всем людям, постоянный и вечный, предписывающий выполнять его заповеди, посредством запретов»⁸³.

Немецкий юрист Савиньи в XVIII веке доказал, что римское право не исчезло в веках, а было включено в современные гражданские кодексы западных стран.

Традиционное банковское право

Римские юристы внесли важный вклад в традиционное банковское право. Оно содержится в дигестах, во второй части, где более пятидесяти книг и где формулируются принципы традиционного банковского права. Мы можем сравнить эти традиционные принципы с сегодняшним правом.

В дигестах сформулирован **tantundem**, принцип, в соответствии с которым банк должен поддерживать в том же объеме те же самые ресурсы, которые предоставляются вкладчикам на определенный срок. Это принцип 100%-ного резервирования по депозитам до востребования.

Договор банковского вклада в римском праве может быть разделен на три вида:

Commodatum — аренда того же самого, что вы берете у кого-то на время. Если вы берете велосипед, очевидно, что с обязательством вернуть то же самое благо через опре-

⁸³ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 22.

деленный период. Вы не можете взять велосипед, а вернуть в обмен другой — или не велосипед, а мопед. Это будет нарушением условий договора *commodatum*, где вы берете что-то и должны вернуть именно то, что взяли. Это касается не только велосипеда, это может касаться, например, произведения искусства. Если, например, банк берет на хранение произведение искусства, обладающее уникальными свойствами, то банкир должен после истечения срока хранения вернуть именно эту конкретную работу, а не картину такой же ценности.

Второй вид договора банковского вклада — ***mutuum***, когда происходит хранение заменимого товара, в частности зерна или денег. Когда кто-то берет зерно в долг, чтобы, например, посеять его или чтобы испечь хлеб, то вы, очевидно, не ожидаете получить то же самое зерно в будущем. Вы рассчитываете получить другое благо, но замененное, обладающее идентичными свойствами, описанными в договоре. Когда вы кладете деньги в банк, вы не рассчитываете, что вам вернут те же самые купюры. Это договор *mutuum*, который совпадает с договором срочного вклада: банкир, получая от вас деньги, на определенное время лишает вас права получить эти деньги обратно. По истечении срока он обязан их вернуть с установленным в договоре процентом.

Третий вид договора, ***depositum***, который римские юристы называли еще **договором иррегулярной поклажи** (сейчас это называют вкладом до востребования), когда вы в любой момент можете забрать свои деньги. Это договор, в соответствии с которым у банка хранится определенная сумма денег, но в определенный момент вы имеете право их получить, что следует из самого названия: вклад до востребования. Это похоже на ситуацию, когда вы отдали бы гардеробщику свое пальто, а предприимчивый гардеробщик, вместо того чтобы хранить ваше пальто, стал бы его давать поносить третьим лицам и зарабатывать на этом деньги.

Если вы разместили на депозит до востребования миллион рублей, банк в течение года обязан держать сумму, эквивалентную миллиону, чтобы вернуть вам ее, потому что если он кому-то ссужает ваши деньги, то фактически нарушает принцип 100%-ного резервирования. Вы не платите за это комиссию (иногда даже получаете процент), но такая система

позволяет банкам порождать кредитную экспансию и рост цен. Вы платите за эту систему не только ростом цен, но и периодическими банковскими банкротствами.

Можете ли вы в любой момент получить свои деньги, которые хранятся в банке? Если все вкладчики, которые хранят в нем депозиты до востребования, придут, чтобы потребовать денежные средства, любой банк разорится. До XX века в банковском деле так или иначе придерживались принципа 100%-ного резервирования. Когда стали активно развиваться центральные банки, то коммерческие, зная, что получают от центрального банка (в случае чего) поддержку как от кредитора в последней инстанции, они стали нарушать принципы традиционного банковского права. Что, по сути, является мошенничеством и разрушает денежную систему.

Эти три типа договора — *commadatum*, *mutuum* и *depositum* — позволяют понять, что некоторые важные понятия банковского права актуальны и сейчас, до XX века банки вынуждены были поддерживать 100%-ный резерв и не могли создавать деньги из ничего.

Сегодня банки создают деньги из ничего, и это приводит к тому, что процентная ставка становится ниже той, которая была бы на свободном рынке, это порождает временный бум и крах, и в основе этого лежит система с частичным резервированием.

В Средние века существовали жиробанки, которые занимались расчетами и брали комиссию у вкладчика. Сегодня банки привлекают деньги на эти счета бесплатно, но платеж за их услуги мы совершаем в виде более высоких цен, которые порождает система частичного резервирования.

В случае с денежным займом, договором, который мы обозначили как *mutuum*, у нас есть обмен настоящих благ на будущие блага, мы отдаем банку зерно или деньги и через какое-то время получаем это зерно или деньги с процентом. Есть акт жертвы.

В случае же с иррегулярной поклажей мы размещаем деньги в банке, но не лишаемся этих денег, мы также можем списывать средства с этого счета. При этом те же деньги могут предоставляться в кредит третьим лицам.

Нынешние депозиты позволяют банкам через эффект мультипликатора создавать большее количество денежных

средств, чем есть резервов, и тем самым создавать цикл «бум — крах». Именно такие кризисы сейчас и происходят в банковской системе.

Конь в сенате

Инцитат — так звали коня, который был введен в Сенат Калигулой. Он привел своего любимого коня в Сенат и объявил, что Инцитата нужно считать одним из сенаторов, поэтому в процессе законодательной деятельности Инцитат должен считаться равным им субъектом. Это, несомненно, образец для подражания всем законодателям, которым в определенный момент творческого кризиса фантазия перестала подсказывать новые законопроекты. Это, конечно же, пример правового абсурда, который, кстати говоря, вызвал в свое время очень интересную битву эпиграмм.

В 1891 году очень известный юрист Анатолий Федорович Кони стал сенатором. Журналист Буренин сочинил по этому поводу следующую эпигramму:

*В Сенат коня Калигула привел,
Стоит он убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу, у нас такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате.*

А. Ф. Кони ответил на эту эпигramму своей:

*Я не люблю таких ироний,
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что нынче Кони,
Где раньше были лишь ослы!*

РИМСКИЕ СТОИКИ

Самые известные представители стоицизма в Риме — Сенека и Марк Аврелий.

Сенека жил в I веке н. э. в период правления Калигулы и Нерона, более того, не только занимал высокие посты при Нероне, но и был его воспитателем. Сенека сделал блестящую политическую карьеру ценой поддержки преступлений Нерона, в частности, убийства им собственной матери. Закончилось это для философа печально: Нерон,

приравновав к популярности Сенени, потребовал, чтобы тот вернул все его подарки и покончил жизнь самоубийством.

В своем учении Сенека призывал следовать путем добродетели и разума. Некоторые полагают, что его учение предвосхитило учение христианства, есть даже легенда о том, что Сенека переписывался с апостолом Павлом. Исследователи до сих пор спорят о том, как смог совмещать один человек столь разные свойства.

Сенека считал главным злом стремление нравиться толпе:

«Вопреки здравому смыслу, народ всегда встает на защиту того, что несет ему беды. Так случается на выборах в народном собрании: стоит переменной волне популярности откатиться, и мы начинаем удивляться, каким образом проскочили в преторы те люди, за которых мы сами только что проголосовали. Одни и те же вещи мы то одобряем, то отрицаем; в этом неизбежный недостаток всякого решения, принимаемого большинством»⁸⁴.

Сенека отстаивал принципы автономной этики:

«Значит, главное для нас — не уподобляться овцам, которые всегда бегут вслед за стадом, направляясь не туда, куда нужно, а туда, куда все идут. Нет на свете вещи, навлекающей на нас больше зол и бед, чем привычка сообразовываться с общественным мнением, почитая за лучшее то, что принимается большинством»⁸⁵.

Кроме того, Сенека предвосхитил идею о разделении знания на абстрактное и практическое, которую сформулировал Хайек:

«Но иные советы нельзя давать за глаза. Врач не может выбрать время для еды или купания по письмам, он должен пощупать, как бьется жила. Старая пословица гласит: “Гладиатор принимает решение на арене”; здесь внимательно взгляду что-то подскажет лицо противника, что-то — движение его руки или даже наклон тела. Что делается обычно, что подобает делать — такие советы можно дать и через посредника, и в письме; общие наставления даются не только отсутствующим, но и потомкам. Другое дело — сказать, когда и как должно что-нибудь делать: тут нельзя убедить на расстоянии и нужно решать смотря по обстоятельствам»⁸⁶.

Политика для Сенени — это область деятельности, где неизбежно побеждает худший:

⁸⁴ Сенека. О блаженной жизни. Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2000. С. 13.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 40–41.

«Я прошу тебя, не отвечай мне, как в сенате, когда отменяют обсуждение и устраивают голосование: **“На этой стороне явное большинство”**. — **Значит, именно эта сторона хуже**. Не настолько хорошо обстоят дела с человечеством, чтобы большинство голосовало за лучшее: **большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего**»⁸⁷.

Спасение и истинную жизнь Сенека видел в личной доброте, философии и дружбе. Он давал советы, как выбирать достойных благодетели, так как для него важнее всего давать деньги тем, кто их достоин: помогать друзьям.

Марк Аврелий — философ на троне, автор книги «Наедине с собой», почти во всем следовал за Сенекой. Ему также не повезло с последователями, его сын Коммод был прямой противоположностью отца и разрушил все начинания Марка Аврелия. Марк Аврелий, отдавая должное предкам, отдельно отмечал, что ему досталось от прадеда: «От прадеда — что не пошел я в общие школы, а учился дома у хороших учителей и понял, что на такие вещи надо тратить не жалея»⁸⁸.

Как мы видим, Марк Аврелий ставил частное образование выше, чем государственное. Он был убежден, что в государстве должен быть равный для всех закон, в царстве, «превыше всего чтущем свободу подданных»⁸⁹.

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Падение Римской империи является очень важным уроком в истории человечества.

Следует отметить, что римляне фактически мало что сделали в отношении экономического анализа, особенно анализа причин упадка империи. Максимум, что мы находим, это стенания, очень похожие на современные рассуждения о плохом торговом балансе империи, а именно о том, что Рим только получает блага и мало их поставляет. Негативный или отрицательный торговый баланс — это то, что в основном обсуждали в Риме с экономической точки зрения.

⁸⁷ Сенека. О блаженной жизни. Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2000. С. 14.

⁸⁸ Аврелий М. Наедине с собой. СПб.: Азбука, 2015. С. 5.

⁸⁹ Там же, с. 8.

Однако падение Римской империи — это не просто событие прошлого, а урок для будущего. Людвиг фон Мизес писал относительно причин упадка античной цивилизации:

«Изумительная цивилизация античности погибла из-за того, что она не адаптировала свои моральные нормы и законодательства к требованиям рыночной экономики. Общественный порядок обречен, если виды деятельности, которые необходимы для его нормального функционирования и которые отвергаются по причине несоответствия этическим стандартам, законодательством страны объявляются противоправными и в уголовном порядке караются судами и полицией. Римская империя рассыпалась в прах из-за того, что ей не хватило духа либерализма и свободного предпринимательства. Политика интервенционизма и ее политическое следствие — принцип вождизма — разложили могущественную империю точно так же, как они неизбежно разрушат и уничтожат любую социальную общность»⁹⁰.

Политика императоров II–IV веков н. э. разрушила Римскую империю.

Хотя понятие «капитализм» чаще всего применяют к эпохе начиная с промышленной революции в Англии, это не совсем верно, так как элементы свободного предпринимательства, торговли, финансов существовали и раньше, например в городах Северной Италии или даже в Римской империи.

Рим был, по сути, прототипом современного мегаполиса: население больше миллиона человек, ночное освещение, кафе, книжные лавки, канализация, банки. Нечто подобное появилось после крушения Рима лишь в XIX веке.

Римская империя в начале II века подразумевала очень глубокую специализацию и обмен внутри империи: это и межрегиональная торговля, и межгородская. А чем глубже специализация, тем больше выигрыш от торговли.

В период так называемых хороших императоров, во II веке н. э., правили Нерва, Траян, Адриан, Антоний Пий и Марк Аврелий. Завершил эпоху Коммод. После этого начался период упадка, постепенного разложения.

Очень много ценной информации об устройстве римской экономики можно найти в известном двухтомнике М. И. Рос-

⁹⁰ Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012. С. 721.

товцева «Общество и хозяйство в Римской империи»⁹¹. В эпоху правления Антонинов достаточно успешными были торговля и хозяйство. Но, как и в наше время, идеология, господствовавшая тогда, осуждала спекулянтов и боролась за разницу в ценах на зерно в разных регионах.

Какова сама логика поставки зерна из одного региона в другой? Если вы выращиваете зерно в одном регионе, то очевидно, что там цена на зерно меньше, чем там, куда вы его поставляете. Если вы с помощью муниципалитетов наказываете тех, кто торгует зерном оптом и розницей за то, что они устанавливают цену не такую же, как в своем регионе, это разрушает торговлю зерном.

Фактически становится невыгодным поставлять это зерно, например, в Рим. Если цена в Риме точно такая же, как и в вашем регионе, зачем вы будете везти зерно туда? Политика аннона, которая существовала в тот период времени в Римской империи, подразумевала наличие фонда, из которого доставляется зерно.

Это напоминает проблему города и деревни в советской России.

Нужно, чтобы зерно привозилось из деревни (в данном случае из провинции), чтобы в Рим поступало достаточно зерна, но поскольку рыночный механизм нарушен, этот процесс не запускается. Аннон должен был гарантировать низкие цены на зерно в столице, но приводил к тому, что его не хватало.

Кроме того что была подорвана межрегиональная торговля, стала активно осуществляться порча денежной единицы.

Когда происходит порча денежной единицы (на различного рода имперские забавы), единственным следствием может быть рост цен. Но если ценам не дают расти, происходит дезинтеграция экономики.

Постепенно общество становится не капиталистическим, а феодальным, где каждый живет внутри своего имения. Если вы не можете с выгодой продать свой продукт в Риме, то почему бы вам не переселиться в поместье и не делать все самому, фактически сделав себя независимым от безумных действий императоров?

⁹¹ Ростовцев М. А. Общество и хозяйство в Римской империи. М.: Наука, 2000.

Достаточно вспомнить Коммода — сына Марка Аврелия, который в начале своего правления прославился популизмом, а потом совершал достаточно безумные поступки как в личной жизни, так и в политике Римской империи.

Коммод говорил о себе, что испробовал все виды порока. В его гареме было сто девочек и женщин и столько же мальчиков. Он желал, чтобы его называли новым Геркулесом, и участвовал в религиозных действиях, которые требовали физических страданий, садизма.

Хотя после его смерти стало значительно лучше, тем не менее процесс разрушения империи был запущен.

Постепенно происходила автаркия хозяйственной жизни, хозяйства становились все меньше. Существует известное высказывание: **латифундии разрушили Рим**.

На самом деле причина была не в них самих, а в проводимой политике. Но, как всегда бывает, когда наступает провал регулирования, полагают, что нужно регулировать еще больше. В Римской империи вводили так называемые литургии и навикулярии, которые подразумевают что-то вроде нашего современного прогрессивного налогообложения.

Если не хватает времени, денег на празднества и все остальное, богатые римляне должны обеспечить бедным праздники, раздачу хлеба и т. д. Это так называемые литургии. А навикулярии были связаны с использованием водного транспорта, который также регулировался муниципалитетом.

Чем активнее пытались залатать дыры, которые возникали в результате регулирования, тем больше этих дыр становилось. Поэтому в конечном итоге падение Рима в V веке стало следствием не столько нашествия варваров (Рим и до этого сражался с ними, и в общем-то достаточно успешно), сколько постепенного разложения торговли — того, на чем основывалась империя. Нарушение свободы торговли, региональной специализации привело к ослаблению единой экономики. Случился крах римской экономики и империи.

На юго-востоке Римской империи зародилось течение, которое вначале рассматривалось как ересь внутри иудаизма и которое в общем-то возникло на периферии. Поэтому римские историки не придавали ему большого значения. Однако позже, благодаря привлекательности своего учения, оно заложило основы для нового периода в истории.

Речь о христианстве — тема следующей главы. Здесь мы не будем обсуждать метафизический вопрос влияния христианства на успех или неуспех Римской империи. Но когда мы переходим к вопросу об экономике и христианстве, мы должны понимать, что это логическое продолжение истории Древнего Рима.

ЛИБЕРТАРНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Пожалуй, ни один период истории не внес так много в современную либертарную теорию права, как период существования римского права, поэтому совершенно неверно считать этот период пустым для развития экономической мысли. Ведь **без теории права экономическая теория просто невозможна.**

Римское право следует рассматривать как одно из завоеваний человеческого духа, а юристов, которые работают в этой традиции, как тех, кто смог сформулировать одну из наиболее важных для цивилизации идей.

ГЛАВА 4

СРЕДНИЕ ВЕКА. ХРИСТИАНСТВО И ЭКОНОМИКА

*Я жну, где не сеял, и собираю, где
не рассыпал; посему надлежало тебе
отдать серебро мое торгующим, и я, придя,
получил бы мое с прибылью.*

Евангелие от Матфея

Со времен Макса Вебера очень популярно сопоставлять религии по некоторым параметрам и делать вывод о том, что та или иная экономика или то или иное общество не могут развиваться вследствие религиозных идей, лежащих в основе этого общества.

В этой главе речь пойдет о том, какая существует связь между религией и экономикой, о том, как относились Отцы Церкви к богатству, торговле, проценту и иным экономическим явлениям. Здесь же мы поговорим о наиболее ценных трактатах Фомы Аквинского и Николая Орезма. В конце главы речь пойдет о вершине средневековой экономической мысли — о Саламанкской школе, предтече австрийской школы.

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МЫСЛИ

В Средние века существовал «треугольник», хорошо иллюстрирующий три направления хозяйственной мысли:

- 1) Римское право (за рынок)
- 2) Каролингские капитулярии (против рынка)
- 3) Каноническое право (нечто среднее).

Римское право

Римское право, которое получило оформление в кодексе Феодосия и в кодексе Юстиниана, фактически признавало принцип свободы договора. В кодексе Феодосия прямо говорится о том, что справедливая — та цена, которая установилась на рынке в результате взаимодействия покупателей и продавцов. Это не какая-то цена, спущенная сверху, это не некая моральная цена, которая должна быть установлена в соответствии с учением. Это просто цена, которая возникла в результате договорных отношений. И римское право было в каком-то отношении правом *Laissez Faire*, т. е. правом свободы заключения договоров. Соответственно, противоположностью римского права в отношении свободы договора были каролингские капитулярии, которые повлияли на каноническое право.

Каролингские капитулярии

То, что находится слева на нашем треугольнике и характеризуется (как бы мы сейчас сказали) интервенционизмом, это каролингские капитулярии, или указы. Каролингские — потому что король франков, англо-бардов, а потом и император

Запада Карл I Великий был не просто человеком, любящим власть, но и писать законы (эти вещи часто совпадают).

В частности, он создал в 806 году в Неймегене Собор, который подтвердил идею «нечестивой прибыли». Понятие было введено в 325 году на Никейском Соборе. Фактически Карл I подтвердил и расширил представления о нечестивости прибыли и о том, что любая сделка, которая совершается по цене, отличающейся от среднерыночной, — нечестива. Нельзя было ничего продавать по цене, отличающейся от зафиксированной на момент написания капитулярия.

В одном из капитуляриев было сказано:

«Желаем, чтобы повозки наши, которые идут на войну, хорошо были сделаны, и кожаные их покрытия могли выдерживать переправу через реку, сохранив незамоченным их содержимое. Желаем также, чтобы мука для нашего стола посылалась в повозках — в каждой по 12 модьев, также и в тех, что везут вино, посылали бы по 12 модьев, и при каждой повозке имелись бы щит и копье, колчан и лук, чтобы рыбу из сажилков наши продавали, а другую на ее место сажали, и всегда таким образом рыбу имели бы. Лишь в том случае, если мы не побывали в поместье, продавать рыбу целиком и доход управляющих обращать в нашу пользу».

В другом капитулярии сказано: «О козах и козлах, о рогах и шнурах давать нам отчет и ежегодно переправлять от них жирную свежепросоленную козлятину»⁹².

Видимо, современным законодателям стоит взять пример с капитуляриев Карла в их недвусмысленности и непротиворечивости, не остается сомнений в том, чего именно желает законодатель: «желаем жирную свежепросоленную козлятину»!

Львиное Сердце

Ричард Львиное Сердце объезжал свои земли, и его лошадь сломала подкову. Ему повезло: рядом находилась деревня. Он нашел кузнеца и заказал ему новую подкову.

Кузнец изготовил подкову, Ричард Львиное Сердце взял ее и сломал двумя пальцами. Пришлось кузнецу делать вторую. Изготовил он вторую подкову, отдал Ричарду Львиное Сердце, тот также сломал ее. Наконец третью подкову он выковал, и Львиное Сердце сломать ее не смог.

⁹² Хрестоматия по истории Средних веков. М.: Учпедгиз, 1953, Т. 1. С. 156–165.

Ричард Львиное Сердце хотел отблагодарить верного слугу Отечества, достал монету со своим изображением. Отдал кузнецу, тот взял ее двумя пальцами — и она сломалась. Удивился Ричард Львиное Сердце, достал другую монету, уже не разбавленную, дал кузнецу. Тот взял ее и снова сломал. После чего Ричард Львиное Сердце достал алебарду и снес кузнецу голову.

Так в Средние века государство относилось к правам человека. Во многом так же оно продолжает относиться к ним и сейчас.

Каноническое право

Каноническое право, которое возникало постепенно из синтеза римских правовых норм и каролингских капитуляриев VIII–IX веков, фактически находилось где-то посередине. Каноническое право имеет большое значение для самого правового института, возникшего в Европе.

Так называемая известная папская революция⁹³ XI века, которая ограничивала власть государства и давала больше прав Церкви, была стихийным источником дальнейшего ограничения власти государства. Поэтому мы можем говорить, что римское право прошло через века и дало нам некоторые представления о справедливости.

Но, конечно же, канонисты, как и многие другие, негативно отзывались о проценте. Бём-Баверк, проанализировав учение канонистов, резюмировал исследование так: «Канонисты, безусловно, считают ссудный процент доходом, который кредитор путем обмана или вымогательства извлекает из средств должника. Кредитор заставляет оплачивать в виде процентов плоды, которых не могут приносить бесплодные деньги»⁹⁴.

В этом отношении их поддерживали многие Отцы Церкви. Григорий Назианзин писал: «Ростовщики собирают доход с того, что не сеяли, и жнут то, что не сажали, вместо того чтобы культивировать землю, они эксплуатируют трудное положение тех, кто испытывает нужду».

Василий Великий называл процент «чудовищным зверем» и «порождением ехидны».

⁹³ Берман Г. Западная традиция права. М.: ИНФРА-М, 1998.

⁹⁴ Бём-Баверк О. Капитал и процент. М: Эксмо, 2009. Т. 1. С. 285.

Церковные Соборы с IV века и далее — Арльский, Никейский и другие — запрещали духовным лицам заниматься ростовщичеством под угрозой немедленного отлучения от Церкви. Позже стали устанавливать христиански справедливый процент. Одно время он был установлен на уровне 8%.

Осуждение и запрет процента не приводили к тому, что он исчезал. Фактически создавался, если выражаться современным языком, черный рынок, на котором можно было получить кредит. Более того, раз Церковь осуждала получение кредита, тот, кто шел на его предоставление, закладывал более высокий риск в эту процентную ставку. Запрет процента приводил к тому, что он становился еще больше.

ХРИСТИАНСТВО О ТРУДЕ И БОГАТСТВЕ

Как мы отметили ранее, для греков был характерен элитизм — торговлю, коммерцию они считали ниже своего достоинства, с глубоким презрением относились к труду.

Высшая форма существования для греческого мыслителя или греческого гражданина — праздный досуг, который позволял заниматься вещами, которые он считает нужными. Было стремление в поздний период жизни заниматься политикой. А христианство благоприятно относилось к труду, притом сам Спаситель выполнял работу плотника, апостолы ловили рыбу, т. е. тоже занимались полезным трудом.

Хотя считается, что в Евангелии содержится не так много слов в пользу богатства, но вот, например, притча о талантах (Евангелие от Матфея, 35 глава) совершенно четко говорит о том, как относился Спаситель к неравенству и богатству:

«Он призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два таланта; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! Пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты

был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! Два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, **ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет**».

В Священном Писании есть слово «мытарь», которое характеризует отношение Спасителя к налоговым органам. Потому что мытарь — это, дословно, сборщик налогов.

В целом, конечно, в Евангелии содержится больше осуждений богатства и торговли. Например, не раз было сказано в разных частях Евангелия: «не можете служить Богу и мамоне», «бесплодно слово Божие для тех, кто обольщается богатствами и наслаждениями», «легче верблюда пройти в игольное ушко, чем богатому в Царствие Небесное», «берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от его имени».

Апостол Павел также совершенно однозначно сформулировал свое отношение к богатству: один из главных грехов у него — сребролюбие: «Только тот может стать учеником Христа, кто только отрешится от всего, что имеет».

Вспомним известную сцену, когда Христос изгоняет торговцев и менял из храмов. Мы знаем, что в Евангелии и в учении Отцов Церкви содержится очень много инвектив в адрес торговли, в адрес богатых, а также всех тех, кто занимается предпринимательской деятельностью.

Мизес по-разному оценивал роль христианства в развитии капитализма. В 1922 году он писал в трактате «Социализм»:

«Живое христианство не может существовать бок о бок с капитализмом и в его границах⁹⁵... Однако, конечно, ясно... и никакие искусственные толкования не могут этого

⁹⁵ Хюльсманн Г. Последний рыцарь либерализма. Челябинск: Социум, 2013. С. 322.

затемнить: слова Иисуса полны осуждения богачей, и апостолы в этом отношении не мягче»⁹⁶.

Ниже он говорил, что отвержение христианством изменения мира как логического следствия применения разума фактически роднит его с большевизмом. Это ранний период Мизеса, в дальнейшем он пересмотрел свое мнение и считал, что христианство вполне совместимо с капитализмом. В одном из своих писем, находясь в Америке, он писал: «Я совершенно согласен с вашим утверждением о том, что Евангелие не защищает антикапиталистическую политику. Я уже затрагивал этот вопрос в своей книге “Социализм”. Далее я полностью согласен с вашим предположением, что в “Человеческой деятельности” нет ни одного слова, которое бы шло вразрез с христианской верой»⁹⁷.

Видимо, изменение отношения Мизеса к христианству связано с тем, что в 1920-е годы многие христианские Церкви оказались заражены социализмом. Особенно большое количество сторонников социализма было среди протестантских пасторов. Когда Мизес приехал в Америку, он увидел, что в США множество сторонников капитализма именно среди христиан, в которых он видел союзников.

Отцы Церкви о богатстве

В первом тысячелетии нашей эры Отцы Церкви почти поголовно отрицательно относились к коммерческой деятельности. Так, Амвросий Медиоланский писал: «Если кто стяжает прибыль, дав деньги в рост, он совершает грабеж и за это умрет... Не давай брату твоему в рост и не бери прибыли, рек Он, ни с хлеба, ни с чего угодно еще».

Августин также отрицательно относился к проценту: «Ростовщики еще смеют говорить: мне, мол, не на что больше жить. Но это мне скажет и разбойник, которого схватили за горло, это скажет и взломщик, и сводник, и злодей».

Августин смотрел на всех этих людей — на сводника, злодея, взломщика, разбойника и ростовщика — примерно как на один и тот же класс людей.

Иоанн Златоуст однозначно оценивал богатство: «Источник всего зла — это избыток и желание иметь больше, чем мы

⁹⁶ Там же, с. 321–322.

⁹⁷ Там же, с. 613.

нуждаемся». Он же писал: «Меня часто упрекают, что я постоянно нападаю на богатых. Это, конечно, так, но лишь постольку, поскольку они постоянно нападают на бедных».

Василий Великий, еще один из Отцов Церкви, призывал не накапливать богатства: «Не ждите нехватки хлеба, чтобы открыть свои амбары... Не наживайте злата на голоде и не пользуйтесь всеобщей нищетой для умножения богатства»⁹⁸.

Надо сказать, что такой взгляд на общество во многом и определял неизменность этого общества. Если в обществе осуждается богатство, то общество обречено быть бедным, экономика будет примерно такой же, как и идеи, царящие в обществе.

Тертуллиан нападал на торговцев просто из принципа: раз скоро Страшный суд и каждый должен готовить свою душу к концу света, торговать и накапливать богатство — безумие перед лицом столь важного события.

Святой Иероним писал о богатстве следующее:

«Все богатства приходят от неправды, ибо, если никто не потерял, другой не сможет найти. Следовательно, общее мнение право, когда утверждает, что человек богатый неправеден или является наследником неправедного»⁹⁹.

⁹⁸ Здесь говорится о том, что не надо ждать, когда возникнет нехватка, чтобы открывать амбары. Но давайте представим себе, что действительно этот совет реализуют те, кто выращивает и продает хлеб. Что это будет означать? Что в период изобилия хлеба все амбары будут открыты и цена будет низкой. Когда же будет голод, цены взлетят до максимума. Что делают те самые спекулянты, которые открывают амбары в период нехватки хлеба? Они увеличивают предложение. Очевидно, что с точки зрения самого потребителя выгодно, чтобы были те, кто заботятся (конечно, прежде всего из собственного интереса) о том, чтобы в период нехватки было увеличено предложение какого-либо блага. В этом смысле, если бы не было того, кто думает о будущем и запирает амбары в период, когда сытость существует, то в период голода люди начали бы быстро умирать. После семи тучных лет наступают семь тощих лет. Об этом знают те, кто накапливает богатство.

⁹⁹ Александр Панарин написал книгу «Православная цивилизация», где говорит, что современная Россия должна сделать такой выбор: «Бедность, которая постигла жителей Второго мира (а к ним он относит и Россию), жертв глобальных ограничений, должна быть воспринята в ином модусе как то, что не только досталось в удел, но было выбрано свободно и с радостью». Поэтому нет ничего странного в том, что чем мы беднее, тем духовнее. А если вы хотите узнать суть духовности, то вам следует закрыть эту книгу и отправиться в близлежащую помойку. Там предельно низкий уровень богатства, именно то, что нужно для высокой духовности, по Панарину. Найти там человека максимально бедного и, если верен тезис, что чем человек беднее, тем он духовнее, расспросить его о смысле жизни. А если вас интересует общность людей высокодуховных и знающих смысл жизни, отправляйтесь в Африку южнее Сахары. — См.: Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Эксмо, 2003. С. 336.

Финальную точку в отношении христианства Отцов Церкви к торговле поставил Иоанн Златоуст: **«Не может быть христианин купцом»**.

В целом история первого тысячелетия подтверждает идею, о которой говорила Дейдра Макклоски, а до этого — Мизес: **господствующие идеи в обществе определяют и то, в каком направлении это общество будет развиваться**. Следовательно, если тысячу лет основным было учение, в соответствии с которым обогащение — это зло, то богатства и не было. Климент Александрийский — редкое исключение среди Отцов Церкви, который видел положительные моменты в торговле:

«Мы не должны отвергать богатства, которое может принести пользу нашему соседу. Имущество создавалось для того, чтобы им владели; блага называются благами, потому что они действительно творят благо, и они были посланы Богом во благо людей: они всегда под рукой и служат материалом, инструментом для правильного использования теми, кто знает, как их использовать».

Климент Александрийский признавал необходимость вознаграждения тех людей, которые умеют управлять хозяйством. И богатство для него — это не всегда зло. Кроме того, он пришел к пониманию того, что цены, которые люди платят за блага, определяются не издержками производства, они определяются потребностью в труде другого человека. Климент Александрийский полагал, что ценности, лежащие в основе обмена, — это субъективные ценности.

Как известно, Августин рассматривал государство как шайку бандитов:

«Что разбойничья шайка, как не маленькое царство? Шайка тоже является группой людей, которыми посредством своих приказов управляет вожак, которые связаны рамками общественного договора и делают свою добычу в соответствии с принятыми законами. Если она постоянно пополняется отчаянными людьми, то эта чума дорастает до точки, когда занимает территорию и определенное положение, захватывает города и подчиняет себе людей, и тогда она с большим основанием называется царством, и это название теперь принадлежит ей открыто, но не потому, что исключена алчность, но ввиду безнаказанности».

Августин полагал, что желание покупать дешевле и продавать дороже является общим у всех людей. Поэтому Ав-

густин полагал, что, так как труд должен вознаграждаться в соответствии с христианскими принципами, труд достоин награды.

Так получилось, что Отцы Церкви в первом тысячелетии в основном негативно относились к хозяйственной деятельности. Накопление богатства есть зло, торговля разрушает душу, все, что может сделать богатый человек, чтобы снять свои грехи, — это раздать богатство бедным. Действительно, на протяжении первого тысячелетия богатства не накапливались, прогресса в экономике не было, в целом Европа и мир находились в достаточно плачевном состоянии.

Только изменение мировоззрения, прежде всего идущее от XI–XIII веков, сделало возможным появление одного из ростков капитализма в Северной Италии: постепенно там снимали ограничения на торговлю и стали высказывать положительные суждения о торговле и экономике. Не последнюю роль сыграло то, что в итальянских университетах начали преподавать римское право.

АРАБЫ

Когда пала Римская империя, большая часть классического греческого наследия уже переместилась в арабские страны. Именно арабские ученые переводили древние тексты, изучали их, занимались медициной и другими вещами, которые были совершенно недоступны для людей, живущих в Западной Европе.

Когда Аристотель был «открыт заново», примерно в XII веке, его возвращение в Европу из арабских стран позволило значительно модифицировать и учение Церкви в хозяйственной деятельности, и учение теологов о природе. В 1255 году Аристотель рассматривался уже как базовый учебник: бакалавры и магистры теологии должны были знать его наизусть, с помощью силлогизмов уметь доказывать бытие Божие.

Фома Аквинский пользовался логическими конструкциями, унаследованными от языческого философа, который в общем не имел никакого отношения к явлению Спасителя — главному событию в истории человечества с точки зрения христианской церкви. **Томизм — философия католической**

церкви, основанное на учении Фомы Аквинского, — это Аристотель плюс Священное Писание. Христианство, одетое в одежды перипатетиков, доставшиеся Европе от арабов.

Гондишапур

В городе Гондишапур, который находится сейчас на территории Ирана, в III веке уже существовала больница, аптека. Это был развитый интеллектуальный центр.

В Гондишапуре занимались переводом на разные языки текстов, прежде всего текстов греческих мыслителей, латинских авторов. Аристотель «вернулся» в Европу, будучи переведенным с перевода, и только в XVI веке его полностью перевели с греческого оригинала.

Исламская философия, достаточно утонченная и интересная, находилась под влиянием Аристотеля. Аверроес, Авиценна и многие другие авторы говорили об этом прямо.

Бертран Рассел писал об арабских странах:

«Их значение, которое никоим образом нельзя недооценивать, заключается в роли передатчика. Античную и новую европейскую цивилизации разделяют века мрака. Мусульмане и византийцы, будучи лишены умственной энергии, необходимой для новаторства, сохранили аппарат цивилизации: образование, книги и ученый досуг. Мусульмане и византийцы стимулировали Запад, когда он вышел из состояния варварства: мусульмане преимущественно в XIII столетии, византийцы же большей частью в XIV столетии. В каждом случае стимул имел своим результатом новую мысль, более плодотворную, чем иные умственные достижения, кроме своих передатчиков. Передатчики эти — мусульманская цивилизация. В одном случае — схоластика — это случаи заимствования у мусульман, а в другом — Возрождение — заимствования из Византии»¹⁰⁰.

РЕВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ

В XII–XIII веках в философии начался сдвиг в представлении о приемлемости хозяйственной деятельности и богатства. Ослабление морального давления на накопление богатства, фактически на капитализм, сделало возможным развитие торговли и банковского дела в городах Северной Италии.

¹⁰⁰ Рассел Б. История западной философии. СПб.: Азбука, 2001. С. 509.

Эти города были протокапиталистическими островками. Если взять уровень благосостояния на душу населения исходя из тех исторических данных, что существуют в мире, например по таблицам Ангуса Мэддисона, известного экономического историка, станет ясно, что города Северной Италии — наиболее богатые города в тот период времени, в XIV–XV веках. Потом на их место пришли Нидерланды и в дальнейшем Англия. Именно они стали лидерами промышленной революции, с которой мы связываем рождение капитализма. Получается, что изменения в сфере идей, по трактовке Мизеса (и как об этом сейчас говорит Мак-клоски), являясь основополагающим фактом происходящего в истории.

Есть ли у крота глаза?

Однажды в саду прогуливались великий Ангелический Доктор Фома Аквинский и Альберт Великий — два выдающихся ученых своего времени. Они вели спор с применением всех возможных инструментов аристотелевской логики и доступных им логических трактатов.

Ученые спорили о кроте и очень долго не могли прийти к одному очень важному пункту в их взаимном исследовании. А именно: есть ли у крота глаза? Один из спорщиков доказывал, что, несомненно, у крота глаз нет, потому что, если бы были глаза, он бы видел, а так как глаза — это орган зрения, а он не имеет возможности видеть, то у крота глаз нет.

Другой настаивал на том, что, конечно же, у крота глаза есть, только он ими не видит, и приводил не менее убедительные аргументы. Их спор услышал садовник и решил помочь выдающимся ученым в решении их диспута.

Извинившись, что он, такой простой человек, смеет рассуждать о высоких материях, садовник предложил проверить эмпирическим путем, принеся крота. И два выдающихся ученых могут увидеть, есть ли глаза у крота или нет. И оба выдающихся ученых в один голос заявили: «Нет! Ни в коем случае! Мы же не говорим о том, есть ли у конкретного крота конкретные глаза. Мы говорим о том, что в принципе у некоего абстрактного крота есть абстрактные глаза».

Сущность схоластического образования в этом и заключалась: сидеть пять лет в скриптории, изучать литературу,

писать текст: «77 пункт, приложение второе, пункт 4, сноски 12, в соответствии с интерпретацией учения, которое было предпринято в качестве интерпретации другого учения, полагаем возможным вывести следующее умозаключение...» — таковой и была наука Средних веков. Надо сказать, что современные университеты во многом наследуют от этой традиции.

Папская революция

Некоторые исследователи связывают рождение в Западной Европе правовых институтов капитализма с «папской» революцией конца XI века, потому что эта революция фактически провозгласила независимость Церкви от власти, независимость в вопросах собственности и автономия в вопросах регулирования.

Вначале Церковь заботилась прежде всего о себе и о своей собственности, но это был прецедент, когда некая инсти-туция внутри средневекового общества противопоставляет праву «сильного» право «естественное», но в данном случае — «церковное». Возникли две юрисдикции, которые начали конкурировать друг с другом.

Католики за капитализм?

Эмил Навдер, один из историков учений экономической мысли, в 1965 году написал работу¹⁰¹, в которой анали-зировал экономическую мысль в связи с протестантизмом и католицизмом. Навдер пришел к очень интересному вы-воду: католическая традиция и католические страны — это в основном страны, которые придерживались субъективной теории ценности. Из этого католики делали вывод, что «толь-ко рынок способен оценить и реализовать субъективные по-требности хозяйствующих субъектов».

Напротив: кальвинизм, в частности, провозглашает труд. Труд — главная ценность. И если в основе религиозного ми-ровоззрения лежит почитание труда, а потребление рассма-тривается как «почти что зло», то совершенно иной будет и экономическая теория. В тех странах, где господствовал протестантизм, трудовая теория ценности, в законченном

¹⁰¹ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. XI–XII.

виде предложенная Марксом, была наиболее характерной. Наудер показал, что между протестантизмом и католицизмом и между социализмом и капитализмом есть определенное сходство, состоящее в том, что католики были более «прорыночными», чем протестанты.

АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ

Альберт Великий начал комментировать труды Аристотеля, что явилось революционной для своего времени практикой, требовавшей знания языков, умения сопоставлять тексты и интерпретировать учение, которое было создано примерно полторы тысячи лет назад.

Альберт Великий в своих произведениях писал в стиле Аристотеля, что торговец и собственность неизбежны и необходимы. Торговец в принципе не греховен, накопление богатства как такового — не грех. Для Альберта ситуация отличается от той, как ее видел Златоуст. Альберт Великий комментировал в том числе и «Никомахову этику» Аристотеля.

Он интерпретировал ее так: **«Не потребность в труде другого человека лежит в пропорции обмена, а именно затраты труда, усилий и издержки»**. Вот почему и в XIX, да и в XX веках было крайне популярным считать Альберта Великого родоначальником трудовой теории ценности.

Один христианский социалист в XX веке — Ричард Генри Тоуни — писал: «Истинным потомком доктрины Фомы Аквинского является трудовая теория ценности Карла Маркса, а Карл Маркс — последний из схоластов».

Потребовалось время, чтобы понять, что Альберт искажил идею, содержащуюся в «Этике» Аристотеля, и ни о какой величине затрат труда там не говорится.

И Альберт Великий, и Фома Аквинский работали в одно время в Парижском университете, который был основан теологом Робером де Сорбоном, в этом университете они преподавали теологию.

Первым, кто стал подробно переосмысливать учения Церкви, был Альберт Великий. Родом из Швабии, он сделал достаточно хорошую академическую карьеру, но главное — принял идею о том, что Священное Писание нуждается

в особой логике и философии, которая разрабатывалась языческими мыслителями. Снова возродилась идея о том, что Аристотель может иметь большое значение для Церкви.

Первоначально это было воспринято «в штыки». Вспоминная цитаты Отцов Церкви, можно заметить, что в них присутствует крайне негативное отношение к хозяйственной деятельности.

ФОМА АКВИНСКИЙ И ЕГО «СПРАВЕДЛИВАЯ ЦЕНА»

Фому Аквинского называли Ангелическим Доктором, он причислен к лику святых. В свое время проходил теологический спор о святости Аквината: чтобы получить столь высокий статус, нужно творить чудеса, а чудес Фома не творил. Комиссия, исследовавшая возможность получения Фомой Аквинским «соответствующего доступа», заявила, что каждая страница произведений Фомы Аквинского — чудо.

Фома Аквинский использовал метод аргументации Аристотеля, чтобы доказать: алчность не является причиной всех грехов.

Во втором томе «Суммы теологии» в вопросе 84 «О причине греха сообразно тому, что один грех является причиной другого» в разделе 1, который называется «Действительно ли алчность является корнем всех грехов?», написано следующее:

«Ход рассуждения в 1 разделе таков: представляется, что алчность не является корнем всех грехов. В самом деле, алчность, неупорядоченная жажда богатства противоположна добродетели щедрости. Но щедрость не является корнем всех добродетелей, следовательно, **алчность не является корнем всех грехов**»¹⁰².

Будучи теологом, он в основном интересовался вопросами божественного плана. Самое известное, что он сделал, — это пять доказательств бытия Бога.

Высшим благом он считал общение с Богом, все остальные делились на те, что ближе или дальше к Высшему благу. Это учение о степенях благ позволило Фоме Аквинскому сформулировать своеобразную социальную теорию.

Фома Аквинский вслед за Аристотелем разграничил общество на: «молящихся» (ближе всего к Высшему благу), «сражающихся» (немного дальше от Высшего блага), «производящих» (дальше всех от Высшего блага).

И это разграничение соответствует его учению о благах разного уровня. Самое большое благо и самое большое счастье — это общение с Богом. Фома Аквинский себя, конечно же, относил к сословию «молящихся», он писал: «Первый грех, что человек просит у Бога нечто, выходящее за пределы его статуса, не сообразуясь с тем, что ему подходит. Если он рыцарь, то он хочет не таких одежд, как у рыцаря, а как у графа. Если клирик, то не как у клирика, а как у епископа»¹⁰³.

Это иерархическое представление об обществе: есть более важная часть общества, есть менее важная. Необходимо учитывать сословие или статус каждого индивида. И, следовательно, его роль в обществе должна определяться степенью его благости. Монахи (клир) занимают совершенно особое место.

Василий Великий, однако же, писал, что «для благой жизни требуется достаточное количество телесных благ», это означает, что духовенство не должно забывать о своем статусе при обмене и требовать для себя более низкие цены.

Фома Аквинский рассматривал обмен и «справедливую цену», которая должна учитывать статус сторон обмена: «Справедливость при обмене основана на арифметической

¹⁰² Аквинский Ф. Сумма теологии. М.: Издатель Савин, 2007. Т. 2. Ч. 1. С. 211.

¹⁰³ Стецюра Т.Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 150.

пропорции, не учитывающей достоинства лица. Справедливость при распределении базируется на геометрической пропорции, принимающей во внимание статус и заслуги человека»¹⁰⁴.

В случае распределения есть те, кто ближе к Богу, есть те, кто дальше. Следовательно, нужно учитывать социальный статус людей: «Справедливая цена позволит ремесленникам и купцам вести благополучную жизнь в соответствии с сословным статусом»¹⁰⁵.

Скажем, если действовать по учению Аквината, то бочка пива должна иметь разную цену для представителей разных сословий: для монаха, скажем, одну монету, для рыцаря — две, для крестьянина — три. И так со всеми товарами.

Понятно, что такая модель экономики не может быть эффективной. Во-первых, это будет порождать перепродажу товара представителем более высокого статуса. Во-вторых, продавцы не захотят продавать товар тем, кто платит меньше остальных, и будут создавать препятствия к такой торговле. В-третьих, это не позволяет производителю знать, сколько он выручит за свой товар. Свободный рынок — это противоположность статусной системе.

Теория ценности Аквината

Фома Аквинский не считал, что обмен основывается на затратах труда: «Размер заработка определяется не столько затратами, сколько положением того или иного человека в социальной иерархии».

Аквинат признавал, что ценность является субъективной, в «Сумме теологии»:

«Истинной мерой ценности вещей, той единственной сущностью, благодаря которой они становятся сопоставимыми в процессе товарного обмена, является человеческая потребность (польза). Тогда как выражение цены в денежном эквиваленте выступает лишь простой условностью»¹⁰⁶.

Цена является условностью, а возможность обмена содержится в том, что люди ценят другие блага больше, чем свои. Аквинат приводил примеры, в какой ситуации хлеб ценится

¹⁰⁴ Там же, с. 148.

¹⁰⁵ Там же, с. 225.

¹⁰⁶ Там же, с. 222.

больше, чем какие-то другие блага. Он говорил: в некоторых случаях (голода): зерно, или хлеб, ценится больше, чем жемчуг.

Ценность зависит не только от количества блага, но и от обстоятельств места и времени: «По природе ценность предмета основывается на человеческой потребности. Она обусловлена конкретными обстоятельствами: местом, временем года, избытком или недостатком того или иного продукта»¹⁰⁷.

Однако Фома Аквинский повторял «ошибку Аристотеля» и говорил о том, что обмен подразумевает обмен «равного на равное».

Аквинат о прибыли

Василий Великий, Иоанн Златоуст и многие другие Отцы Церкви поголовно осуждали прибыль. Фома Аквинский — не в меньшей степени, но делал исключения из правила (здесь дает знать о себе Аристотель).

Аристотель осуждал не экономину, а хрематистину. Аквинат следовал в этом за ним. Аквинат начал смотреть на прибыль как на доход за работу, которую выполняет купец: если купец привез что-то из другого региона и продал продукт, он имеет право на прибыль.

Фома Аквинский пошел еще дальше, чем Цицерон, который считал, что если человек знает, что за его повозкой придут другие повозки, привозящие зерно, он не имеет права не сообщить людям, которые покупают с его повозки хлеб, что скоро приедут другие. Цицерон, отталкиваясь от представлений о справедливости, говорил, что нельзя извлекать более высокую прибыль, опираясь на сведения, которых не имеют другие.

Фома Аквинский говорил о том, что торговец имеет право умолчать в интересах коммерции. Если человек способен делать нечто лучше других, он вправе получить вознаграждение в виде более высокой прибыли за способность управления этим капиталом. Прибыль допустима, не всегда греховна.

Аквинат полагал возможным получение процента и прибыли, что открывало врата для огромного количества хозяйственных сделок и, по сути дела, уже легитимизировало

¹⁰⁷ Там же, с. 223.

хозяйственную практику, которая существовала в Средние века, через несколько ситуаций:

- когда вы получаете процент ради средств к существованию;
- когда вы получаете процент, желая потратить его на помощь бедным;
- когда вы получаете прибыль, улучшая продаваемый товар;
- когда вы получаете процент в качестве подарка.

Кардинал Гостензис придумал целых тринадцать аргументов, которые позволяют защитить процент. Например, плата за поручительство. Если есть поручитель, то вы имеете право заплатить ему за его работу. Еще один аргумент — плата за неопределенность. Она совпадает с риском и неизбежно существует в каждой сделке. Еще один случай допустимости процента — штраф за просрочку кредита. И, наконец, он полагал, что допустимо вознаграждение за работу банкира.

И одного из этих аргументов достаточно для защиты любого вида банковского процента.

БЕРНАДИНО ИЗ СИЕНЫ

Еще один представитель схоластики — святой Бернардино Сиенский — один из пастырей, который в XIV веке активно читал проповеди и говорил о вещах, которые были для общества необычны (сейчас в католической церкви он признан святым заступником всех специалистов в области public relations).

Святой Бернардино Сиенский значительно отличался от многих остальных священников тем, что в своих проповедях он говорил о том, что торговец — это такой же человек, как и все остальные, и что прибыль, полученная им в результате коммерческой деятельности, — это естественное явление. Его трактат называется «О контракте и проценте» (1431–1433).

Бернардино признавал неизбежность существования частной собственности, свободы контракта; фактически признавал, что коммерческая этика вполне допустима.

В период времени, когда жил святой Бернардино, коммунистические ереси, которые существовали внутри Церкви,

были не распространены. Они постепенно вытеснялись учением, которое признает собственность естественной. И в этом смысле святой Бернардино — один из наиболее авторитетных и известных авторов в области хозяйственной этики, повлиявший на постепенное принятие этики свободного рынка.

Бернардино, несомненно, был моралистом, но, в отличие от многих других, он, признавая существование жульничества, мошенничества, демонстрировал, что склонность к этим порокам не обязательна для всех торговцев. Он настолько осмелел, что заявил: склонность к греховности не сосредоточена в торговцах как классе, а присуща любому человеку. Она может быть присуща и торговцу, и рыцарю, и даже клирику.

Очень смелое высказывание для своего времени.

БУРИДАН

Жан Буридан был учеником Уильяма Оккама, известного своим принципом «бритвы Оккама». Жан Буридан может рассматриваться как один из первых теоретиков в области денег. Он сформулировал то, что в XX веке стало называться «теоремой регрессии» Мизеса, и показал, что деньги — это совсем не обязательно институт, который создается государством.

Деньги — это некий товар, который обладает ценностью и становится универсальным средством обмена. Буридан писал о том, что деньги — это всегда нечто, созданное рынком, а не государством.

НИКОЛАЙ ОРЕЗМ

Николай Орезм жил в XIV веке и написал очень много трудов в области естественных наук, также внес вклад в общественные науки. Он был первым автором специального трактата по экономике в истории экономической мысли, который появился в 1358 году и назывался «О происхождении, сущности и обращении денег» — как видите, предметом его интереса была денежная теория. В этом произведении Орезм изложил две оригинальные идеи:

- Закон Грэшема, который в дальнейшем был приписан авторству английского банкира Томаса Грэшема. Если на рынке устанавливается четкое соотношение между золотом и серебром, а правитель принудительно установит свой курс обмена, где серебро будет стоить дороже, это приведет к тому, что люди станут стремиться всегда рассчитываться переоцененным серебром, а беречь золото. Золото будет оседать в хранилищах, а серебро находиться в обращении. **Это и называется законом Грэшема: «плохие» деньги вытесняют из обращения «хорошие».** Сам Николай Орезм говорил: «Если установленное законом соотношение курса монет отличается от рыночной ценности металлов, то недооцененные монеты исчезнут из обращения и в обиходе останутся лишь переоцененные»¹⁰⁸.
- Идея о том, что чеканка монет совсем не обязательно должна совершаться правителем, она может происходить и на свободном рынке.

Как мы видим, в Средние века было множество ценных идей с точки зрения экономической мысли. Однако вершиной этого движения следует считать Саламанкскую школу.

САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛА

Саламанкская школа — уникальное в истории экономической мысли явление, еще один пример того, что история нелинейна. Теоретики из Саламанки внесли огромный вклад в каталлактическую традицию, однако их работы гораздо менее известны, чем труды представителей английской политической экономии.

Йозеф Шумпетер, являясь очень требовательным историком экономической мысли, писал о Саламанкской школе: «Именно они ближе, чем любая другая группа, подошли к тому, чтобы стать основателями экономической науки»¹⁰⁹. Также Шумпетер признал, что представители этой школы были первоклассными экономистами.

¹⁰⁸ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 76.

¹⁰⁹ Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 122.

Саламанкский университет, который находится в Испании, примерно в 250 километрах от Мадрида, был учрежден доминиканцами, преподавателями там были в основном доминиканцы и иезуиты. До сих пор это место — один из интеллектуальных центров Европы.

Университет был создан в 1218 году, но когда речь идет о Саламанкской школе экономики, нужно понимать, что она возникла несколько позже, а именно в начале XVI века. Интересно, что представители Саламанкской школы в тот период времени были еще представителями наиболее сильной державы, но очень скоро ей пришлось отдать первые позиции, сила перешла к другим регионам. Более того, денежная система постепенно начала рушиться. Власть испанской короны — и экономическая, и политическая — стала переходить «в другие руки».

В 14 главе этой книги речь пойдет об австрийской школе и будет очевидна ее связь с Саламанкской школой в теории ценности, предпринимательства, денег. Эта традиция существует и в XXI веке. В современной Испании есть представители этого направления, например Хесус Уэрта де Сото, профессор университета Хуана Карлоса в Мадриде. Вот что он пишет:

«Пьетро ди Джовани Оливи, святой Бернардин Сиенский и святой Антонин Флорентийский в числе других разрабатывали теории развития рыночной экономики и цивилизации, в которой ведущую роль играли предприимчивость и творческая способность человека.

Это направление мысли было подхвачено, взлелеяно и получило блестящее продолжение в трудах великих теоретиков схоластической традиции испанского золотого века, которых, несомненно, следует рассматривать как главных предшественников австрийской школы экономической теории»¹¹⁰.

Прежде всего, представители Саламанкской школы занимались комментированием и конкретизацией положений, содержащихся в трудах Фомы Аквинского. Так как они считали себя последователями Фомы Аквинского, то должны были прежде всего интерпретировать его тексты и модернизировать их для решения насущных задач.

¹¹⁰ Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007. С. 44.

Теория ценности и цены

Один из лидеров Саламанкской школы — Диего де Коваррубиас-и-Лейва — в XVI веке писал: «Ценность вещи зависит не от ее объективной природы, а от ее субъективных оценок людей, даже когда эта оценка нелепа»¹¹¹.

Эта цитата говорит о том, что Диего де Коваррубиас-и-Лейва в принципе стоял на позиции субъективной теории ценности, а не на позиции трудовых издержек: «В Индии пшеница дороже, чем в Испании, потому что там люди ценят ее больше, хотя объективная природа пшеницы везде одинакова»¹¹².

Еще один представитель Саламанкской школы — Саравиа-де-ла-Калье — писал следующее по поводу «справедливой» цены (это, кстати, в традиции Фомы Аквинского): «Серьезно ошибаются те, кто измеряет “справедливую” цену вещи трудом, издержками и рисками того, кто производит товар или торгует им; потому что “справедливая” цена создается изобилием или нехваткой товаров, купцов и денег, а не издержками, трудом и рисками».

Эта цитата прямо говорит о двух взглядах на хозяйственную деятельность: взгляд с позиции субъективных полезностей или взгляд с позиции объективных издержек, и Саравиа-де-ла-Калье явно становится на позицию субъективных издержек.

Саравиа-де-ла-Калье писал о «справедливой цене» и издержках: «Почему рукописная книга должна цениться выше, чем печатная, если печатная книга лучше и дешевле в производстве? Справедливая цена устанавливается общим мнением, а не подсчетом издержек». Очевидно, что с точки зрения трудовой теории ценности и теории издержек, если что-то произведено с большими издержками, то должно цениться больше. Но фактически это не так. «Справедливая» цена устанавливается общим мнением, а не издержками.

Мартин де Аспилькуэта является экономистом, открывшим закон «временного предпочтения». Ценность одного и того же блага в нынешний момент и в будущем — разная. А именно: всегда существует дисконт на будущую ценность блага.

¹¹¹ Там же, с. 45.

¹¹² Там же.

Если человека поставить перед выбором: получить какое-то благо сейчас или в будущем, то он предпочтет текущее потребление. Именно потому что он является целеустремленным субъектом. Это так же один из элементов современной экономической теории. Мартин де Аспилькуэта писал: **«Будущие блага не ценятся столь дорого, как те же самые блага, доступные немедленно**, и они не позволяют их владельцам получать от них такую же пользу. По этой причине нужно полагать, что по справедливости их ценность должна быть ниже».

Он же писал:

«При прочих равных в тех странах, где деньги являются большой редкостью, все другие товары и даже рабочие руки обмениваются на меньшие деньги, чем в странах, где денег имеется в изобилии. Так, мы видим, что во Франции, где деньги являются большей редкостью, чем в Испании, хлеб, вино, одежда и труд стоят гораздо меньше. Даже в Испании в те времена, когда деньги были большей редкостью, за товары и труд давали гораздо меньше, чем после открытия Вест-Индии и начавшегося после этого обильного притока в страну серебра и золота. Причина в том, что *деньги стоят больше там и тогда, где и когда они являются относительно более редкими*. Иногда говорят, что редкость денег приводит к тому, что все остальное становится дешевле; это потому, что на фоне чрезмерного роста [ценности денег] остальные цены кажутся низкими, точно так же, как если поставить низкорослого человека рядом с очень высоким, он покажется ниже, чем когда он стоит рядом с другим человеком низкого роста».

Рыночный процесс и предпринимательство

Саламанкская школа, в отличие от классической политической экономии Смита, Рикардо, очень большое внимание уделяла такому явлению, как предпринимательство.

Еще один представитель школы, Кастильо де Бовадилья, показывал, как предпринимательство способствует понижению цен: «Цены продукции понижаются в результате изобилия, взаимного подражания и конкуренции продавцов».

Рыночный процесс описывался представителями Саламанкской школы как процесс поиска изобилия. И здесь конкуренция, которая приводит к соответствующему понижению издержек, является фактором. Предприниматель становится

получателем этого выигрыша за взаимное приспособление, потом появляются подражатели, они уничтожают эту прибыль.

Хуан де Луго, еще один представитель Саламанкской школы, задумался над тем, каким образом можно определить цену равновесия.

Об этом думают многие современные экономисты, де Луго об этом говорил еще в XVII веке.

Критика частичного резервирования

Саравиа-де-ла-Калье подверг жесткой критике практику частичного резервирования, когда банки не хранят 100% депозитов до востребования, а частично используют их на кредитование. Банки не имеют права поддерживать частичный резерв и тем самым использовать средства для предоставления кредитов третьим лицам. Если они таким образом действуют, они, полагает Саравиа-де-ла-Калье, совершают мошенническую сделку.

Либертарианский принцип

Самый интересный представитель Саламанкской школы, которого сейчас считают одним из лидеров, — Хуан де Мариана. Он смело рассуждал не только о вопросах экономики, но и хозяйственной этики.

Он полагал, что у граждан есть право на убийство тирана. В соответствии с принципом: если тиран нарушает свободы людей и уничтожает их права, то люди имеют право на его свержение.

«Управлять из центра, — писал Хуан де Мариана, — безумие. Рим далеко, генерал ордена иезуитов не знает ни людей, ни фактов... И уж точно он не знает всех обстоятельств, от которых зависит успех». Тем самым утверждается, что централизованное управление хуже рынка, так как управление из центра лишено знания конкретных деталей и обстоятельств.

Подводя итог, следует отметить, что для представителей Саламанкской школы было характерно много такого, что в дальнейшем стало фундаментом экономико-теоретического знания: субъективная теория ценности, связь между издержками и ценностью блага. Они рассматривали рынок

динамически, где конкуренция и предпринимательство являются также необходимыми элементами; они исследовали воздействие инфляции на экономическую деятельность, демонстрируя то, как она перераспределяет богатство; а также занимались критикой частичного резервирования.

АВСТРИЙСКАЯ И САЛАМАНКСКАЯ ШКОЛЫ

Между Саламанкской и австрийской экономическими школами существует определенная преемственность.

После того как Испания перестала быть политическим центром, и власть начала постепенно переходить к другим регионам, внимание к научным трудам Саламанкской школы постепенно исчезло, но не полностью. Эта традиция продолжала жить на континенте, ее подхватил Кантильон (Франция), Тюрго (Франция), Сэй (Франция), Молинари (Франция).

Это французская либеральная традиция, речь о которой пойдет в главе 8. Потом она продолжила существование в конце XIX века, прежде всего благодаря австрийской школе.

Но и в самой Испании был экономист Хайме Бальмес из Каталонии, за несколько десятилетий до выхода в свет работы Н. Менгера, которая и заложила основы теории предельной полезности, он писал следующее:

«Почему драгоценный камень стоит больше краюхи хлеба? Объяснить это легко: ведь ценность вещи определяется ее полезностью... Если количество единиц этой вещи увеличивается, то это уменьшает нужду людей в каждой из них по отдельности; ведь если есть выбор из многих одинаковых вещей, то ни одна из них не является необходимой. Поэтому увеличение или падение ценности вещи всегда связано с ее нехваткой или, напротив, с избытком».

Хайме Бальмес — мостик между Испанией и Австрией. Его простая идея о том, что чем больше какого-либо блага, тем меньше предельная полезность этого блага, содержится в любом учебнике по экономической теории. Между Саламанкской и австрийской экономическими школами содержится прямая историческая взаимосвязь.

Таким образом, существует глубокая традиция, идущая от Фомы Аквинского и дальше к Аристотелю. Мы видели, что Аристотель был в Средние века «переходящим знаменем», которое получили средневековые схоласты от арабов. Аристотель заставил их задуматься о логичности своих взглядов на экономику, отказаться от осуждения прибыли, процента и богатства. Эта схоластическая традиция породила Саламанкскую школу.

Первое тысячелетие нашей эры — период, когда господствовали идеи осуждения торговли и богатства, а второе постепенно начало осмыслять благотворность и естественность сил конкуренции и свободного рынка, одобрительно относиться к накоплению богатства.

Дейдра Манклоски пишет: «Признайте свободу и достоинство буржуазии и процветайте в удивительно высокой степени. Сопровитесь столь тривиальной идее и предсказуемо стагнируйте»¹¹³.

Мы живем в мире, где на определенном этапе были реализованы идеи свободного рынка и предпринимательства, которые разрабатывались Саламанкской школой.

Первооснова «великого обогащения», которое началось после промышленной революции, лежала в мире идей.

¹¹³ McCloskey D. Bourgeois Dignity: Why Economists Can't Explain the Modern World. Chicago and London: University of Chicago Press, 2010. P. 397.

ГЛАВА 5

МЕРКАНТИЛИСТЫ И ФИЗИОКРАТЫ

Золото — удивительная вещь. Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет, золото даже может открыть душам дорогу в рай.

Христофор Колумб

В Средние века экономическая мысль была связана с повседневной жизнью монаха, с размышлениями в его тихой келье о божественном и нравственном законе. После Великих географических открытий наступила совершенно иная эпоха, которая, словно свежий морской ветер, ворвалась в келью монаха и вытолкнула на свежий воздух, порождая переосмысление принципов хозяйственной деятельности.

Главными персонажами книг и памфлетов стали мошенники, авантюристы, пираты, т. е. люди-практики. А также чиновники и монархи. Люди-практики стали задумываться о том, как увеличить свой доход. Некоторых купцов посещали мысли, не предложить ли государям внести некоторые поправки в законодательство, например запретить импорт какого-либо товара в интересах собственного производителя.

Они почти всегда хотели получить у Короны вполне определенные привилегии. В истории это обозначено как период Нового времени.

В поисках нового пути в Индию

Турки-османы захватили Левант, Александрию, Константинополь и тем самым отрезали возможность торговли Европы с Востоком. Турки наложили свою пошлину. Например, Венеция имела право на торговлю с этими регионами и должна была выплачивать туркам каждый год 3% от стоимости продукта, а также 3, 4 или 5 тысяч дукатов в зависимости от объема торговли с арабами.

Купцы стали искать способ сокращения этих платежей. Сначала они решили обогнуть Африку, потом стали искать другой путь, который привел к открытию Америки.

Испания, Португалия и Англия нуждались в золоте и старались найти его в Новом Свете. Испанцы искали возможности изъять золото и серебро и поставлять его обратно в Испанию (Испания и Португалия активно колонизировали для этого Новый Свет). Англия также стремилась иметь колонии, но первоначально не поспевала за лидерами, поэтому не признавала соглашение о разделе колоний 1494 года, настаивая на том, что нужно осваивать территории по фактическому принципу, а не делить еще не освоенные земли.

Испанцы и португальцы в каком-то смысле переоткрыли рабство. Как писал английский историк Пол Джонсон, испанцы и португальцы озверели во время реконкисты и перенесли свою жестокость за океан. Англичанам же пришлось заниматься шкаперством (официальным пиратством), а также осваивать территории, которые были свободны от испанцев и португальцев, и строить свои отношения с местными жителями иначе: они переносили в свои колонии английские институты, что позволяло наладить более долгосрочные связи.

Золото, которое пришло в Испанию, не сделало ее богатой, цены выросли в три-четыре раза, правительство жило на эти деньги как на ренту. Оно покупало товары в других странах, но когда средства закончились, выяснилось, что Корона пребывает в состоянии банкротства.

Был сделан вывод о том, что приток «легких денег» совсем не обязательно приводит к росту благосостояния. Пери-

од главенства Испании закончился, началось владычество Британской империи.

Британская империя

Существуют различные мнения по поводу того, положительно или отрицательно повлияла Британия на свои колонии. Британец Дж. Ст. Милль был убежден в исключительно положительном влиянии:

«Британское правление в Индии было не только самым чистым в намерениях, но и одним из самых благотворных из когда-либо известных человечеству. Британская империя избрана самим проведением в качестве самого значительного орудия “насаждения” добродетели, которое видел мир. Это самая обширная система организованной человеческой свободы, которая когда-либо существовала в истории».

Конечно же, мягко говоря, Британская империя не всегда была миролюбивой. Правда и то, что, когда она стала уходить с захваченных территорий, на смену приходили местные диктаторы. Одновременно с уходом англичан не наступали свобода и процветание.

Следует признать, что колонии Британии были слабо коррумпированными и продвигали принципы свободной торговли. Людвиг фон Мизес писал, что Британская империя была выгодна колониям, так как позволяла не только пользоваться благами английского права, но и накапливать капитал быстрее, что позволило колониям сократить путь развития и воспользоваться научными, техническими, медицинскими и культурными достижениями западной цивилизации. Но произошло это уже после того, как сам Запад прошел через промышленную революцию.

МЕРКАНТИЛИСТЫ

Термин «меркантилизм» (*mercante* — «купец», «торговец») впервые использовался физиократами и имеет негативный оценочный характер. Считалось, что эта система была господствующей в XV–XVIII веках в странах Европы. В 1776 году Адам Смит выпустил «Исследование о природе и причинах богатства народов», где в четвертой книге разбил в пух и прах меркантилистскую систему.

Смит в один термин поместил очень разных людей и совершенно разные концепции (между ними часто больше отличий, чем общего). Смит же представил дело так, что все они были сторонниками доктрины торгового баланса (термин ввел Ф. Бэкон). К меркантилистам относятся: Уильям Петти, Томас Ман, WS (аноним), Чайлд, Давенант (в Англии); Монкретьен (во Франции); Серра и Дженовези (в Италии); Бехер, Юсти (в Германии); Молина (в Испании); Зоннефельс (в Австрии); Посошков (в России).

Основные положения меркантилизма, которые обычно выделяют после Адама Смита, состоят в следующем. Богатый человек — человек, у которого много денег (золота). А богатое общество — общество, у которого много денег (золота). Необходимо накапливать деньги (золото) внутри страны. Для этого нужно много экспортировать и мало импортировать (иметь активный торговый баланс), ограничивать конкуренцию и увеличивать численность населения. Это достигается за счет государственных указов (статуты).

Вся доктрина торгового баланса сводится к тому, что можно считать догмой Монтеня: «Вообще говоря, нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других».

То есть меркантилисты рассматривали внешнюю торговлю как игру с нулевой суммой. Если Англия выигрывает от внешней торговли, то Португалия обязательно проигрывает. Или наоборот. Уже позже стало понятно, что международная торговля — это игра с положительной суммой.

Мефистофель у Гёте говорит: «Война, торговля и пиратство — три вида сущности одной». Эти слова вполне совместимы с учением меркантилистов, для них нет особой разницы между торговлей и воровством.

Богатство Англии

В 1664 году вышла книга экономиста Томаса Мана «Богатство Англии во внешней торговле», ее принято считать Библией меркантилизма. В ней, в частности, говорится:

«Предположим, что наше королевство обильно снабжено сукном, свинцом, оловом, железом, рыбой и другими отечественными товарами, избыток которых мы ежегодно вывозим за границу на сумму 2 млн 200 тыс. фунтов и в то же время мы покупаем за границей и увозим к себе иностранных товаров для собственного потребления

на 2 млн фунтов, при соблюдении этого правила в нашей торговле мы можем быть уверенными, что королевство будет обогащаться на 200 тыс. фунтов, которые будут ввозиться к нам в виде денег, так как та часть наших товаров, на которую мы не получим в обмен товары, будет по необходимости ввезена в виде денег»¹¹⁴.

То есть 200 тысяч — это выигрыш, Англии нужен максимальный разрыв между экспортом и импортом, она должна вывезти как можно больше товаров. Как видите, Ман достаточно четко сформулировал доктрину активного торгового баланса.

Вслед за ним меркантилисты лоббировали принятие статутов, которые поддерживали национальную экономику. Среди них:

- статут о растрате, направленный на увеличение денежной массы в стране (если вы прибываете в английский порт, то должны потратить все деньги внутри страны);

- навигационный акт, принятый в 1651 году Кромвелем и направленный на развитие собственной промышленности (запрет приплывать к берегам Англии на кораблях, произведенных за пределами Англии);

- шерстяное лобби (для развития шерстяной промышленности нужно увеличить спрос на нее: умершие должны быть похоронены в шерстяном платье/костюме, причем регулировалась даже длина платья);

- рыбный день (введен для поддержки рыболовов — отечественного производителя);

- законы об ученичестве (регулировали многие виды деятельности, в частности ограничивали количество учеников);

- монополия на внешнюю торговлю (предприятия обладали привилегиями, дарованными Короной, так что потребители мало что получали от развития торговых отношений);

- выращивание овец (запрет выращивания овец ближе чем на 6 километров от моря для исключения возможности вывоза их за пределы страны);

- трудовые отношения (регулирование продолжительности рабочего дня и т. п.).

Всего насчитывалось несколько тысяч таких статутов. Несомненно, они негативно сказывались на развитии

¹¹⁴ Норс Д. Очерки о торговле. Меркантилизм. Л: СОЦЭЖИЗ, 1935. С. 155.

национальной экономики, зато позволяли неплохо жить монополиям, которых в Англии было больше пяти тысяч.

Камералистика

В Германии меркантилизм связан с наукой управления государством, но на манер повседневной чиновничьей работы. Эту науку называли «камералистика» — искусство повседневной жизни государственного служащего. Она включала не только вопросы бюджета, налогов, но и организацию бала, ведения светской беседы. По сути, в Германии камералистика полностью вытеснила экономическую теорию. К ней относились в Германии с глубоким презрением, рассматривая ее как чисто английское явление, которое несовместимо с особым путем немецкого народа. Задача ученых, считали в немецкой академии наук, «быть интеллектуальными телохранителями дома Гогенцоллернов».

Лоббирование

В Англии часто производилась попытка лоббирования изменений в законодательстве. Приведем в пример последние строки труда анонимного меркантилиста, направленного королю:

«Если будет признано, что упущено объяснение пути, как эти деньги могут быть получены, то пусть знают, что это отложено до того, как станет известно, что благоволение его величества будет им уделено преданным долгу лицам, которые для блага его величества изложили это выгодное средство и в настоящее время покорно умоляют его величество прочесть и сохранить в тайне этот трактат».

Такие памфлеты очень похожи на прошения, а не на научные исследования. Во многих случаях эти прошения для авторов ничем не заканчивались, поскольку, когда у правителя были деньги в казне, а ситуация в государстве стабильная, государь уже имел достаточное количество тех, кто ему подносил дары и прожекты.

Так, Антуан де Монкретьен, впервые предложивший термин «политическая экономия», в 1615 году выпустил трактат по политической экономии, где предложил регулирование цен, запрет на импорт, введение ограничений, недопущение иностранных купцов. Однако его труд не был оценен монархом.

Петти и дуэль на топорах

Уильям Петти, автор «Учения о налогах и сборах», прожил очень яркую жизнь, побывав моряком, врачом, профессором анатомии, картографом. Его произведения хвалил К. Маркс. Петти считается предшественником классической политической экономии. Ему принадлежит известная фраза о том, что «земля — это мать, а труд — отец богатства». Петти считается родоначальником статистики, он называл ее «политической арифметикой».

Однажды уже пожилой Уильям Петти получил вызов на дуэль от разъяренного мужа одной дамы (Петти и в почтенном возрасте любил приударить). Он принял вызов, но потребовал для уравнивания шансов — ведь он старше и плохо видит, — чтобы дуэль состоялась в темном помещении и битва велась на топорах. Обиженный муж не явился к месту дуэли.

Дадли Норс

Дадли Норс, отличающийся от многих меркантилистов, известен тем, что подверг критике три крайне распространенные вида интервенционизма:

Критика регулирования процента

До сегодняшнего дня многие предприниматели жалуются на высокие процентные ставки и говорят о необходимости их понижения, что сделает экономику быстрорастущей и решит, как считается, многие проблемы. Норс говорил о том, что перепутаны причина и следствие, что процент, который существует в экономике, является не причиной, а следствием развития экономики. То есть если вы хотите иметь более низкий процент, недостаточно принять некий закон, ограничивающий процент. Единственный способ этого достичь — иметь динамичную экономику при невмешательстве в нее. Мир и невмешательство государства в экономику способствуют экономическому развитию.

Критика законов против роскоши

Популярна идея, что нужно облагать людей, имеющих большое количество денег и могущих себе позволить предметы роскоши, соответствующим налогом. Норс считал, что это будет противно развитию экономики, так как одним из стимулов людей обогащаться состоит в том, чтобы иметь эти самые предметы роскоши.

Если вы будете облагать людей налогом, вы будете убивать стимул иметь больше денег, — а это тормозит развитие экономики. Борьба с роскошью не имеет положительного экономического эффекта. Экономика развивается таким образом: сначала появляется некий продукт, который доступен самому богатому слою общества, по мере того как насыщается этот рынок, у производителя предмета роскоши два варианта действия — закрыть бизнес либо перевести продукт в сегмент массового продукта. Если не будет этапа производства предметов роскоши, мы не будем иметь самых богатых людей и новых товаров в будущем.

Критика запрета на вывоз денег

Один из городов запрещает вывоз денег в другие города (государство поступает таким образом в периоды кризиса), будут ли стремиться в этот город купцы для сбыта своей продукции? Город будет стагнировать, так как купцам невыгодно вести торговлю в этом городе. Чтобы город или страна развивались, все должны знать, что там соблюдают право собственности и не запрещают обменивать деньги и вывозить их.

Либеральный меркантилист

Дадли Норс является исключением из правила, его литература формально относится к меркантилистской, но содержание книги прямо противоположно меркантилизму.

В 1691 году в своей книге Норс писал следующее:

«Законы, затрудняющие торговлю, как внешнюю, так и внутреннюю, в отношении денег или других товаров, не способствуют тому, чтобы сделать народ богатым деньгами и товарами. Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики, лишь мир, труд и свобода приносят торговлю и богатство, и больше ничего»¹¹⁵.

Это говорил представитель эпохи, которая ратовала, по словам Адама Смита, за абсолютизм, ведь протекционизм был своеобразным экономическим учением эпохи абсолютизма.

Поистине, термин Смита «меркантилизм» плохо описывает историю экономической мысли той эпохи. Смит был еще и плохим историком экономической мысли.

¹¹⁵ Норс Д. Очерки о торговле. Меркантилизм. Ленинград: СОЦЭЖИЗ, 1935. С. 317.

Буагильбер vs Кольбер

Жан-Батист Кольбер — министр финансов Франции при Людовике XIV. Он родился в небогатой семье, но с детства стремился к власти и роскоши. С его именем связывают особое явление — кольбертизм — по сути, синоним меркантилизма, но во Франции.

Он стремился ограничить экспорт сельскохозяйственной продукции из Франции, полагая, что во Франции избыток таких товаров, поэтому нужно поощрять развитие промышленности.

В своей политической карьере Кольбер любил делать ставку на родственников и друзей, именно их он назначал на высокие должности. Нет сомнений в том, что Кольбер явно злоупотреблял властью. По всей видимости, поскольку сам имел низкое происхождение, ему очень хотелось иметь дворянский титул, который он и купил в итоге.

Его часто и небезосновательно обвиняли в коррупции. Однажды Кольбер провернул такую финансовую схему. Франция выпускала много государственных облигаций, но они плохо обслуживались (задерживалась выплата процентов) и падали в цене. Кольбер начал скупать их по дешевке, после чего принял решение, как министр финансов, заплатить в полном объеме все средства, которые необходимы по этим облигациям.

За время его деятельности на 35% упала производительность труда в сельском хозяйстве (в то время как во Франции население в XVI веке было в три — шесть раз больше, чем в Англии, и уже тогда появились ростки развития промышленности, реформы Кольбера их уничтожили).

Его оппонент П. Буагильбер был по профессии судьей. Он написал в 1696 году книгу «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или Как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население».

В этой книге он доказывал, что правительственная политика Кольбера разрушительна для Франции: издержки в сельском хозяйстве выше, чем цены на продукцию. Кольбер своей политикой нарушает закон цены (читай: закон спроса и предложения), а законы коммерции нарушать нельзя, цены должны определяться рынком.

Буагильбер был противоположностью Кольбера во всем. Он предложил лишить привилегированные классы их особого статуса, брать налоги не только с бедных, но со всех. Считается, что Буагильбер — первый французский экономист — представитель классической политической экономии.

Посошков

Иван Тихонович Посошков жил в конце XVII — начале XVIII века и написал «Книгу о скудости и богатстве», в которой предложил Петру I меркантилистский план развития экономики России. Российские экономисты-государственники видят в нем одного из лидеров мировой науки, даже считают его предтечей институционализма. Вот как Посошков относился к торговле: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, прямой их владелец всероссийский самодержец».

Посошков писал о необходимости борьбы с высокими ценами: «Кто взял цену излишнюю, взять штрафа да высечь»¹¹⁶.

Действительно, несложно увидеть большое значение прогрессивных идей Посошкова для современности. Посошков отправил свою книгу Петру I в надежде на то, что государь пожелает получить сей дар от своего верного холопа, но вместо благодарности оказался в Петропавловской крепости, где и скончался.

Что просить у государства?

В свое время Жан-Батист Кольбер, известный своей политикой регулирования промышленности, сельского хозяйства, особых привилегий, не брезговал коррупционными доходами, встречался с купцами¹¹⁷.

Со стороны купцов с ним вел беседу Лежандр. Когда Кольбер спросил у купцов, чем он может помочь, какие средства и механизмы следует применить, чтобы купцам стало легче, легенда утверждает, что Лежандр ответил на этот вопрос: «Laissez faire, laissez passer». По-русски можно перевести как «дайте вещам идти своим чередом, не мешайте».

Купцы в эпоху Кольбера просили у министра, чтобы тот не мешал им работать, потому что были убеждены: они

¹¹⁶ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 119.

¹¹⁷ Онкен А. Невмешательство и свобода торговли. М.: Социум, 2018. С. 17–20.

вполне способны сами создавать ценности и продавать их на рынке. Максимум, чего они хотят, — чтобы государство им не мешало.

Нупцы в эпоху Кольбера заявляли: «Мы сами способны создавать ценности, и вы нам ничем помочь не можете», в современную же эпоху бизнес чаще говорит: «Если вы не дадите нам деньги, мы не способны производить свой товар». Поиск государственной финансовой поддержки стал своего рода бизнесом. Современные бизнесмены в большинстве своем отличаются от тех, кто приходил к Кольберу, тем, что хотят от государства привилегий.

Государство не может помочь бизнесмену бесплатно, оно, так или иначе, с него или с кого-то другого возьмет деньги.

Если бизнесмен неконкурентоспособен, он будет заинтересован в привилегиях. Но эти привилегии будут ложиться бременем на тех, кто способен создавать ценности. Такова неизбежная логика перераспределения. Современные виды лоббизма имеют много общего с теми прошениями, что были характерны для эпохи меркантилизма.

Современный мир, промышленность, финансы, стали возможны только в Новое время, когда были воплощены (хотя и не полностью) принципы «Laissez faire, laissez passer».

Конечно, этот призыв не был услышан Кольбером и его сподвижниками. Но со временем оказался не только услышанным, но и реализованным.

Дэвид Юм

Еще один представитель позднего меркантилизма — Дэвид Юм, шотландский философ, один из представителей классического либерализма, друг Адама Смита.

Именно Смит был душеприказчиком Юма, и это говорит об определенном доверии между мыслителями. Идея меркантилизма состоит в том, что нужно иметь превышение экспорта над импортом, и это станет стимулятором развития экономики.

Это — основной рычаг экономического роста. Юм демонстрирует, что применение такого механизма ведет к прямо противоположным последствиям, что регулирование торгового баланса абсурдно по своей сути.

Если у страны активный торговый баланс, — утверждал Юм, — это приведет к притоку золота в страну, рост количества золота приведет к росту цен, а они вызовут рост импорта и снижение экспорта. В итоге получится отрицательный торговый баланс (превышение импорта над экспортом). В таком случае также будет действовать **адаптационный механизм**: превышение импорта над экспортом вызовет отток золота, это приведет к снижению цен, а более низкие цены вызовут рост экспорта и снижение импорта. В долгосрочном периоде торговый баланс выравнивается без вмешательства государства. Это важный аргумент против политики меркантилистов.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Существует шесть основных заблуждений, которые на данный момент опровергнуты экономической наукой, хотя продолжают быть элементами массового сознания.

1. Внешняя торговля — это игра с нулевой суммой

Выигрыш одного — это проигрыш другого, следовательно, политика меркантилизма должна состоять в разорении конкурента. Если ваш конкурент будет разорен, вы от этого выиграете. Не может быть такой ситуации, когда два человека взаимодействуют друг с другом по системе win-win — всякая игра, или всякое взаимодействие между людьми — это игра win-lose — кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Доказательства того, что это не так, содержатся в повседневной практике, где люди, взаимодействуя друг с другом, выигрывают от этого, где каждый получает win. Давид Рикардо показал в своей теореме, что это правильно и для страны, делающей оба товара хуже.

2. Ограничение импорта стимулирует развитие промышленности

Здесь нужно рассмотреть два периода: краткосрочный и долгосрочный, а также эффект от ограничения импорта. Существует некий рынок, на котором есть национальный и есть иностранный производитель. Количество и качество продукции находится в положительной зависимости от конкуренции. Чем больше игроков и чем шире доступ на этот

рынок, чем больше разнообразие возможных комбинаций; чем больше конкуренции, тем ниже цены, тем выше качество продукции. В краткосрочном периоде ряд участников рынка выигрывает от ограничения импорта, но если выигрывают отдельные производители, то население проигрывает в результате роста цен, сокращения доходов, увольнений. Кроме населения проигрывают те производители, которые теперь вынуждены иметь большие издержки. В долгосрочном периоде ограничение конкуренции негативно влияет на всех. Чем больше монополий, тем больше ресурсов тратится не на создание продукта, а на поиск привилегий у власти. В долгосрочном периоде это обрекает страну на стагнацию.

3. Новые отрасли могут выжить только при протекционизме

Это так называемый аргумент младенческой отрасли представителей исторической школы. На чем он основывается? Новая отрасль не получит развития, так как не приносит большой прибыли в краткосрочном периоде, хотя в долгосрочном она способна принести большую прибыль, так как никто не будет вкладывать в нее средства.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что новая отрасль не найдет источников финансирования, если она сулит большие прибыли в будущем. Любой бизнес не приносит деньги сразу, это не мешает существовать длинным цепочкам производства, созданным частным сектором. Если продисконтированная прибыль больше альтернативных доходов от размещения капитала, то капитал будет размещен на чисто рыночных условиях. Если же проект приносит меньше, чем альтернативные вложения, то от него экономически рационально отказаться, ведь задача производства состоит в том, чтобы извлекать максимум из имеющихся альтернатив.

Во-вторых, молчаливо предполагается, что чиновники и эксперты знают, какие именно отрасли будут успешными в долгосрочном периоде. Но откуда они знают? Это можно установить лишь в процессе конкуренции и экспериментирования, а протекционизм означает их отсутствие. По факту такой аргумент позволяет «сидеть на бюджете» огромной отрасли, которая не будет развиваться, а потащит за собой на дно другие отрасли.

4. Отсталым странам невыгодна свобода торговли

Отсталая страна может либо пройти долгий путь накопления технологий, ресурсов и знаний, который прошли развитые страны самостоятельно, либо может значительно его сократить за счет привлечения иностранного капитала, тогда она будет пользоваться благами цивилизации уже сейчас и ускорит свое движение к процветанию. Отсталые страны не имеют развитой промышленности, высококачественной продукции, качественного образования и здравоохранения — и именно потому, что они всего этого не имеют, им особенно выгодно быть частью глобального мира. Африканские и латиноамериканские страны могли бы поставлять в развитые страны свои товары, но развитые страны ограничивают такие возможности различными способами.

Есть два варианта помочь бедным странам. Первый — дать им возможность предоставлять свою продукцию на мировой рынок; второй — не давать им зарабатывать деньги самостоятельно, но выделять гуманитарную помощь для сохранения существующей отсталости. Не приходится удивляться тому, что ограничение импорта в Европу приводит к притоку мигрантов: если не пускают товары, то начинают проникать люди.

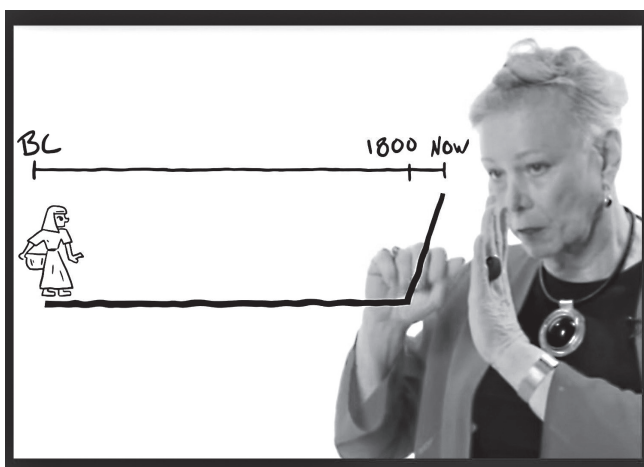
5. Снижение курса национальной валюты

Считается, что за счет снижения курса национальной валюты можно ускорить темп роста экономики. Такие манипуляции не приводят к добру. Если вы девальвируете национальную валюту, вы вызовете лишь рост цен, так как теперь придется импортировать продукцию с большими издержками.

6. Политика протекционизма привела к промышленной революции

Это не так. Политика протекционизма проводилась повсеместно во всей Европе, но промышленная революция произошла именно в Англии. Если бы протекционистские пошлины являлись источником промышленной революции, она случилась бы во Франции при Кольбере (тогда были огромные по масштабу меры протекционизма). Промышленная революция произошла в Англии благодаря защите прав собственности и свободному рынку труда. Снижение пошлин привело к многократному усилению двух этих факторов.

«Клюшка Макклоски»

Современный экономический рост можно изобразить с помощью «клюшки Макклоски». «Великое обогащение» начинается в эпоху промышленной революции, которая многократно увеличивает ВВП на душу населения в странах Запада. Дейдра Макклоски исследует вопрос: «Почему технологии и капитал не способны объяснить современный мир, иначе говоря, почему они не способны объяснить это “великое обогащение”»?

Макклоски анализирует исторические тексты, литературу, философию и приходит к выводу, что в этот период времени рождается определенного рода этика — этика свободной коммерции. Во-первых, рождается такое явление, как «буржуазное достоинство», когда представители среднего класса начинают уважать собственную деятельность. Во-вторых, «буржуазные добродетели» становятся частью риторики успешного человека. Восхваление бизнеса и предпринимательства сделали его силой, породившей «великое обогащение». Изменения в этических принципах и риторике, которые отмечает в тот период Макклоски, вызвали промышленную революцию. Беттке пишет:

«Доверие и дружба вместе составляют основу рыночной экономики и побочный продукт расширения рынков. Это замечательный круг добродетелей... Никто не обосновал

этот тезис столь ясно и столь исторически информированно, как это сделала Макклоски в «Буржуазных добродетелях». Можно смело утверждать, что она обрушивает на читателя подкрепленный историческими фактами поток рассуждений, призванных убедить всех: капитализм — это гуманизм! В этом плане Макклоски весьма близка к австрийской экономической школе. И это неудивительно: до создания ею собственного учения... она относилась к последователям Мизеса и Хайека»¹¹⁸.

ФИЗИОКРАТЫ

Само название «физиократия» означает «власть природы». Движение физиократов возникло в противовес политике меркантилизма. Если слово «меркантилизм» происходит от итальянского mercante, что значит «купец» или «торговец» (это была доктрина сторонников активного торгового баланса), то физиократы возникли как противоположное движение всему беспределу, который царствовал в эпоху Нольбера, и неслучайно физиократы возникли именно во Франции как противовес кольбертизму.

К физиократам принято относить Венсана де Гурнэ, Франсуа Кенэ, Жака Тюрго, Дюпона де Немура и многих других экономистов, которые вообще-то имеют мало общего друг с другом. Если Венсан де Гурнэ — это действительно родоначальник школы, то Кенэ — уже создатель определенного рода секты. Они так себя и называли: секта экономистов.

Они проводили встречи на антресоли Версальского дворца. Лидером движения был Франсуа Кенэ, личный врач мадам де Помпадур и Людовика XV. Там собиралось много видных интеллектуалов. На антресоль забирались и Мирабо, и Адам Смит, и Кондильяк, и Дидро, — там рождалась доктрина физиократов.

Гурнэ

Венсан де Гурнэ может считаться самым выдающимся преподавателем экономики всех времен и народов не потому, что он создал школу физиократов, но потому, что сыграл

¹¹⁸ Заостровцев А. П. Предисловие к книге: Макклоски Д. Буржуазные добродетели. Издательство Института Гайдара, 2018. С. XVI.

особую роль во французской либеральной традиции: воспитал Тюрго. Тюрго, который даже критиками и теми, кто его ненавидел, признавался человеком честным и порядочным, написал в 1859 году «Похвальное слово Венсану де Гурнэ», где рассказывал о его жизни, а также его учении.

Венсан де Гурнэ родился в 1712 году и в возрасте семнадцати лет покинул Париж, чтобы учиться в Испании. Он проучился в Испании почти столько же¹¹⁹. Не только проучился, но и прожил, впитал атмосферу этой страны. Потом вернулся во Францию и купил себе должность интенданта торговли. И, занимая эту должность, пытался проводить в жизнь необычные для времени идеи. Вот что Жак Тюрго писал об учении Венсана де Гурнэ:

«Все его учение основывалось на абсолютной невозможности управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, необъятность чего препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно зависят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и предвидению. Поэтому он хотел, чтобы администрация не считала нужным водить всех людей и указывать им дорогу и рассчитывала больше на естественную силу заинтересованности, чем на внешнее искусственное постановление средств принуждений... Он вовсе не думал, как его обвиняли многие люди, что не надо соблюдать никакой осторожности при искоренении пороков. Он знал, насколько все перемены должны быть заранее подготовлены, насколько опасны внезапные потрясения. Он полагал, что осторожность должна проявляться в действии, а не в рассуждении»¹²⁰.

Теория должна быть последовательной, а практика — постепенной. Необходимо продумать все до мельчайших деталей, в том числе тех деталей, которые кажутся второстепенными.

Гурнэ в своей концепции исходил из трех пунктов:

1. Необходимо предоставить всем отраслям коммерции ту драгоценную свободу, которой лишили их предрассудки веков и невежество. Свобода торговли теряется в результате той легкости, с которой правительство дает себя склонить на сторону отдельных интересов.

¹¹⁹ В это время в Испании преподавали экономику представители Саламанкской школы.

¹²⁰ Тюрго Ж. Похвальное слово Венсану де Гурнэ. Физиократы. М.: Эксмо, 2008. С. 565–566.

2. Следует облегчить труд всех членов государства в целях поощрения наибольшей конкуренции, от чего неизбежно последует наибольшее совершенство в изготовлении товаров и наиболее выгодная цена для покупателя. Это обеспечивается политикой сокращения государственного вмешательства в рыночную экономику.
3. Необходимо расширять рынки сбыта товаров. Следует давать возможность французской продукции завоевывать все новые рынки сбыта, не мешая внешней торговле государственными барьерами.

Так выглядела доктрина Гурнэ, фактически он говорил о естественных законах экономики и права, которые лежат в основе социального порядка, — о *Laissez Faire*.

Секта Кенэ

Правда, кроме этого физиократам принадлежала еще одна идея, которая делала их более похожими на секту, а именно: доктрина физиократов базировалась на убеждении, что **труд на земле является единственным производительным трудом**, а все другие виды труда являются, по сути дела, непроизводительными, и класс работников на предприятиях даже назывался стерильным классом. Чистый продукт создается только трудом на земле.

Адам Смит ездил во Францию и много чего позаимствовал из кружка Кенэ, хотя считал его членов чудаками. Он включил в свое «Богатство народов» то, что узнал, пока пребывал в Версале на антресоли. Он называл эту группу «антресольным клубом», где поклонники Кенэ считали таблицу Кенэ важнейшим изобретением в истории после письменности и денег, а Мирабо на одной из антресольных встреч заявил, что на первом месте в этом списке должна быть экономическая таблица Кенэ, после чего полез целовать руки мастеру.

Франсуа Кенэ читал книгу Ричарда Кантильона «О природе торговли» 1755 года, в рукописи она была у физиократов еще в 1730-х годах. Мирабо являлся держателем этой рукописи. И то, что Кенэ начертил в своей таблице, содержалось в работе Кантильона, которая была написана раньше. Правда, у Кантильона в эту схему включается роль

предпринимателя, который предвосхищает будущее. У Кенэ, как и у Смита, все это отброшено в сторону. Они развивали аллокационную парадигму.

Холизм и макроэкономика

Таблица Кенэ считается первой моделью в экономике. Кенэ внес вклад в воспроизводственную парадигму¹²¹. Экономическая таблица говорит о том, что в экономике все взаимосвязано (позже этот тезис получил развитие у Вальраса); в экономике совершается кругооборот товаров — причем таблица в качестве субъектов деятельности берет не индивидов, а классы (это развил Маркс в своем классовом подходе); для устойчивости в экономике должна быть соблюдена определенная пропорция между классами — этот тезис протоптал дорожку разным моделям централизованного планирования экономики; только труд на земле является производительным — предтеча догмы Смита; для развития экономики необходимо развитие сельского хозяйства.

Физиократы и физиократы

Внутри одного движения, которое наименовалось «физиократы», находились очень разные экономисты. Одни, такие как Гурнэ и Тюрго, были сторонниками каталлактической парадигмы, в то время как Кенэ и его «секта» смотрели на экономику как на единое целое, предвосхищая многие аллокационные модели XX века.

¹²¹ «Длинные волны» Н.Д. Кондратьева, отдаленно связанные с Кенэ, следуют холистической воспроизводственной парадигме. Не зря его идеи подхватили такие левые интеллектуалы, как И. Валлерстайн. Этому посвящена замечательная статья Валерия Кизилова: http://www.chaskor.ru/article/obluchenie_dlinnymi_volnami_10979

ГЛАВА 6

ДЖ. ЛОКК: ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Джон Локк по праву считается первым настоящим либералом и отцом современной политической философии. Не познакомившись с идеями Локка, невозможно понять мир, в котором мы живем.

Д. Боуз

Если взять любой трактат по экономике, от Кантильона до Мизеса, мы увидим, что в них нет категории, которая называлась бы «собственность». И это неслучайно, потому что экономическая теория рассматривает собственность как общее условие человеческой деятельности. Собственность — это понятие другой науки: права. Чтобы обосновать политику либерализма (экономической и политической сво-

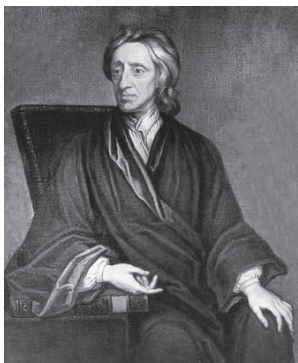
боды), нужно понимать, что одной экономической теории недостаточно. Потому что экономическая теория не содержит в себе обоснование права собственности.

Либерализм, по сути, — это экономическая теория плюс право собственности. В этом смысле Джон Локк — классик, важный не столько для экономической мысли, сколько для обоснования права собственности, так как именно ему принадлежит **трудовая теория собственности**.

ДЖОН ЛОКК И ЕГО ЭПОХА

Джон Локк жил во времена Славной революции 1688 года, когда во главе государства встал Вильгельм III Оранский, который до этого был штатгальтером Голландии. С этого времени началась эпоха, когда парламент, а не монарх, стал определять политику государства.

Локк был не только идеологом Славной революции, но также мыслителем, чьи идеи повлияли на американскую революцию, изменившую не только США, но и весь мир.

Локк родился в 1632 году. В 1652 году он поступил в колледж христианской церкви при Оксфорде, в этом же учебном заведении работал профессор Уильям Петти возрастом всего на шесть лет старше Джона Локка. Петти преподавал анатомию и, помимо того, был вице-президентом колледжа. Локк проучился в колледже шесть лет и стал преподавать этику, он был одним из членов совета по колониям.

Все бы хорошо, если бы не его увлечение политикой. **Это, видимо, характерно для любого джентльмена — заниматься наукой в нереволюционное время и политикой, когда ситуация становится революционной.**

Еще в Англии Джон Локк познакомился с лордом Эшли Шефтсберийским, который ему очень благоволил. Когда начались волнения, им обоим пришлось покинуть Англию.

Локк продолжал жить в изгнании в Голландии, где продолжал писать научные труды. Идеи Джона Локка серьезно повлияли на Вильгельма Оранского. Когда произошла Славная революция 1688 года, Локк вернулся в Англию, где издал «Два трактата о правлении».

Критика Роберта Филмера

Филмер был очень влиятельным теоретиком, защитником абсолютизма, и первый трактат Локк посвятил опровержению его системы.

Книга Филмера вышла в свет в 1680 году и называлась «Патриарх». Филмер стремится доказать естественность неограниченных прав монарха и противоестественность прав граждан, ссылаясь на Священное Писание.

В Писании говорится о том, что Господь даровал всю власть Адаму. У него есть власть над Евой, над детьми его и над рабами. Адам, первый человек, наделяется Богом неограниченной властью. У Адама есть сыновья, которые также наделяются неограниченной властью, как родившиеся от него. Этот принцип относится и к монархам. То божественное право, которое было у Адама, существует и у государя. Любой монарх, исходя из божественного права Адама, обладает таким же правом в отношении всех подданных, которые живут в государстве.

Логично, что неограниченной властью обладает любой потомок Адама. То есть любой человек, а не только монарх.

Локк показывает: в Священном Писании достаточно много раз говорится, что у Адама нет абсолютной власти ни над Евой, ни над детьми. Власть дана ему на определенных условиях. Следовательно, власть его не абсолютна.

Кроме того, как быть с теми, кто пришел к власти в результате интриг и завоеваний? Они являются монархами, но при этом очевидно, что природа их власти базируется

не на родственности с Адамом, а на силе. Как вообще установить, кто ближе к Адаму по родству?

У Филмера получается: тот, кто наделен властью, тот и преемник Адама. В итоге любая власть — от Бога. Филмер обосновывает не власть монарха, а власть более сильного.

Гоббс

Томас Гоббс был более логичен в своей теории, которая так же, как теория Филмера, отстаивала абсолютизм. Гоббс, автор трактата «Левиафан», писал: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех».

Гоббс и Филмер полагали, что если дать людям свободу, они друг друга истребят, поэтому в личности монарха граждане получают защитника от себя самих. Для этого необходимо государство. Люди должны соглашаться с властью государя, ведь иначе они погибнут. В естественном состоянии жизнь людей коротка, страшна и убога, — полагал Гоббс. Люди должны отдать свободу в обмен на безопасность.

Однако почему люди, склонные к взаимному уничтожению, не могут захватить власть? Если все так безнадежно с человеческой природой, то и государь будет наделен всеми чертами обычного человека. Насилие, исходящее от него, окажется не меньше, если не больше, чем насилие частных лиц друг над другом.

Однако, видимо, природа человечества не настолько однородна и безнадежна. Хотя и мерзавцы встречаются, но люди вполне могут учредить государство, как полагал Локк, на правах человека, а не на праве монарха на абсолютную власть.

Его концепцию можно выразить в следующих пунктах:

1. Люди наделены правами независимо от существования правительства. Эти права называются естественными.
2. Люди создают правительство для защиты своих прав, так как это более эффективно осуществляется с ним, чем без него.

3. Если правительство выходит за эти рамки, люди имеют право на восстание.
4. Лучший способ удержать правительство в рамках — система представительного правления.

Если сравнить систему Джона Локка с Декларацией независимости США, которая была написана 4 июля 1776 года, легко увидеть общее. Декларация гласит:

«Все люди сотворены равными и все они наделены Творцом неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, облаемые справедливой властью с согласия управляемых».

Людям не гарантируется, что они будут жить хорошо, но они имеют право стремиться к счастью. Государство не может гарантировать людям счастье (это относится и к «социальному государству»). Такой взгляд серьезно отличается от позиции сторонников неограниченной власти монарха, от идеи Филмера и его последователей.

Таким образом, доктрина Локка утверждает: человек принадлежит самому себе, результаты труда принадлежат ему же, человек вправе вступать в любые добровольные отношения с другими людьми, никто не вправе нарушать право собственности и свободу договора. Это и есть политическая философия либерализма.

Трудовая теория собственности

Во втором трактате о правлении Локк обосновал трудовую теорию собственности. Собственность принадлежит тому, кто смог найти данному ресурсу полезное применение:

«Тот, кто питается желудями, подобранными под дубом, или яблоками, сорванными с деревьев в лесу, несомненно, сделал их своей собственностью. Никто не может отрицать, что эта еда принадлежит ему. Я спрашиваю: когда они начали быть его? когда он их переварил? или когда ел? или когда варил? или когда принес их домой? или когда он их подобрал? И совершенно ясно, что если они не стали ему принадлежать в тот момент, когда он их собрал, то уже не смогут принадлежать ему благодаря чему бы то ни было. Его труд создал различие между ними и общим; он прибавил к ним

нечто сверх того, что природа, общая мать всего, сотворила, и, таким образом, они стали его частным правом. И разве кто-нибудь сможет сказать, что он не имел права на эти же люди или яблоки, которые он таким образом присвоил, поскольку он не имел согласия всего человечества на то, чтобы сделать их своими?»¹²².

Гомстед (присвоение общего ресурса себе) первично совершается человеком в отношении самого себя. Даже тоталитарные антиутопии «Мы», «Гимн», «1984» характеризуются тем, что личность не удается уничтожить даже им. Когда человек говорит: «Я есть я, я принадлежу самому себе, мои мысли принадлежат мне», он совершает акт гомстеда. За ним следует акт гомстеда окружающих объектов по принципу первого пользователя. После чего, сталкиваясь с другими «я», происходит разделение на «мое» и «твое». Когда оно происходит, единственной допустимой формой взаимодействия остается добровольный обмен. Если кто-то нарушает этот принцип, нарушает право на самозащиту и защиту своей собственности.

Из этого следует, что собственность может быть только частной. **Любая государственная собственность — нарушение первичного акта гомстеда.**

Следует отметить, что невозможно чисто утилитарно защитить институт частной собственности, ведь есть люди, которым выгодно нарушать этот принцип. Поэтому возникает необходимость морального обоснования частной собственности. Локк его прямо не предлагает, но закладывает основы для такого обоснования шотландскими просветителями. Частная собственность имеет свой моральный аспект, так как основана на принципе не-агрессии. Моральным может считаться лишь то, что является результатом добровольного выбора и основывается на индивидуальной ответственности.

Шотландские моралисты

Бернар Мандевиль в «Басне о пчелах» показывает, что улей, в котором нет нравственности, вполне может быть процветающим. Его басня имеет подзаголовок: «Пороки частных лиц — благо для общества». А вот что происходит в улье, когда в нем решают избавиться от порока:

¹²² Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1988. С. 277.

*Сравните улей с тем, что было:
Торговлю честность победила,
Исчезла роскошь, спесь ушла,
Совсем не так идут дела.
Не стало ведь не только мота,
Что тратил денежки без счета:
Куда все бедняки пойдут,
Кто продавал им свой продукт.
Везде теперь один ответ:
Нет сбыта и работы нет!
Все стройки прекратились разом,
У нустарей — конец заказам.
Художник, плотник, камнерез —
Все без работы и без средств.*

Хайек интерпретирует «Басню о пчелах» не как апологию аморализма, а как открытие спонтанного порядка, который работает даже там, где его ждать не приходится:

«Необычайно сложный механизм существует, работает и разрешает проблемы — зачастую путями, которые оказываются единственно возможными для достижения этого результата, но которые не могут быть следствием преднамеренного регулирования, потому что никто их не понимает. Даже сегодня, когда мы начинаем понимать их работу, мы всякий раз обнаруживаем, что необходимые функции выполняются спонтанными институтами. Если бы мы попытались управлять системой сознательно, нам пришлось бы такие институты придумать, хотя мы поначалу не понимаем их — даже когда видим перед собой. Мы часто приписываем превосходству человеческого гения и глубине его проницательности то, что в действительности обязано долговременному опыту многих поколений, очень мало отличавшихся друг от друга по природным способностям и благоразумию»¹²³.

Однако такая апология свободного рынка приводит к тому, что оппортунизм становится свойством системы, и со временем приходит понимание: без моральных принципов рынок существовать не может. Хайек писал:

«Вот истина, которую все великие проповедники свободы, кроме рационалистов, никогда не уставали подчеркивать: что свобода никогда не работает без глубоко укоренившихся моральных убеждений и что принуждение может быть

¹²³ Майбурд Е. М. От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей. Ганновер: Семь искусств, 2017. Т. 2. С. 120.

умерено до минимума, только когда от индивидов ожидается, как правило, добровольное подчинение определенным принципам»¹²⁴.

Шотландские моралисты (Хачетсон, Юм) создавали основу для защиты свободного рынка. Современный итальянский экономист Э. Коломбатто в своей очень ценной книге «Рынки, мораль и экономическая политика» доказал, что современный интервенционизм рождается именно благодаря утрате моральных принципов, обосновывающих капитализм. В таком случае чисто утилитарных аргументов просто не хватает для защиты системы свободного предпринимательства¹²⁵.

Локк — экономист

Локк известен прежде всего как философ, и особенно как политический философ. Но прежде чем стать активным политическим деятелем во времена Славной революции 1688 года, он занимался анализом проблем торговли, финансов и всего того, что было связано с колониями.

Локк вступил в полемику с Джозаиа Чайлдом, который полагал, что нужно стремиться к политике Нидерландов.

Он полагал, что Нидерланды богаты, так как процентная ставка там ниже английской. Чтобы догнать и перегнать, Англии необходимо с помощью закона снизить ставку с 6% до 2%. Кроме того, нужно девальвировать фунт на 20%, так как монета потеряла свое содержание и цены выросли. Если же совершить перечеканку с полноценным содержанием, это вызовет дефляцию, а последняя — кризис.

Как мы видим, Чайлд был вполне инфляционистски настроенным автором.

Чайлд полагал, что причина богатства Нидерландов в низкой процентной ставке. Интуитивно люди соглашались с тем, что «чем ниже процент, тем легче взять кредит, тем больше будет инвестиций и тем выше благосостояние». Хотя забывается при этом: чтобы взять кредит, кто-то должен поместить деньги в банк. Если процент будет очень низким, то людей, желающих размещать деньги, окажется мало. Это — закон спроса и предложения: если на рынке зафиксирована цена ниже рыночной, то возникает дефицит и черный рынок. Если

¹²⁴ Там же. С. 155.

¹²⁵ Коломбатто Э. Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.

на денежном рынке зафиксирована процентная ставка, то возникает то же самое: черный рынок банковских услуг, а если нет желания или возможности ими воспользоваться, то просто невозможно получить кредит.

Чайлд, как и большинство современных этатистов, опасался дефляции, для них это синоним застоя. Дефляция вызовет кризис. Например, кейнсианец Р. Хоутри писал, что в конце XIX века в США была депрессия (а на самом деле — самый высокий в истории США рост. Депрессия наблюдалась только по одному параметру: дефляции, цены в этот период снижались).

Дефляция не представляет собой проблемы, ведь предприниматели не ориентируются на общий уровень цен. Их интересует разница между ценой товара и издержками; если разница остается, то и прибыль тоже. Для потребителя это также не проблема: кроме ожидания снижения цен на его поведение влияет временное предпочтение. Если он знает, что цены снизятся, это не означает, что он вечно будет откладывать покупку, ведь остается в силе желание получить благо сейчас, а не через несколько лет.

Джон Локк не заставил себя ждать. Он ответил Чайлду следующее: «Нидерланды богаты капиталом, именно поэтому процент там ниже, чем в Англии. Законодательное понижение процента не сделает Англию богаче. Искусственное понижение процента вызовет лишь недоступность кредита для большинства и рост ставки на черном рынке (а также рост преступности). Нужно восстановить содержание монеты, тогда доверие к ней не будет утеряно и привлечет больше капиталов в Англию (что сократит разрыв с Нидерландами). Дефляция не является источником кризиса, так как снижение цен делает товары более доступными для потребителя и издержки более низкими для производителя. Все это вызовет рост экономики Англии».

Мы говорили, что история экономической мысли подобна пиле. Локка мало знают как экономиста, но его учение имеет высокую ценность, а вот Адама Смита знают все, но в следующей главе мы покажем, что его роль сильно переоценена.

ГЛАВА 7

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Наиболее известные имена XVIII–XIX веков, связанные с классической политической экономией, это Адам Смит, Давид Рикардо, Томас Роберт Мальтус и Джон Стюарт Милль.

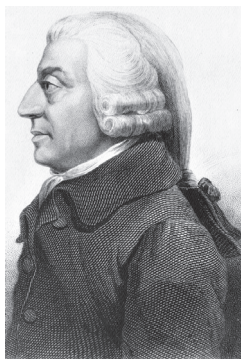
Книга Милля 1848 года является венцом классической политической экономии. До маржиналистской революции именно труд Милля используется теми, кто изучает политическую экономию.

МИФ ОБ АДАМЕ СМИТЕ

Считается, что Адам Смит был пионером *Laissez Faire* и творцом экономической теории. И то и другое неверно. Традиция субъективной теории ценности была уже разработана до Смита Саламанкской школой, Кантильоном, Кондильяком и Тюрго. Ниже будут рассмотрены и политические взгляды Адама Смита, далекие от *Laissez Faire*.

Когда Адам Смит выпустил «Богатство народов», по другую сторону Ла-Манша аббат Кондильяк в том же 1776 году

написал труд, посвященный торговле и государству. Трактат Смита заложил основу трудовой теории ценности, а книга Кондильяка — традиции субъективизма. Кондильяк решил проблему «алмаз и вода» в категориях субъективной теории ценности. Соответственно, от Кондильяка и французской либеральной традиции идет противоположное Смиту направление экономической мысли.

Смит совершил три ошибки:

Трудовая теория ценности. Смит полагал, что пропорция обмена товаров определяется затратами труда¹²⁶. Правда, он полагал, что это характерно для первобытного общества. Пропорция соотношения между бобрами и оленями у Адама Смита определяется количеством времени, которое тратится охотником на поимку бобра и оленя. Рикардо расширил теорию Смита до современного капитализма. Не зря Маркс основал свою теорию эксплуатации на трудовой теории ценности Смита.

Теория интервенционизма. Смит ратовал за различные виды интервенционизма. В том числе за государственное образование, за создание общественных благ и за навигационный акт Кромвеля.

Нейтральность денег. Смит отбросил экономическую теорию назад, отказавшись от влияния денег на реальные

¹²⁶ «Стоимость всякого товара для лица, которое обладает им, имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собой действительное мерило меновой ценности всех товаров». Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2017. С. 88.

процессы. Фактически он рассматривал деньги как «вуаль экономики», деньги в его модели были нейтральными. Он сделал значительный шаг назад по сравнению с Кантильоном. В современной экономической теории деньги не являются нейтральными, они порождают эффект Кантильона и экономический цикл.

Мюррей Ротбард справедливо отмечал, что Смит является тем, кто отверг традицию субъективизма:

«А. Смит отбросил все, относившееся к субъективной теории ценности, центральной роли предпринимателя и попыткам объяснить цены, складывающиеся на реальном рынке, и выдвинул на передний план трудовую теорию ценности, которую позднее Маркс, доведя дело до логического конца, положил в основание своей теории капиталистической эксплуатации»¹²⁷.

Адам Смит говорил о купцах и промышленниках в «Богатстве народов» (1776): «Эта книга направлена против низменной жадности, стяжательского духа купцов и промышленников, которые не правят и не должны править миром»¹²⁸.

Картина капитализма у Смита выглядела почти как у социалистов:

«Бесчувственные и пребывающие в праздности землевладельцы, которые жнут, где не сеяли; предприниматели, заканчивающие каждую встречу сговором между собой; купцы, которые сами благоденствуют и предоставляют возможность зарабатывать на жизнь своим приказчикам и счетоводам; бедные и рабочие, обеспечивающие роскошную жизнь остальным членам общества, — и все персонажи предлагаемого нам зрелища»¹²⁹.

Смита считают сторонником капитализма, но вот что он думал о капиталистах: «Хозяева всегда и повсеместно находятся в молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработную плату рабочих выше ее существующего размера»¹³⁰.

Это можно сравнить со словами Маркса о капитализме:

«Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, а при 50%

¹²⁷ Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. Auburn: Mises Institute, 2006. P. XI.

¹²⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКМО, 2007. С. 476.

¹²⁹ Шумпетер Й. История экономического анализа. М.: Экономическая школа, 2001. С. 237.

¹³⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКМО, 2007. С. 119–120.

положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы. А при 300% нет такого преступления, на которое капитал не пошел бы даже под страхом виселицы»¹³¹.

Таким образом, от Смита идет прямая линия к Марксу.

«Заслуги» Смита

Мы имеем следующие потери в экономической теории, произошедшие благодаря Адаму Смиту. В теории Смита нет предпринимателя; деньги являются нейтральными; нет теории рыночных цен, которые складываются на реальном рынке; для Смита была характерна антикапиталистическая ментальность; Смит ратовал за создание общественных благ государством; Смит считал непроизводительными все виды труда, кроме труда промышленного рабочего. Что касается интервенционизма, то Смит ратовал за следующие его виды:

- навигационный акт;
- государственное образование;
- регулирование банковского дела и запрет мелких монет, одобрение частичного резервирования;
- общественные работы: дороги, мосты, бухты (так как частные организации не заинтересованы это делать);
- государственная чеканка монет;
- государственная почта, так как это прибыльное дело;
- обязательные заборы от пожара;
- обязательная регистрация ипотеки;
- ограничение экспорта пшеницы;
- запрет на натуральную оплату труда;
- прогрессивное налогообложение.

Он также крайне негативно относился к купцам:

«Низменные приемы мелких лавочников возводятся в политическое правило поведения большого государства... Капризное тщеславие королей и министров не было в течение настоящего и минувшего столетий более роковым для спокойствия Европы, чем высокомерное соревнование купцов и промышленников»¹³².

Смит также ратовал за определенные виды протекционизма, поэтому считать его последовательным фритрейдером невозможно:

¹³¹ Маркс К. Капитал. М.: Издательство политической литературы. М.: 1988. Т. 1. С. 770.

¹³² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 476.

«Однако имеются, по-видимому, два случая, когда, по общему правилу, выгодно наложить некоторые тяготы на иностранную промышленность в целях поощрения промышленности отечественной (!). Первый случай имеет место тогда, когда какая-либо отдельная отрасль промышленности необходима для обороны страны. **Оборона страны гораздо важнее, чем богатство.** Вторым случаем, когда выгодно подвергать некоторому обложению иностранную промышленность в целях поощрения отечественной, является тот, когда продукт последней внутри страны облагается налогом»¹³³.

Также Смит унаследовал от меркантилистов доктрину торгового баланса: «Почти все страны обмениваются друг с другом отчасти собственными и отчасти иностранными продуктами. Но всегда больше выгадывает та страна, в грузах которой больше отечественных продуктов и меньше иностранных»¹³⁴. Как видим, тяжело счесть Смита сторонником *Laissez Faire*. И наконец, Смит одобрял оплату захвата новых территорий с помощью налогов на предметы первой необходимости, которые ложатся прежде всего на бедных (захватил новые территории — повысил налоги для собственного населения):

«Налоги на предметы первой необходимости в Великобритании незначительны, и ни одна отрасль мануфактурной промышленности не была подорвана ими. Налоги на предметы необходимости не могут служить укором мудрости государства, которое в целях завоевания и сохранения своей независимости было втянуто... в столь дорогостоящие войны, что было вынуждено пойти на крупные долги»¹³⁵.

ДАВИД РИКАРДО

Давид Рикардо¹³⁶ был, видимо, одним из самых богатых экономистов всех времен и народов. Он заработал состояние на фондовой бирже и в тридцать лет решил уйти с рынка и заняться наукой. Отдыхая на английском курорте Бат, он попросил у библиотекаря что-нибудь интересное. Тот дал ему

¹³³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 449–451.

¹³⁴ Там же, с. 473.

¹³⁵ Там же, с. 837.

¹³⁶ В ранние постсоветские времена, когда было очень плохо с переводами иностранных экономистов на русский язык, фразу о том, что Рикардо занимался исследованием рынка золота (*bullion* — слиток золота) в XIX веке, перевели как «Рикардо был выдающимся исследователем рынка бульона в XIX веке».

книгу Адама Смита. Рикардо раньше ничего о Смите не слышал. Прочтение книги закончилось тем, что Рикардо стал, пожалуй, самым влиятельным экономистом до маржиналистской революции.

Рикардо довел до логического конца трудовую теорию ценности. Он даже полагал, что пропорция цен на золото и серебро зависит от затрат труда на добычу этих металлов, что явно противоречило наблюдаемым фактам: после притока серебра из Америки ценность сократилась, но это не имело никакого отношения к издержкам производства на рудниках.

Рикардо полагал, что прибавочную ценность создает не весь капитал, а только труд, что также противоречило фактам, ведь в отраслях с высокой долей капитала прибыль не меньше. Значит, капитал также вносит свой вклад в ценность (эту проблему так и не смог решить рикардианец Маркс).

Ратуя за отмену хлебных законов, он разрабатывал свою теорию ренты для борьбы с ними. Так, Рикардо доказывал, что владелец наиболее плодородного участка получает свой доход в виде ренты за счет разницы между рыночной ценой продукта земли и издержками конкретного землевладельца. Эта теория позволила развернуть атаку на землевладельцев, которые получали высокую ренту за счет ограничения импорта хлеба. Однако в дальнейшем левые рикардианцы и Генри Джордж сделали иные выводы из теории Рикардо.

Технический прогресс, полагали они, приводит к тому, что вся выгода в виде ренты достается буржуазии, поскольку чем ниже заработная плата, тем больше рента, и наоборот (это одно из положений Рикардо). Чтобы рента доставалась всем, левые рикардианцы предлагали обобществить землю.

Заслуга Рикардо состоит в том, что он сформулировал теорию сравнительных преимуществ, показав, что даже если страна делает все хуже, чем ее торговый партнер, ей все равно имеет смысл заниматься внешней торговлей, так как тогда она будет все же экономить ресурсы (в таблице числа символизируют затраты труда).

	Вино	Сукно
Англия	80	60
Португалия	90	120

Если каждая страна все производит сама, то издержки составят 140 (для Англии) и 210 (для Португалии). Как видим, Португалия производит и вино, и сукно с большими издержками, чем Англия. Тем не менее, если они будут торговать, затраты Англии составят 120, а Португалии 180. Каждая страна выигрывает: Англия +40 и Португалия +30. Таким образом, принцип сравнительных преимуществ показывает, что и слабой стране выгодна внешняя торговля.

Позже Мизес расширил теорему Рикардо до «закона образования связей», когда речь идет не о торговле между странами, а о взаимодействии между всеми людьми.

МАЛЬТУС И ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Мальтус был священником и отцом семерых детей — когда он писал о проблемах народонаселения, видимо, хорошо понимал суть.

Численность населения растет в геометрической прогрессии, а количество продукта — только в арифметической. Мальтус полагал, что открыл закон динамики численности населения. Если ничто не мешает этому процессу, это должно привести к тому, что будет не хватать средств для существования большего количества людей.

⁹/₁₀ человечества, полагал Мальтус, обречены жить в нищете, поэтому не стоит и пытаться улучшить жизнь бедняков (неспроста Т. Карлейл считал экономiku мрачной наукой). Кроме того, Мальтус предвосхитил теорию эффективного спроса Кейнса. Чтобы обеспечить полную занятость,

землевладельцы должны тратить свои доходы на предметы роскоши, тогда они защищают экономику от кризисов перепроизводства (иначе спроса не будет хватать для реализации всей произведенной продукции).

Нейнс повторил эти положения почти через полтора века. И будет считаться, что Нейнс — новатор.

Однако у Мальтуса есть и заслуги: он сформулировал закон отдачи, показав, что существует такая комбинация факторов производства, которая обеспечивает максимальное количество продукта. Дальнейшее увеличение затрат одного из факторов приведет к сокращению количества продукции на единицу затрат.

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

Милль, пожалуй, самый известный экономист своего времени. В 1848 году вышла его книга «Основания политической экономии», где он сформулировал окончательную версию трудовой теории ценности и писал следующее: «В этих вопросах окончательная истина уже добыта, и мы не будем ждать от следующих исследователей какого-либо открытия». Прошло всего несколько десятилетий, и трудовая теория была опровергнута представителями маржиналистской революции.

Милль был довольно интересным человеком, он вошел в Книгу рекордов Гиннеса как один из наиболее быстро читающих людей. В возрасте пяти-шести лет он уже писал на греческом, на латыни и проштудировал огромное количе-

ство исторических работ. Отец воспитывал его следующим образом: он давал ему книгу для чтения на пять-шесть минут, сын уходил в свою комнату, затем должен был вернуться для беседы по содержанию этой книги.

К семнадцати-восемнадцати годам он знал практически все, что могли знать самые образованные люди той эпохи. В юном возрасте он уже преподавал своим братьям.

В какой-то момент нервная система не выдержала — у него началась продолжительная депрессия. Из этой депрессии его вывели немецкие поэты Гёте и Шиллер, а также миссис Тейлор, которая была старше его. Пришлось довольно долго ждать, пока миссис Тейлор станет свободна. Дождавшись, он немедленно женился на ней и был, по его словам, бесконечно счастлив, считая, что все его книги не стоят и строчки, написанной супругой.

Все друзья удивлялись, насколько высоко он ценил интеллектуальные способности жены. Следует признать, что она оказывала серьезное влияние на его мировоззрение. Так, Милль в 1840-е годы очень скептически относился к социализму и в первом варианте своего трактата он об этом писал прямо. Об этом узнала его возлюбленная, но в 1848 году, прочитав Манифест коммунистической партии, потребовала, чтобы Милль изменил точку зрения. Любовь зла... Милль так и сделал, переписав трактат.

Дихотомия Милля

Милль был скорее талантливым систематизатором, чем оригинальным мыслителем, что же касается его вклада в экономическую теорию, то он исключительно отрицательный.

Милль разделил законы экономической теории на два типа: законы производства и законы распределения. Первые являются универсальными и близки к законам механики, а вот законы распределения — «мягкие», т. е. в итоге зависят от традиции и обычая. Законы распределения поддаются политическому вмешательству. Законы распределения никак не связаны с законами производства — это и есть дихотомия Милля.

«Законы и условия производства богатства имеют характер истин, свойственный естественным наукам. В них нет ничего, зависящего от воли, ничего такого, что можно изменить... Мнения или желания, которые могут существовать по этим различным вопросам, не властны над природой вещей. Мы не можем изменить ни первичных свойств материи, ни первичных свойств ума, но можем с большим или меньшим успехом лишь применять эти свойства для того, чтобы вызвать явления, в которых мы заинтересованы.

Иначе с распределением богатства. Распределение всецело является делом человеческого утверждения. Как только вещи появляются, люди, порознь или коллективно, могут поступать с ними как заблагорассудится. Они могут отдать их в распоряжение кого угодно и на каких угодно условиях. Распределение богатства зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают желания правящей части общества, и весьма различны в разные века в разных странах; и могли бы быть еще более разнообразными, если бы того пожелали люди»¹³⁷.

Хайек полагал, что именно из этого отделения законов производства от законов распределения идет современный социализм. Ведь если после того как продукт произведен и его распределяют как попало, то в следующем периоде он просто не будет произведен. Один из уроков экономической теории: нельзя как угодно распределять богатство. Такое распределение просто уничтожит сам объект распределения. Если 100% продукта достается тому, кто его не производил, то в следующем периоде нечего будет делить.

Таким образом, Дж. С. Милль послужил источником социализма, не случайно эта традиция шла от Адама Смита — основателя трудовой теории ценности. Как видим, английская классическая политическая экономия внесла скорее отрица-

¹³⁷ Милль Дж. Основания политической экономии. М.: Эксмо, 2007. С. 269.

тельный вклад в экономическую теорию и может быть отнесена к аллокационной парадигме. Именно от нее пошли трудовая теория ценности и теория эксплуатации Маркса.

РИТОРИКА СВОБОДЫ

Необходимо отдать должное риторике А. Смита, которая оказала благотворное влияние на принятие промышленной революции и ее последствия:

«Человек, пристрастный к системам, полагает, что раз- личными частями общественного организма можно распо- лагать так же свободно, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого движается по своим собственным ес- тественным законам, отличным от движения, сообщаемого ей законодателем»¹³⁸.

«Он (отдельный человек) имеет в виду лишь собствен- ный интерес, он преследует только свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он *невидимой рукой* направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения»¹³⁹.

Риторика Смита имела и продолжает иметь благотворное влияние, однако за корректной экономической теорией нуж- но обращаться к другим авторам.

В этом один из уроков на будущее: риторика реформ может быть очень либеральной, но когда дело доходит до практики, часто выясняется, что теория, необходимая для перемен, отсутствовала или была ошибочной. Со време- нем такие ошибки дают о себе знать.

¹³⁸ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 230.

¹³⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443.

ГЛАВА 8

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Континентальная традиция — это прямая противоположность английской политической экономии. Французская либеральная традиция основывалась на субъективной теории ценности, на особой роли предпринимателя в рыночном процессе и на принципах *Laissez Faire* в экономической политике.

Можно довольно четко определить границы французской либеральной традиции в экономической теории.

Французская традиция отсчитывается от 1803 года, когда вышел в свет трактат Жана-Батиста Сэя, ставший символом французской либеральной традиции, и завершилась эта традиция в 1912 году, когда не стало последнего его представителя — Густава де Молинали, самая известная работа которого «Производство безопасности», написанная в 1849 году, предвосхитила идеи анархо-капитализма Мюррея Ротбарда.

Однако у этой традиции были предшественники, существенно на нее повлиявшие: Ричард Кантильон, аббат Кондильяк и Жак Тюрго. Это все предшественники Сэя, а самым известным и талантливым последователем был, несомненно, Фредерик Бастиа.

Специфика французской либеральной традиции¹⁴⁰ в том, что ее представители — Сэй, Бастиа, Молинари — вращались вокруг одного учебного заведения, Коллеж де Франс. В нем учились бесплатно, там не выдавали дипломов. Сама идеология этого заведения состояла в том, что в нем ученые, как в Греции, творят бессмертные идеи и воплощают их в жизнь ради них самих, а не ради государственных дипломов. Плоды Коллеж де Франс — десять нобелевских лауреатов, один из них, философ Анри Бергсон, — лауреат Нобелевской премии по литературе.

Традиция возникла вокруг «Журнала экономистов», который выпускался с 1840-х годов. В редакцию входили Бастиа и Молинари. Этот журнал был органом распространения идей либерализма во Франции.

К сожалению, традицию уничтожила Первая мировая война. После нее традиция либеральной экономики во Франции прервалась, и, хотя можно найти талантливых либеральных экономистов во Франции и после Первой мировой войны, в целом Франция стала центром левых идей, особенно в философии.

КАНТИЛЬОН

Считается, что «Богатство народов» А. Смита стало первым трактатом по экономической теории. Это не так: до Смита было много талантливых и интересных экономистов, которые написали труды по экономической теории. В частности, трактат Кантильона «О природе и торговле» был выпущен в свет в 1755 году, а написан в 1720–1730 годы, то есть за несколько десятилетий до Адама Смита.

Как уже говорилось, держателем рукописи был Мирабо, фанатичный поклонник Кенэ. На Кантильона ссылаются Кенэ, Смит, но фактически они выбрасывают все: из теории Смита исчезают роль предпринимателя и субъективная теория ценностей.

¹⁴⁰ «Французская либеральная традиция» — собирательный термин, так как в ней есть экономисты, которые по происхождению не были французами, а были, в том числе, бельгийцами, как Г. Молинари, или ирландцами, как Кантильон. Речь идет не о месте рождения, а о сообществе единомышленников.

Про Кантильона забыли, на протяжении XIX века о нем почти никто не знал. Его заново открыл только Уильям Стэнли Джевонс, один из трех революционеров маргиналистской эпохи. Вот что писал Джевонс в 1881 году об этой работе Кантильона: «“Опыты” не просто очерк и даже не сборник разрозненных эссе... это систематический и логически последовательный научный труд, который охватывает практически все вопросы экономической теории... Этот первый трактат по экономической теории превосходит любую из известных мне книг».

Джевонс был очень вдумчивым читателем. Он открыл для мира Генриха Госсена, которого на тот момент времени забыли, а также Ричарда Кантильона, работы которого тоже были малоизвестны.

Йозеф Шумпетер соглашался с Джевонсом: «Кантильон заслуживает пальмы первенства... Его “Опыты” можно рассматривать как первое систематическое проникновение в область экономики. В нем отчетливо ощущается дух науки. Отдельные вопросы представлены здесь в свете обобщенных пояснительных принципов и становятся частью смело задуманного всестороннего анализа».

Для Кантильона характерна дедуктивная логика и мысленные эксперименты, которые он применял при анализе всех экономико-теоретических проблем, включая деньги, банки, кредит и экономические циклы (!).

Хайек, который внес вклад в перевод этой книги на немецкий, в 1931 году написал следующее: «Кантильон был первым человеком, которому удалось проникнуть в суть и охватить почти все поле науки, которое мы теперь называем экономической теорией».

Заслугой Кантильона является теория предпринимательства, которая исчезла на века до трудов Шумпетера, и эффект Кантильона, который демонстрирует роль денег в ценообразовании. Игнорирование эффекта Кантильона означает непонимание того, как сегодня работают денежная и банковская системы.

Ричард Кантильон с полным правом может быть назван родоначальником экономической теории.

У Кантильона предприниматель — это тот, кто покупает по известной цене, а продает по неизвестной. Следо-

вательно, основная функция предпринимателя — это работа с неопределенностью будущего, которая отсутствует в теории Смита.

Эффект Кантильона означает, что цены не растут одновременно на все товары. Существует разница для первых держателей денег и последних. Первые держатели, которые получают их от центрального банка (или в период товарных денег из месторождений), обретают покупательную силу, но цены еще не успевают отреагировать на рост количества денег. Последние держатели денег получают лишь рост цен, сокращающий их платежеспособный спрос. Так происходит перераспределение, о котором говорил в середине XVIII века Кантильон.

Эмиссия денег распределяет богатство от тех, кто далеко от эмитента, к тем, кто близко. Поэтому, когда центральный банк увеличивает денежную массу, от этого страдают те, кто никакого отношения не имеет к эмиссии, а выигрывают те, кто первыми получает деньги.

Традиция, которая пошла от Кантильона и дальше через Тюрго, Сэя, Бастиа, Молинари и продолжена австрийской школой, — это традиция рассмотрения денег не просто как «вуали обмена», а того, как изменение денежной массы влияет на структуру цен и структуру доходов. Это рассмотрение инфляции не как одномоментного роста уровня цен, а как процесса.

Когда политики или экономисты говорят о том, что нужно стимулировать рост благосостояния увеличением денежной массы, это означает лишь то, что одни люди хотят за счет других увеличить свой доход. Очевидно, что сами граждане не заинтересованы в таком перераспределении.

Жизнь Кантильона

Считается вслед за статьей Джевонса 1881 года, что корни Р. Кантильона уходят в Испанию.

Кантильон родился в Ирландии в небольшом городке Беллихейг, большую часть жизни прожил во Франции, занимаясь финансовыми операциями и участвуя в афере Джона Ло — он был одним из ключевых ее участников.

Кантильон сколотил огромное состояние. Он давал своим клиентам кредиты под акции Миссисипской компании

(поскольку акции компании постоянно росли, это была выгодная сделка для заемщиков).

На момент пика акций Миссисипской компании Кантильон продал залог, который хранился в его банке, выручив большую сумму. Позже, когда произошел крах компании, который он же и предсказывал, Кантильон снова купил эти акции, но уже за значительно меньшую сумму, и заполнил залог этими акциями. Таким образом он заработал очень много денег на манипуляциях с залогами своих клиентов, и более того: после полученного большого выигрыша за счет этой сделки он через суд требовал возвращения всех кредитов, которые взяли его заемщики.

Как следствие Кантильон нажил много врагов, его затащили по судам, дважды он находился под арестом и вынужден был бежать в Англию, что, впрочем, не доставило ему неудобств, поскольку у него имелась недвижимость по всей Европе, и одно из имений в Лондоне.

ЛО

Джон Лоо был компаньоном и другом Кантильона. Ло приехал во Францию из Шотландии, точнее, бежал оттуда. Одной причиной послужила дуэль, где он убил человека, а вторая причина заключалась в том, что Ло искал того правителя, который согласился бы на его идею создания Банка. Однако перед ним стояла серьезная проблема: все правители Европы, и особенно Англии, отвергали ее как абсолютно утопическую, но регент Филипп Орлеанский, услышав о проекте Ло,

решил предоставить ему все необходимое для этого. Ведь казна была пуста. Это привело к появлению первых фиатных денег, которые просуществовали во Франции четыре года (в 1720 году, когда произошел крах этой системы, слово «банк» французы перестали использовать на многие годы. Крупнейшие французские банки, как правило, не содержат в своем названии само слово «банк»).

...Итак, Ло потребовал Кантильона покинуть Париж. На что Кантильон ответил: «Успокойтесь, я не буду врагом вашей системы, я сделаю ее успешной».

Хотя Кантильон был противником самой системы и в своей книге «Эссе о природе торговли» он прямо заявил о том, что у этой практики нет будущего и она приведет к коллапсу, но он писал это произведение исключительно для себя и для друзей, в практической же жизни ориентировался на прибыль, которую мог заработать на афере Ло.

Кантильон был очень образованным и богатым человеком. Он проводил часы в своей библиотеке, читая Тита Ливия и других историков. Он любил путешествовать по Европе, вместе с секретарем останавливался и пробовал землю (буквально на вкус), изучал географию, т. е. был человеком достаточно любознательным. При этом крайне циничным, потому что ему ничто не помешало сотрудничать с Дж. Ло, который, очевидно, был мошенником. Надо признать — Ло был человеком системы, — он верил в то, что создает нечто бессмертное, в чем откровенно сомневался Кантильон.

Кантильон сделал ставку на банкротство Миссисипской компании и, заработав на этом много денег, покинул Париж. Ло, искренне веривший в свою финансовую пирамиду, остался в Париже до момента разорения его банка.

Ло утверждал, что, если деньги просто напечатать, они станут новой кровью для экономики; она разольется по ведам, покупательная сила разойдется по отраслям экономики; она будет стимулировать торговлю, промышленность, финансы, казна наполнится деньгами, а экономика будет расти.

Аферу Джона Ло описывали в художественных произведениях Пушкин и Гёте. У Гёте в трагедии «Фауст» есть сцена с аферой Ло, а у Пушкина в историческом романе «Арап Петра Великого» выведен образ Франции эпохи Ло, подхватившей финансовую горячку.

Если печатать деньги, то они пойдут на различного рода рынки, и в том числе они могут прийти в компанию, которая была специально создана Дж. Ло.

Это была Миссисипская компания, которая выпускала акции; первоначально они стоили 500 ливров, а в момент пика на биржевом рынке цена достигала 20 тысяч, стоимость взлетела моментально. Все как сумасшедшие продавали кареты, имения и даже столовое серебро для того, чтобы купить акции Миссисипской компании.

Дамы, находясь в кабинете у Дж. Ло, не отпускали его, и, когда ему нужно было отлучиться по нужде, они отправляли его за ширму, чтобы быть наверняка уверенными, что с ним все в порядке. Люди выстраивались перед дворцом, и абсолютно стихийно там возник биржевой рынок. Один горбун заработал приличную сумму денег, подставляя свою спину для подписей; а один хозяин амбара сколотил состояние, потому что предоставлял этот никому не нужный сарай в качестве брокерской конторы, где заключались сделки с акциями. Вся Франция будто сошла с ума. Его приглашали самые знатные семьи, он был вхож в кабинет регента Филиппа Орлеанского, вся Франция была влюблена в Джона Ло.

Когда система рухнула, он был вынужден бежать из Парижа, потому что нашлось слишком много желающих убить его за проделанную аферу. На то было много причин: тотальное разорение, несколько людей даже погибли в банке, пытаясь обменять свои бумажные деньги на золото и выручить хоть что-то за акции компании, но ничего, естественно, выручить не удалось.

В 1719–1720 годах курс акций Миссисипской компании возрастал с 500 ливров до 10 тыс., а на биржевом доходило даже до 20 тыс. ливров. Потом произошел — хоть и не моментальный — крах. В 1721 году почти окончательно были остановлены операции с этой компанией, банк разорился, люди потеряли огромное количество денег.

Джон Ло умер в Венеции, где с ним пытался встретиться Петр I, чтобы опробовать его схему заново в России, но с учетом ошибок, допущенных во Франции.

Пока Ло наблюдал крах своей системы и потерю капитала, его друг и компаньон Кантильон подсчитывал прибыли, находясь в своем имении в Лондоне.

Известно, что в 1734 году в Лондоне, рядом с районом Новент-Гарден, произошел пожар, в результате которого было обнаружено тело. Основная версия — предумышленный поджог, который совершил его личный повар, похитив имущество Кантильона.

Такова официальная версия, но интересный факт состоит в том, что за день до этого убийства Кантильон избавился от всех активов, и более того, позднее историки выяснили, что некий господин инкогнито покинул Лондон и отправился путешествовать далеко за океан, в Суринам, и там был обнаружен конспект книги «Эссе о природе торговли». Один из людей, присутствовавших на корабле, прибывшем в Парамарибо, говорил о том, что какой-то странный англичанин приехал в эти места, но после прибытия сразу исчез.

Существует версия, отстаиваемая биографом Р. Кантильона А. Мерфи, который утверждает, что Кантильон инсценировал свое убийство. Некоторые факты действительно говорят об этом: очень странным является факт избавления от всех активов (за день до убийства) и еще более странным факт поддержки выпуска книги «Эссе о природе торговли» через 20 лет после убийства. Книга вышла в 1755 году, и издатель писал, что он выпускает эту книгу без фамилии автора, чтобы обезопасить последнего. Вот такая загадочная история произошла с не менее загадочным персонажем, у нас нет даже его портрета, однако есть его книга.

«Эссе о природе торговли»

Трактат «Эссе о природе торговли» кардинально отличается от всего, что было в экономической мысли в то время. Особенно от английской политической экономии, которая шла от трудовой теории ценности к объяснению взаимодействия между классами.

Методология Кантильона имеет очень современный вид.

Он рассматривает экономику как результат деятельности индивидов начиная с микроуровня, т. е. с действия отдельного субъекта. Его метод анализа отличается, например, от метода У. Петти, который апеллировал к сбору статистических данных и понимал экономику как эмпирическую науку, следовательно, она должна проверять свои гипотезы с помощью «политической арифметики».

Кантильон был сторонником дедуктивного метода, т. е. мысленного эксперимента. Например, с самого начала он пользовался этим методом, чтобы объяснить возможности для обмена: если у людей одинаковое количество земли и одинаковые способности, то, соответственно, сотрудничество между людьми совершенно невозможно, потому что невозможно выиграть от сотрудничества с другим человеком, который обладает тем же самым, чем и вы.

Из данного умозаключения следует, что для возникновения соперничества между людьми прежде должно возникнуть неравенство обладания трудом и капиталом. Так дедуктивным путем Кантильон строил свою систему. Причем в основе как индивидуальной деятельности, так и ценообразования у него лежит субъективная ценность. Это можно увидеть по тому, как Кантильон описывает процесс ценообразования:

«Несколько парижским метрдотелям было с утра поручено купить зеленый горошек. Один хозяин велел купить десять кварт за 60 ливров, второй десять кварт за 30 ливров, третий десять за 40 ливров, а четвертый 10 кварт за 50 ливров. После выполнения этих поручений должно получиться 40 кварт зеленого горошка. Предположим, их на рынке всего 20. Продавцы, увидев, что покупателей много, будут держать свои цены, а покупатели поднимут оплату до цен, которые у них запрашивают, таким образом тот, кто предложить 60 ливров за 10 кварт, будет обслужен первым. Продавцы, увидев затем, что никто не поднимает цену выше 50 ливров, отдадут оставшиеся десять кварт по этой цене. Те, кому было велено не платить больше 40 ливров, уйдут ни с чем. Если же вместо 40 кварт на рынке имеется 400, тогда метрдотели купят горошек гораздо дешевле тех цен, которые для них были установлены хозяевами, но продавцы ради того, чтобы их предпочли другим, снизят цены на свой горошек почти до уровня его внутренней ценности. В этом случае все метрдотели купят немного горошка без специальных указаний»¹⁴¹.

Это похоже на то, что в 1871 году в книге «Основание политической экономии» К. Менгер описал как процесс ценообразования.

Система Кантильона

Кантильон предвосхитил идею Бём-Баверка о «предельных парах». Это та пара покупателей и продавцов, которые,

¹⁴¹ Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en generale. Paris.: 1931 P. 119–120.

имея свои субъективные представления о предельной цене, определяют диапазон торга и рыночную цену. Соответственно, чем больше покупателей и чем больше они готовы заплатить, тем выше будет рыночная цена.

Если покупатель готов заплатить максимум 50 у. е. за 10 кварт горошка, а продавец минимум готов продать за 40, то цена останется в этом диапазоне. Все процессы на рынке характеризуются сопоставлением предельных полезностей, этот принцип лежит в основе рыночного процесса.

Когда К. Менгер начал свой труд «Основания политической экономии», ему было тридцать лет, он писал этот труд для того, чтобы занять должность доцента в Венском университете. Менгер начал изучать теорию цен, а до этого он был финансовым журналистом. Когда он ознакомился с теорией цен, существовавшей на тот момент времени, и сравнил с тем, что видит на бирже, то пришел в ужас: он понял, что с помощью издержек труда невозможно объяснять реальные процессы колебания цены на рынке.

Он отбросил этот абсолютно бесполезный инструмент, стал искать новый — и пришел к выводу, что процесс основан не на издержках, а на субъективной полезности.

Еще один важный элемент доктрины Кантильона, который отличает его от современного мейнстрима, — это четкая номенклатура понятий. Он начал с абстрактных понятий и выстроил их в определенной иерархии. Это характерно для французской традиции, а далее — для австрийской традиции Мизеса.

Теория Кантильона выглядела примерно как дерево. Есть ствол, ветви и листочки. Это означает, что существуют некие базовые понятия, нанизывая на которые остальные, мы получаем целостностную систему. Конструктор «Лего», который пытался собрать, но не смог Аристотель, смог собрать Кантильон.

В своем трактате Р. Кантильон так определил богатство: «Земля — источник или материал, из которого создается всякое богатство; труд человека — способ, как это делается... Само богатство — не что иное, как поддержка жизни, ее удобств и приятностей».

Далее Кантильон показал, что два первичных элемента, земля и труд, комбинируются предпринимателем, который имеет дело с будущими неопределенными ценами.

Первая часть книги посвящена производству, потреблению и распределению, там рассматриваются понятия: богатство, собственность, труд и земля, работа предпринимателя, деньги, процент, обмен, рыночная цена, оборот денег, влияние денег на цены. Первая часть книги и есть каталлактическая парадигма.

Вторая часть объясняет влияние денег на цены: когда увеличивается количество денег — увеличиваются цены, сначала растут цены на одно, затем на другое, деньги передаются — и так происходит изменение конкретных цен, а не общего уровня. Общего уровня цен вообще не существует. Он существует только как конечное равновесие, но оно никогда не достигается.

Кантильон не удовлетворялся количественной теорией денег и ставил своей задачей исследование изменения структуры цен под влиянием эмиссии: «Он [Дж. Локк] хорошо понимал, что изобилие денег сделает все вещи дороже, но он не анализировал, каким образом это происходит. Огромная трудность такого исследования состоит в раскрытии того, каким способом и в каких пропорциях увеличение количества денег увеличивает цены».

Кантильон приводил аналогию с рекой. Если объем воды в ней вырастет в два раза, это не будет означать одновременного увеличения уровня воды вдвое, потому что многое зависит от того, как выглядит русло самой реки. И деньги могут течь по-разному в зависимости от русла. В одном случае — так, в другом случае — по-иному.

Таким образом, Кантильон в своем трактате изложил основные принципы современной экономической теории.

КОНДИЛЬЯК

Этьен Бонно де Кондильяк известен в основном как философ, причем во Франции он является одним из обязательных к изучению в курсе по философии. Он был представителем философии сенсуализма и последователем Дж. Локка. Кондильяк жил и работал в Париже, был братом Мабли и кузеном д'Аламбера, также он воспитывал внука Людовика XIV.

Кондильяк был автором трактата по экономике «Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимном отношении», увидевшего свет в 1776 году. А вот несколько важных тезисов о ценности вещей из книги «О выгодах свободной торговли»:

«Вещь считается полезной тогда, когда служит каким-либо нашим нуждам; а бесполезной тогда, когда мы не можем ни на что ее употребить. Следовательно, на чувствуемой в ней нужде основывается ее польза, по которой имеем к вещи более или менее уважения, т.е. судим, что она более или менее способна к тому, как хотим ее употребить»¹⁴².

То есть ценность вещи определяется нашими потребностями, а не издержками, как полагал А. Смит. Второй тезис чем-то напоминает закон предельной полезности:

«Итак, ценность вещей основывается на их пользе или, что все то же, на употреблении, которое из них можно сделать. В изобилии нужды мало ощутительны, потому что не боимся недостатка; при недовольстве же и неимуществе, по противоположной причине, чувствуем их более. И, поскольку ценность вещей зависит от нужды, то нужда чувствуется сильнее. Ценность вещей увеличивает, а чувствуемая слабее оную уменьшает; следовательно, *ценность вещей при редкости их возвышается, а при изобилии спадает* и может дойти до ничтожности. Например: избыток, не годящийся ни на малейшее употребление, будет без всякой ценности».

Кондильяк пишет, что вода, как и алмазы, обладает ценностью, но ценность зависит не только от полезности, но и от редкости. Соответственно, если у нас блага очень много, то дополнительные единицы будут иметь меньшую

¹⁴² Кондильяк Э. Торговля и правительство, рассмотренные в их взаимном отношении. СПб.: Морская типография, 1817.

ценность. Сюда же можно отнести и следующий тезис о редкости и ценности:

«При одинаковой пользе большая или меньшая ценность зависела бы единственно от степени редкости или изобилия, ежели бы сия степень могла быть всегда с точностью знаема. При невозможности же привести оную в известность состояние ценности необходимо повинуется мнению об оной степени имеемому».

Парадокс ценности воды и алмазов Кондильяк решает так:

«Есть вещи столь обыкновенные (хотя, впрочем, весьма необходимые), что кажутся не имеющими никакой ценности, такова, например, вода: ее везде довольно, и потому говорят, будто ничего не стоит ею пользоваться; и ценность, которую она может приобрести от доставки, принадлежит не ей, а издержкам на провоз. Весьма странно, кажется, платишь издержки за доставление такой вещи, которая ничего не стоит! Даже и на берегу реки вода имеет ценность, которая зависит от удаленности и затруднения в получении. В таком случае странник, томимый жаждой, даст сто луидоров за стакан воды, и этот стакан воды действительно будет стоить сто луидоров, потому что ценность заключается более во мнении относительно к нашим нуждам, нежели в самой вещи, и изменяется по мере увеличения и уменьшения надобности».

Ценность труда определяется тем, что труд дает. Опять же не сам труд ценен, а он имеет ценность как средство для получения благ: «Что есть труд? — он есть действие, производимое с намерением получить выгоду».

Нет выгоды — нет ценности труда:

«Итак, ценность, какого бы рода ни была, природная или установленная, зависит более от суждения, имеемого о пользе вещей. Не должно говорить вместе с некоторыми писателями, будто она существует в отношении мены между такою-то вещью и такою. Это бы значило предполагать с ними мену прежде ценности, что разрушило бы порядок идей; и действительно, я не поменяюсь с вами, если не буду почитать получаемую вещь ценной; и вы также не согласитесь на промен, когда не предположите, что уступаемое мною имеет также достоинство».

Кроме того, Кондильяк, что не характерно для его времени, четко определяет метод экономической теории:

«Вот известные принципы — как бы они темны еще ни были, по крайней мере, я уже ясно вижу, в каком порядке представляются; а сей порядок, долженствуемый быть открытым при начале, показывает мне ценность вещей

первой идеей, которая требует определения и изъяснения. Следуя далее, с каждым шагом я явственнее вижу мой предмет, ибо от одной главы до другой беспрестанно определяю несколько неизвестных, а одно разысканное предложение ведет к разрешению другого. Может быть, я дурно исполнил свое предназначение, но невзирая на то, утверждаю, что хорошо рассуждать об экономическом искусстве можно только по мере употребления моего способа изъясняться, или исправить его по моей методе, которая единственна».

Второй том Кондильяк полностью посвятил вопросам внешнеторговой политики, где показал, что препятствиями торговле являются: войны, тарифы, налоги, таможи, инфляция и прочие виды интервенционизма. Именно они и разрушают благосостояние.

ТЮРГО

Следующий важный представитель французской либеральной школы — Жак Тюрго, который прежде всего известен своей политической деятельностью, во Франции его почитают как одного из величайших администраторов.

Это был не только теоретик и очень образованный человек для своего времени, он входил в кружок физиократов, но серьезно от них отличался, потому что физиократы, благодаря Ф. Кенэ, традицию, идущую от Кантильона и Кондильяка, практически игнорировали (у Кондильяка все идет от субъективных ценностей, а в таблице Кенэ все развивается подобно системе кровообращения).

Когда вы что-то сравниваете с системой кровообращения, вы пользуетесь методом аналогий, а не атомистическим

(композитивным) методом построения: от самого простого человеческого действия до целого социума. Тюрго в этом смысле был намного более интеллектуально развит.

Он родился в знатной, но не очень богатой норманнской семье. Готовился к сану священника и был одно время священником, но решил посвятить себя другим делам, в частности экономической науке. Очевидно, что в этот период времени он находился под влиянием основателя физиократии Венсена де Гурнэ, которому Тюрго посвятил похвальное слово.

В двадцатидвухлетнем возрасте Тюрго написал работу, посвященную жесткой критике системы Дж. Ло. В 1752 году он начал заниматься административной деятельностью в провинции Лимузен. Он пытался провести свои реформы, но безуспешно, потому что любое изменение требовало согласования с Парижем.

Система, которая в свое время была построена Кольбером, подразумевала жесткую регламентацию, ограничение импорта и регулирование основного рынка французской экономики — в то время это был рынок зерна. Примерно 90% всех сделок, совершаемых в Париже, были связаны с рынком зерна. В итоге, отчаявшись реформировать свой регион, Тюрго начал двигаться вверх по административной лестнице, стал министром финансов — и отменил регулирование рынка зерна.

Логика у Тюрго была следующая: если мы хотим поддерживать сельское хозяйство, то мы не можем назначать цену ниже, чем издержки, которые связаны с развитием сельского хозяйства, т. е. мы должны либерализовать цены, отпустить их. Если это сделать, то неизбежно временное увеличение цен на зерно, но как только начнут расти цены, появятся предприниматели, которые будут стремиться предложить большее количество зерна. Соответственно, временное увеличение цен окажется компенсировано дальнейшим ростом предложения зерна и развитием сельского хозяйства во Франции.

Тюрго подвергли травле. Его обвиняли в том, что он марионетка физиократов, которые собираются у мадам де Помпадур, у фаворитки французского короля, и размышляют о каких-то нелепых вещах. Единственное, в чем его не обвиняли, так это во взяточничестве, потому что никто бы в это не поверил.

Одно время даже король Франции говорил о том, что во Франции есть всего два человека, которые любят народ, — он и Тюрго. Но после либерализации рынка зерна король сказал: «Нет, пожалуй, только я люблю народ».

Тюрго отличался от многих реформаторов своими глубокими знаниями экономической традиции, идущей от Кондильяка и Кантильона.

Главное произведение Тюрго, которое он назвал «Рассуждения о создании и распределении богатства», было написано в 1769 году, за восемь лет до выхода книги «Исследование о природе и причинах богатства народов». В этой книге Тюрго двинулся в направлении абсолютно обратном направлению А. Смита: у него отсутствует трудовая теория ценности.

Тюрго был непреклонным политиком. Он хотел изменить Францию и был убежден, что страна может стать богатой только в условиях конкуренции, только при снятии административных ограничений. Тюрго сформулировал механизм выравнивания нормы прибыли в различных отраслях и сделал это за десятилетие до выхода в свет «Богатства народов». Его книга «Рассуждения о создании распределения богатства» содержит следующее:

«Различное употребление капиталов приносит, таким образом, весьма неравные по количеству продукты (одна отрасль прибыльная, другая менее прибыльная, третья — убыточная), но это неравенство не мешает им оказывать взаимное влияние друг на друга, так что между ними устанавливается своего рода равновесие, как между двумя жидкостями неравного веса в двух сообщающихся сосудах, соединенных внизу трубкой. Жидкости не были бы на одном уровне, если бы уровень одной из них мог бы повыситься, не вызывая повышения уровня в другом сосуда»¹⁴³.

Сэй

Жан-Батист Сэй, еще один представитель французской либеральной традиции, был, пожалуй, самым известным теоретиком XIX века этого направления. В 1803 году он выпустил труд «Основание политической экономии», издававшийся множество раз.

¹⁴³ Тюрго Ж. Размышления о создании и распределении богатства // Физиократы: избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 626.

В Париже его лекции собирали многотысячные аудитории. Считается, что он был великолепным оратором и огромное влияние оказал на французскую мысль. В «Евгении Онегине» Пушкина есть слова, касающиеся Ж.-Б. Сэя:

*Хоть, может быть, иная дама
Трактует Сэя и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор.*

Наполеон предлагал Сэю стать придворным экономистом, но тот отказался, и ему пришлось покинуть Париж. Пока Наполеон был у власти, Сэй занимался коммерческой деятельностью, его книги не издавались. После поражения Наполеона он вернулся во Францию, где популярность его книг и идей стала еще больше.

Хотя Сэй считал себя ортодоксальным смитцианцем, он был явно глубже и последовательнее Смита.

«По Сэю, производство создает материю, а не полезность, полезность же сообщает предметам ценность»¹⁴⁴.

Сэй использовал дедуктивный метод, который в дальнейшем стал основой прагматологии Мизеса. Сэй признавал, что все три фактора производства вносят свой вклад в ценность. Особую роль он уделял роли предпринимателя, который отвечает за эффективное использование трех факторов производства: труда, земли и капитала. Капитализм, полагал Сэй, — это система экономической гармонии. Поэтому, видимо, Маркс называл его «пошляком».

Вот что гласит знаменитый закон рынков Сэя:

«Стоит заметить, что продукт, с того момента, когда его произвели, создает рынок для других продуктов, в полном объеме собственной ценности. Когда производитель завершил производство, он желает немедленно продать продукт, чтобы его ценность не уменьшалась в его руках. Не меньше он беспокоится об использовании денег, которые можно получить за товар. Для денег также свойственно падение ценности со временем. Но единственный способ избавиться от денег — это покупка продукта или услуги. Таким образом, создание одного продукта немедленно открывает возможности для продажи других продуктов»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Левита Р.Я. История экономической мысли. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 23.

¹⁴⁵ Say J. A treatise on political economy; or the production distribution and consumption of wealth. Ontario: Batoche Books Kitchener, 2001. P. 134–135.

Если действует закон рынков Сэя, то рыночная саморегулируемая экономика порождает экономическую гармонию, и регулирование со стороны государства не нужно. Если же Сэй был не прав и его закон не действует, тогда неизбежно такое явление, как кризисы перепроизводства, и здесь возникает возможность для государственного вмешательства.

Закон Сэя гласит, что совокупное предложение само для себя создает совокупный спрос, производство создает свой собственный спрос, предложение порождает спрос.

А если предложение всегда порождает спрос, тогда невозможна такая ситуация, как экономический кризис, потому что экономический кризис, или так называемый кризис перепроизводства, означает, что нечто произведено, но не может быть продано. Возможен лишь кризис структуры производства, вызванный кредитной экспансией. **Предложение само для себя создает спрос**¹⁴⁶.

О кризисе перепроизводства писали Т. Мальтус, но больше всего, конечно же, К. Маркс, а в XX веке — Дж. М. Кейнс.

Если в период кризиса вы будете давать ценам падать, то дадите рынкам подстроиться под новые условия. Чем быстрее начнут падать цены, тем быстрее начнется восстановление, тем быстрее факторы производства перебегут из одних цепочек в другие.

БАСТИА

Бастиа достоин первенства в истории экономической мысли как самый великий экономист за его работу **«Что видно и чего не видно»**. Это до сих пор единственная работа, революционно меняющая наш взгляд на работу рынка и действия государства.

Бастиа показывал, что обращать внимание нужно не только на прямые последствия для одной группы, но и на все последствия для всех групп общества. Так, разбитое стекло

¹⁴⁶ Предположим, строится новый район в городе. Он не только увеличивает количество магазинов, кафе и школ, но и создает соответствующие рабочие места. Производитель выплачивает заработную плату, эту заработную плату тратят на его продукцию. Система находится в равновесии.

увеличивает доходы стекольщика, но сокращает доходы портного (который мог бы продать свой товар) — это то, чего не видно. То же касается и государственных расходов на, скажем, развитие промышленности. Видно развитие отдельных отраслей. Но не видно то, что эти деньги через налоги берутся со всех других отраслей, снижая количество доступных товаров для всех, ради того чтобы кучка приближенных к власти людей получала свой доход.

Эту книгу Бастиа должен прочитать каждый.

Фредерик Бастиа родился 29 июня 1801 года в процветающем провинциальном городе Байонна на юго-западе Франции недалеко от границы с Испанией, на реке Адур.

Провинциал Бастиа занимался организацией своего поместья, читал Кантильона и Кондильяка, Сэя и А. Н. Шторха¹⁴⁷ и в итоге решил посвятить себя экономической науке.

Бастиа переехал в Париж, где активно начал заниматься публицистической деятельностью. Позже он узнал о существовании объединения «Лига за свободную торговлю» — за отмену хлебных законов.

Нобден и Брайт боролись в Англии с системой, запрещающей импорт хлеба из Франции. Именно благодаря усилиям Бастиа эта Лига стала известной во всем мире. Более того, очень много подобных движений стало распространяться по Европе, возникла «Лига за свободную торговлю» в Италии, которая привлекла позже Феррара и Парето, такая же лига была создана в Германии и еще одна в Швеции Грипеншtedтом, министром финансов Швеции, который на основе трудов Бастиа проводил политику свободной торговли, либерализации экономики, снижая торговые барьеры.

Именно тогда Швеция стала одной из крупнейших промышленно развитых стран. Реформы, которые сделали Швецию богатой, — это вовсе не «шведский социализм», это результат 150 лет развития капитализма в XIX и начале XX века. Это стало возможно именно благодаря Грипеншtedту, который был большим поклонником Ф. Бастиа (они познакомились в 1849 году).

¹⁴⁷ Шторх был немецким профессором, преподававшим политическую экономию в Санкт-Петербургском университете в начале XIX века. Его книгу по цензурным соображениям в России не публиковали, зато его опубликовали в Германии. Шторх преподавал великим князьям и княгиням политическую экономию.

Многие приезжали в Париж, чтобы познакомиться с этим выдающимся экономистом, и потом разъезжались по всему миру (в частности Амас Уолер, сделавший многое, чтобы идеи Бастиа стали известны в США; там он написал книгу «Наука о богатстве», где излагал идеи Бастиа. Книга пользовалась огромной популярностью. В честь этой книги я решил назвать свою книгу так же).

Первая научная работа Ф. Бастиа была связана с протекционизмом, она вышла в свет в 1834 году, потом было опубликовано большое количество работ и, пожалуй, самая известная — «Экономические софизмы», где он критикует политику протекционизма.

В своих работах Бастиа продолжал линию субъективной традиции, идущей от Кантильона и Тюрго, писавшего: «Ценность каждой из обмениваемых вещей не имеет иного измерителя, кроме потребностей или желаний договаривающихся, которые уравнивают друг друга, и ценность их устанавливается лишь согласованием их желаний»¹⁴⁸.

Бастиа интересен еще и потому, что он смог сформулировать, если так можно выразиться, «либеральную политологию» или даже «либеральную политтехнологию», то есть рассуждения о том, как делать успешными либеральные идеи.

Бастиа написал большое предисловие к книге «Кобден и Лига», сборнику речей в защиту свободной торговли, произнесенных на митингах английской «Лиги против хлебных законов», где рассказал, как действовала эта Лига и как оказалась успешной. Вот его слова:

«Существуют страны, где человек, задумавший какую-нибудь реформу, начинает требовать от правительства сразу воспроизвести ее в жизнь. Нисколько не заботясь о том, подготовлены ли уж в его стране к такой реформе. Правительство никак не реагирует, на том дело и кончается. В Англии же человек, которого осенила полезная мысль, прежде всего обращается к тем из своих сограждан, которые готовы эту мысль поддержать. И тут проходит первая обработка идеи, из которой испаряются пустые мечтания, утопии. Если эта идея имеет определенную ценность, то она

¹⁴⁸ Тюрго Ж. Размышления о создании и распределении богатств. Физиократы. М.: Эксмо, 2007. С. 593.

завоевывает плацдарм, проникая во все социальные слои. Все это происходит постепенно и последовательно. В парламенте подсчитывают голоса, оценивают степень успеха, развивают его, проводя чистку в списках избирателей... Парламентский вердикт не есть революция, а есть лишь констатация преобладающего умонастроения. **Реформы закона следуют за реформами идей**; можно иметь уверенность, что такое народное завоевание обеспечено навсегда»¹⁴⁹.

Дело было так. Сначала Кобден и Брайт решили, что они будут бороться с этими законами — два человека во всей Англии. Против них — ведущий класс общества, против них — Церковь. Кобден и Брайт начали встречаться с предпринимателями и с другими людьми, которые заинтересованы в отмене хлебных законов, и объясняли, что их отмена будет выгодна всем.

Они начали искать деньги и людей, у которых есть потребность и заинтересованность в проведении таких реформ. Деньги они нашли — но что же дальше, ведь места парламента полностью заняты людьми, которые являются землевладельцами и противниками реформ?..

Они внедрились в парламент новых людей и через парламент начали чисто мирным путем, через дискуссии, через полемику, доказывать, что хлебные законы нужно отменить.

В 1846 году Лига завершила свое существование, потому что хлебные законы были отменены. Как ни пытались бороться с этой Лигой, ничего не получалось. Кобден и Брайт купили собственный театр, где проводили мероприятия, распространяли брошюры; делали все возможное, чтобы рабочие, предприниматели, даже землевладельцы узнали об этой Лиге. С ними, конечно, пытались бороться, но какие это были способы: их прогоняли из одного места — они находили другое...

Общества Бастиа существовали по всему миру; он умер достаточно молодым, но его идеи настолько укоренились в обществе, что XIX век можно смело назвать веком Бастиа. Даже один из политических деятелей назвал своего сына Бастиа. Это действительно своеобразная дань благодарности экономисту, лидеру французского либерального движения.

¹⁴⁹ Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2006.

МОЛИНАРИ

Густав де Молинали — первый анархо-капиталист и один из членов кружка Бастиа. Он также активно писал работы в «Журнал экономистов».

Молинали родился в Бельгии, но работал в Париже в Коллеж де Франс, где Сэй в свое время был первым заведующим кафедрой политической экономии. В 1849 году Молинали написал статью «Производство безопасности».

Большинство либералов, рассуждая о рынке и государстве, говорят о том, что если предоставить рынку возможность действовать, то он накормит всех, как говорил Бастиа: «Париж накормлен». Если же государство вмешивается в этот процесс, то оно порождает дефициты, черные рынки и низкий уровень благосостояния.

Если экономисты пришли к выводу, что рынок функционирует лучше, чем государственное администрирование, почему же экономисты делают исключение для рынка услуг безопасности? Ведь самые известные либералы говорят о том, что государство как минимум должно быть «ночным сторожем», т. е. обеспечивать нас услугами безопасности. Молинали поставил этот тезис под сомнение.

Если экономисты доказали эффективность рынка по сравнению с государственным предоставлением услуг, то экономисты должны быть последовательны: рынок также лучше предоставляет услуги безопасности — это касается и всего остального: медицины, сельского хозяйства, поскольку наличие конкуренции лучше монополии.

Кроме того, не стоит забывать, что если государству оставить монополию на насилие, то непонятно, что его будет сдерживать от экспансии.

Государство предоставляет свои услуги не бесплатно. Это может быть выгодно лишь в том случае, когда стоимость услуг государства меньше, чем выгода, которую вы получаете от безопасности. Потому что, если государство обеспечивает вас безопасностью, но при этом обдирает до нитки, возникает вопрос: действительно ли выгодно пользоваться услугами государства?

Все это означает, что выгода монопольного предоставления государством услуг безопасности не так очевидна. Рыночная безопасность, где определенные услуги за деньги предоставляют охранные агентства, выгодна потому, что их много, они конкурируют между собой, и очевидно, что стоимость их работы в условиях соперничества будет ниже.

Если предположить, что государства будут заменены на охранные агентства, это окажется дешевле для нас, чем услуги государства. Такова логика Молинари.

ПАРЕТО

Вильфредо Парето также был одним из активных членов кружка Бастиа: через Ф. Феррара он познакомился с идеями французского либерализма, и хотя не был отнесен к французской школе, тем не менее в ранний период жизни поддерживал идеи классического либерализма — называл таможенные пошлины грабежом и ратовал за свободную торговлю.

Парето получил инженерное образование и писал диссертацию по теме «Исследование динамики твердых тел». Позже он решил, что этот метод исследования может быть перенесен на науки о человеческой деятельности. В самом деле, твердые тела и поведение людей — это почти одно и то же. Парето был представителем лозаннской школы и теории общего равновесия.

Кроме того, Парето, конечно же, известен как теоретик элитизма. Причем он все более склонялся к пессимистиче-

скому прогнозу; он полагал, что в будущем нас неизбежно ждет плутodemократия: когда бизнес сращен с государством, из этого плутodemократического синтеза будет решаться одна из двух проблем XX века: социализм или национализм.

То, что ждет человечество в XX веке, — это борьба социализма с национализмом. Это понимал не только Парето; было множество экономистов и философов, настроенных весьма пессимистично, но при этом они полагали, что их задача, как просветителей, придерживаться правильных принципов. Так действовал Г. Спенсер: в период полнейшего равнодушия к классическому либерализму он продолжал отстаивать эти принципы.

Парето посчитал, что нужно просто смириться с неизбежным и «оседлать волну», поэтому в последний период своей жизни поддерживал фашизм.

«Врагом Парето была власть денег и буржуазная парламентская демократия, он отстаивал врожденное неравенство людей... Преимущества (чистой конкуренции) не имеют отношения к реальному экономическому процессу»¹⁵⁰.

Таким образом, Парето превратился из либерала и сторонника Бастиа в позитивиста и националиста.

Интеллектуальный климат начала XX века во всем мире был пропитан идеями социализма и национализма. Классический либерализм находился почти в полном забвении, лишь представители австрийской школы продолжали бороться за ценности классического либерализма.

Марксизм оказался на двору.

¹⁵⁰ Автономов В. С. Встреча со знаменитым незнакомцем — предисловие к книге: Парето В. Учебник политической экономики. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 6 и 8.

ГЛАВА 9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАРЛА МАРКСА

*Без всех этих темных мест и бессмыслиц,
без этих пагубных умолчаний, шаманских
заклинаний и гипнотического вздора
марксизм уже не марксизм.*

В. Набоков

В тот момент, когда не стало Карла Маркса, мало кто мог себе представить, что буквально через десятилетия его портреты наводнят крупнейшие столицы Европы, а Москва станет столицей его учения. Ведь на похороны Маркса собралось всего одиннадцать человек. Этот человек умер почти в неизвестности. Хотя он был «хорошо известен в узких кругах», тем не менее успешным его тяжело было назвать. Он был маргиналом и выглядел как человек, который продолжает отстаивать нечто, не имеющее никаких шансов на реализацию, он выглядел как просто взбалмошный старик. Именно так смотрели на Маркса в 1883 году, когда его не стало.

ЖИЗНЬ МАРКСА

Маркс родился в небольшом городке Трир на западе Германии. Его отец был юристом, а дед — раввином. Чтобы сделать карьеру адвоката, отцу пришлось принять христианство. Сам Карл Маркс в юные годы, по всей видимости, придерживался христианского мировоззрения, но все больше и больше отходил от него, становясь воинствующим атеистом.

Вначале он поступил на юридический факультет, но это ему показалось не очень интересным. Потом он перешел на философский факультет, примкнул к кружку младогегельянцев, очень быстро его возглавил и начал мечтать о профессорской кафедре.

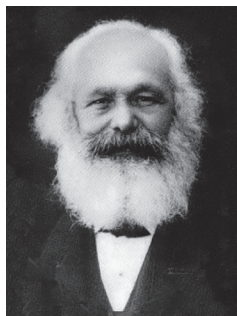
Получилось же так, что кафедру ему не дали, посчитав, что в философии он слишком хорош и будет вызывать зависть у коллег. Маркс, видимо, в отместку, решил изменить мир, стать революционером. Его мемуары показывают, что это действительно знаковое событие: он надеялся быть простым профессором философии, а стал лидером движения, которое борется с существующей системой и пытается переделать мир.

В тот период времени он увлекался идеями немецкой классической философии, поэтому именно с ними связывал свое будущее, но потом революция сделала его человеком совершенно других взглядов, изменив его жизнь: фактически он стал профессиональным революционером.

Однако он, конечно же, был страстным интеллектуалом. Вот что он писал: «Я машина для пожирания книг, извергающая их затем в иной форме на навозную кучу истории».

Карл Маркс был, по всей вероятности, достаточно счастливым человеком в личной жизни: замуж за него вышла дочь барона Вестфалена — Женни фон Вестфален. Всю жизнь он требовал отражения этого факта на визитной карточке, ведь он был простым человеком, а его супруга обладала высоким статусом. Вот что писала сама Женни о Марксе: «От волнения я не могу сказать ни слова, кровь перестает бежать по сосудам, и моя душа трепещет».

Маркс был довольно необычной персоной, склонной к диктаторским замашкам еще в детстве. Известны воспоминания

его сестер о том, что в обмен на рассказанные им истории требовал, чтобы они ели пирожки, которые он стряпал грязными руками.

Конечно, одна из наиболее важных встреч в его жизни была связана с Фридрихом Энгельсом, фабрикантом, который поначалу не понравился Марксу, — он посчитал, что Энгельс просто франт. Однако в дальнейшем они подружились. Энгельс боготворил Маркса и жертвовал всем, чем можно, чтобы Марксу хорошо жилось.

Фактически Маркс, несмотря на то что был человеком известным, сам денег не зарабатывал, а жил на средства, которые ему выделял фабрикант Энгельс. Существовая за счет Энгельса, он постоянно жаловался на нехватку денег. Для статистики: 10% самых богатых англичан в тот период времени жили примерно на 72 фунта стерлингов в год, Маркс получал от Энгельса 400–500 фунтов. В 1864 году он получил наследство 824 фунта и растратил его. Более того, он промотал подарок Энгельса в размере 350 фунтов в том же году. То есть он за два года спустил примерно 1200 фунтов стерлингов, что было колоссальной суммой по тем временам. А потом получил от Энгельса еще 210 фунтов для уплаты по своим вновь накопившимся долгам...

В 1868 году Энгельс продал свою долю в семейной хлопковой фабрике и установил пожизненную пенсию Маркса в размере 350 фунтов.

Маркс довольно цинично относился к родственникам. Когда не стало его отца, он отказался ехать на похороны, мотивируя это занятостью. Вот что он писал Энгельсу: «Меня осаждают требованиями оплатить школу, аренду. Не лучше ли было бы, чтобы вместо Мэри (возлюбленная Энгельса)

умерла моя мать, которая в любом случае жертва разных физических недугов и уже достаточно пожила на этом свете». Так же он относился к друзьям по партии. Вот, например, что он писал по поводу партии Энгельсу:

«Какое значение имеет партия, т. е. банда ослов, слепо верящих в нас потому, что они нас считают равными себе? Для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными. Воистину мы ничего не потеряем оттого, что нас перестанут считать истинным адекватным выражением тех ограниченных собак, с которыми нас свела вместе жизнь в последние годы».

Он был достаточно непростым человеком и требовал почтения не только от родственников, членов партии, а вообще всех, кто его окружал. Сквернословие было характерной чертой Маркса, он не жалел высказываний для того, чтобы изобличить кого-то из своих противников, да и соратников тоже.

Например, когда вышла в свет книга социалиста Прудона, которая называлась «Философия нищеты», Маркс отреагировал книгой «Нищета философии», направленной против Прудона. В своей газете он писал про Михаила Бакунина, что тот является «агентом царизма». На одном из заседаний союза коммунистов был один офицер, который неизвестно именно что сказал, но Маркс назвал его «безграмотным дураком» и «четырежды рогоносцем». После этого он получил вызов на дуэль, но отказался от нее...

Тем не менее его уважали и боялись. Боялись и почитали настолько, что Энгельс сделал своему другу еще один подарок.

Через три месяца после рождения у четы Марксов ребенка выяснилось, что беременна и их служанка Елена Демут, она родила мальчика. Естественно, это было серьезной угрозой для авторитета Маркса, и он никак не мог признать себя отцом. Что сделал Энгельс? Он признал ради интересов мировой революции этого ребенка своим.

Елена Демут была матерью единственного сына Карла Маркса, а тот сделал все возможное, чтобы никогда с ним не встречаться. Энгельс отдал его в детский дом, а потом пристроил учиться на рабочего.

Одна из причин успеха Маркса, конечно, состояла в его огромной энергии, в том, что он завладевал душами людей,

подчинял их себе, и они всю свою жизнь не мыслили себя иначе, как служителями его идей. Энгельс был не единственным, такой же была и Женни, такой была и партия, созданная Марксом, ведь для них «учение Маркса всесильно, потому что оно верно, а верно — потому что всесильно».

ТРИ ИСТОЧНИКА

Владимир Ульянов-Ленин в 1913 году написал работу, посвященную 30-летию со дня смерти Маркса, где писал о том, что существует три источника, на которых строится марксизм-ленинизм, и эти три источника: английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский социализм.

1. Английская политическая экономия. Когда Маркс писал свой труд, было уже понятно, что трудовая теория ценности классической школы не отвечает на фундаментальный вопрос о пропорции обмена. То есть с самого начала Маркс отталкивался от ошибочной теории ценности. Маркс не учился на экономиста и не сильно интересовался политической экономией до революции 1848 года, позже Энгельс ему подсказал, что бороться с существующим режимом нужно опираясь на учение английской политической экономии.

Маркс в самом начале «Капитала» отказывался от анализа потребительной ценности товара, считая ее предметом товароведения. Он не анализировал влияние количества блага на потребительную ценность и на пропорцию обмена. Фактически он повторял «ошибку Аристотеля», о которой речь шла в главе 2.

2. Немецкая классическая философия. Прежде всего это философия Гегеля, которого Маркс почитал. Чтобы понять, насколько можно рассматривать философию Гегеля в качестве рациональной основы для социальной теории, процитируем один из отрывков, который мало отличается от остальных:

«В возникновении принципа в то же время осуществили свое становление оба момента, которые выпадают только в своем явлении, а именно: один момент — движение указания, другой момент — то же движение, но как нечто

простое; первый — процесс восприятия, второй — предмет. Предмет по существу есть то же, что и движение; движение есть развертывание и различение моментов, предмет — нахождение их в совокупности. Для нас или в себе всеобщее как принцип есть сущность восприятия, а по отношению к этой абстракции обе различенные стороны — воспринимающее и воспринимаемое — составляют несущественное. Но на деле, так как и то и другое сами суть всеобщее или сущность, то оба они существенны; а так как они относятся друг к другу как противоположные, то в этом соотношении только одно может быть существенным, и различие существенного и несущественного следует распределить между ними. Одно, определенное как нечто простое, предмет, есть сущность, безразлично, воспринимается он или нет; процесс же восприятия как движение есть то непостоянное, которое может быть или не быть, а также то, что несущественно»¹⁵¹.

Говорят, на смертном одре Гегель произнес: «Был всего один человек, который понял мою философию... и тот понял ее неправильно».

Как говорил Роберт Хартман, «в великой битве под Сталинградом сошлись две гегелевские школы»: сталинская система (левые гегельянцы) и национал-социализм (правые гегельянцы). И те и другие полагали, что они правильно понимают учение Гегеля. Левые гегельянцы полагали, что абсолютный дух Гегеля живет в пролетариате, а правые — что в нации.

3. Утопический социализм. Третий элемент мировоззрения Маркса — это утопический социализм. Мы говорили ранее об утопии Платона, но надо сказать, что утопии, которые возникали после этого, не были серьезно отличающимися от Платона. Они также говорили, что не должно быть частной собственности, что жены должны стать общими, что всем нужно одинаково одеваться, питаться.

Например, Томас Мор, автор книги «Утопия», в диалоге между моряком и англичанином узнает о существовании такой великолепной страны — острова Утопия, который находится недалеко от берегов Америки. На нем живут утопийцы и живут счастливо, потому что у них частной собственности не существуют, все всё сдают в общий котел и берут оттуда.

¹⁵¹ Статьи из энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза — И.А. Эфрона. «Гегель»: «В 1793 году Гегель, по окончании полного курса кандидатом богословия, получил аттестат, гласивший, что он молодой человек с хорошими способностями, но не отличается ни прилежанием, ни сведениями, весьма неуклюж в слове и может быть назван идиотом в философии».

На острове 54 города, и все они одинаковы. Жители одинаковы, законы одинаковы. Посетив один город, вы можете понять, как выглядят остальные 53. И все это делается с позволения правителей, потому что распределяется этот фонд по определенным правилам. Определяется, когда питаться, когда спать и т. д.

Еще один утопист — Томмазо Кампанелла. У него была более суровая доктрина. Она выражена в работе «Город Солнца». Город Солнца — это теократия, где соединены духовная, светская власть и глава государства, он же первосвященник и имеет название Метафизик. У него три заместителя: Пон, Син и Мор. Пон отвечает за военные дела, Син — за духовные, Мор — за материальные.

Воинская служба является обязательной и для мужчин, и для женщин. Дети к десяти годам обучаются всем искусствам и наукам благодаря тому, что в Городе Солнца всего лишь одна книга, написанная в соответствии с учением Кампанеллы. Книга называется «Мудрость». В Городе Солнца все общее: имущество, жилища, дети. Все принадлежит всему народу. **Спаривание людей для произведения потомства осуществляется по строгим правилам и точному расписанию, за чем следят врач и астролог. Все жители одеты в одежду одного цвета и покроя.**

Кроме Томмазо Кампанеллы и Томаса Мора было, конечно, много других авторов утопий. Например, Морелли (повлиявший на Маркса), Фурье, Сен-Симон, Оуэн, Кабэ.

Вот как представлял себе идеальное общество Фурье:

«Антибообр станет ловить рыбу, антикит станет плавно вести по морю корабли; антибегемот — влечь на буксире речные лодки. Вместо льва на Земле заведется антилев для паразитально плавной верховой езды, и на его спине ездоку будет столь же удобно, как в хорошо поддрессированной карете».

Некоторые полагали, что люди станут бессмертными в результате революции. Конечно, все это выглядит как анекдот. Утопический социализм, несомненно, содержался и у самого Маркса. Он не разрабатывал картину социализма, но, несомненно, брал у социалистов-утопистов многое. Правда, он любил называть свой социализм «научным». Это, конечно же, отражало дух эпохи, наукообразность была в моде.

СЕН-СИМОН И РОЖДЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА

Сен-Симон — известная фигура, человек, который распускал слухи о собственной бурной жизни и мечтал изменить общество. Ходит легенда, что слуга каждое утро будил его словами: «Проснитесь, граф! Вас ждут великие дела».

В какой-то момент времени графу пришло в голову, что он знает, как улучшить мир. Для этого, решил он, нужно овладеть всеми науками и с их помощью узменить общество на научных основах. Сен-Симон поселился в Париже напротив университета и выманивал ученых за деньги. За беседой с вином, иногда засыпая, он слушал их выдающиеся речи, и в какой-то момент решил, что все науки нуждаются в реорганизации по новому принципу. Вот что писал Сен-Симон о своем решении:

«Я употреблял свои деньги для приобретения научных знаний, обильный стол, доброе вино, предупредительность к профессорам, для которых мой кошелек был всегда открыт, — все это доставило мне такие возможности, каких я только мог пожелать»¹⁵².

Так как Сен-Симон считал себя выдающимся человеком, он решил, что должен развестись с женой и найти лучшую. Мотивировал он это так: «Первейшему в мире мужчине следует быть женатым на первейшей женщине».

Последователи Сен-Симона в свое время пустились на Восток с идеями, напоминающими взгляды хиппи.

Сен-Симон создал Совет Ньютона. В этот Совет должны были входить люди, вносящие взнос, выбирать трех математиков, трех химиков, трех физиологов, трех литераторов, трех музыкантов. Ученые и художники, выбранные всем человечеством, в количестве двадцати одного человека и во главе с математиком, получившим наибольшее число голосов, должны, объединив свои способности, стать коллективным заместителем Бога на Земле и отстранить папу, кардиналов, епископов и священников от их должностей, раз они не понимают божественной науки. В основе всех наук должна лежать физиология, которая устранил все проблемы в социальных науках, нуждающихся в реформировании. Еще предстоит создать

¹⁵² Хайек Ф. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: Либеральная миссия, 2003. С. 156.

науку о политике на тех же принципах. Вот так Сен-Симон видел идеальное общество, к которому мы должны прийти:

«Все люди будут работать; они будут рассматривать себя как работников, приписанных к одной мастерской и прилагающих усилия к тому, чтобы приблизить человеческое разумение к моим божественным предвидениям. Управлять их работой будет Верховный совет Ньютона. К тем, кто не подчиняются порядкам, другие будут относиться как к скотам»¹⁵³.

Видимо, наиболее полно планы Сен-Симона удалось реализовать Ленину и Сталину.

У него были фанатичные последователи, один из них — секретарь Огюст Конт. Он боготворил Сен-Симона и его схему: на место знания метафизического должно прийти знание «научное». Конт был основоположником позитивизма, он заложил основы такого представления об обществе, которое может быть названо «социальной инженерией».

Позитивизм породил сциентизм, т. е. неограниченную веру в научный разум, веру в то, что человечество сможет преобразить мир, отменив старые способы существования. Эта идея была заимствована Марксом у утопистов-позитивистов.

Таким образом, марксизм состоит из трех частей: английская политическая экономия (игнорирующая субъективную ценность), гегельянство (где А и не-А — одно и то же) и утопический социализм (с его верой в «антибобра» и общими женами и детьми). Словом, **марксизм — это устаревшая наукообразная белиберда.**

В этом суть марксизма. Нет ничего удивительного, что попытка реализации его на практике привела к крайне плачевным результатам.

Маркс не очень много внимания уделял познанию реальности. Для него философия должна была быть не средством объяснения мира, а средством изменения мира: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Можно не понимать мир, можно в конце концов понимать его как Сен-Симон, но если вы его изменили — вы добились самого главного, а остальное — неважно.

¹⁵³ Хайек Ф. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: Либеральная миссия, 2003. С. 159.

СИСТЕМА МАРКСА

Система Маркса выглядит достаточно просто.

В основе лежит **принцип исторического материализма**, гласящий, что бытие определяет сознание. Все элементы «надстройки» (идеология, культура) являются следствием изменения в базе — в экономике.

Советские философы так интерпретировали некоторые исторические факты:

«Монадология Лейбница есть выражение “крайней раздробленности мелкобуржуазного мира”, а Бог Спинозы — идеализированное выражение стихийного единства менового общества и царящей в нем необходимости»¹⁵⁴. Иначе говоря, «и в сопротивлении металла ищи сопротивление буржуазии», — как трактовали в советские годы.

Так как все определяется базисом, а именно — производительными силами и производственными отношениями, то их взаимодействие определяет также и переход от одних общественно-экономических формаций к другим. У Маркса это известные пять формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая (или коммунистическая — сам Маркс не делал различий, это сделали уже его последователи).

Внутри капитализма существуют противоречия, которые приводят к краху этой системы, и на смену классовому обществу приходит бесклассовый социализм. Маркс видел себя пророком будущего.

Все экономисты и мыслители до Маркса не считали, что знают смысл истории, у них не было представления о том, что есть конечная точка, к которой нужно прийти; у них не было представления о том, что есть ответы на все вопросы, как в этой системе будет происходить движение.

У Маркса были ответы, и он пользовался популярностью у тех умов, которые хотели получить простые ответы на все вопросы, потому в марксизме, как в религии, вы получаете смысл жизни — строительство коммунизма.

Финальная стадия по Марксу — переход к социалистическому обществу. Дальше — тишина. То, как будет это

¹⁵⁴ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Сочинения. М.: Издательство “Правда”, 1989. С. 134.

социалистическое общество функционировать, у Маркса мы не находим. Он не говорил о том, как обустроить хозяйственную деятельность, потому что не хотел, чтобы его считали утопистом.

Утописты описывали раскрой одежды, питание, жилище, улицы... Маркс полагал: поскольку он знает, что социализм будет, но не знает, каким он будет, то этого и достаточно: капитализм обречен, социализм неизбежен.

Теории эксплуатации основываются на нескольких положениях. Они достаточно просты и уже содержались в теории Смита и Рикардо: все товары обмениваются по ценности. Это идея Аристотеля о том, что для обмена нужен обмен равного на равное. Маркс исходит из того, что существует субстанция ценности в самих вещах, и эта ценность определяется затратами труда, причем не обычными, а общественно необходимыми, тем, сколько в среднем обществу требуется усилий для того, чтобы произвести товар.

Прибыль не может образоваться в сфере обращения товаров, она может появиться только в сфере производства, когда эксплуатируют работника. Рабочий получает часть продукта, а оставшаяся достается капиталисту в результате эксплуатации.

Следовательно, капитализм основывается на эксплуатации, которая усиливается, и все должно закончиться революцией. В 24 главе «Капитала» содержатся известные слова: «Бьет час капиталистической частной собственности, экспроприаторов экспроприируют»¹⁵⁵. Иначе говоря, частная собственность переходит во владение всех людей. Что будет дальше — неизвестно, заканчивается предыстория человечества, начинается его история.

Противоречия капитализма, которых нет

Маркс полагал, что при капитализме одни люди становятся все более богатыми, а другие — все более бедными. Это называется **законом абсолютного и относительного обнищания пролетариата**.

Пролетариат в XIX веке существовал так: шестнадцатичасовой рабочий день, жизнь в бараке, скучное однообразное

¹⁵⁵ Маркс К. Капитал. М.: Издательство политической литературы, 1988. Т. 1. С. 773

питание, огромное количество травм, продолжительность жизни не больше тридцати пяти лет.

Если мы посмотрим на последние полтора века, то, во-первых, увидим, что исчез ведущий элемент капиталистического общества — пролетариат, работающий на заводах и фабриках; большая часть людей, которые сейчас занимаются наемным трудом, не работают на фабриках и заводах. Работают они теперь не шестнадцать часов и не с трех-четырёх лет и не имеют образования, а имеют оплачиваемый отпуск, страховку, пенсию и т. д. Все это появилось задолго до возникновения «социального государства».

Маркс утверждает, что монополизация экономики — это движение к социализму. В конце концов останется создать последнюю монополию под названием «государство».

При капитализме любая монополия является временной: как только возникает монопольная прибыль, если этому не мешает государство, то появляется стимул к появлению конкурентов, и это приводит к тому, что монополист теряет свой рынок.

Посмотрите на наиболее крупные корпорации сегодня в США и в мире: некоторые из них, точнее большинство, в течение тридцати-сорока лет отсутствовали в списке самых крупных корпораций, их вообще, как правило, не было. 90% компаний в списке «Форбс 500» — это новые компании, если сравнивать список с тем, что был сорок лет назад. Как мы видим, если говорить о марксовом **законе концентрации и централизации капитала**, он также не работает.

Закон снижения нормы прибыли статистики тоже исследовали и открыли, что на протяжении последних полутора веков норма прибыли не стала равной нулю, что было интуитивно понятно и до этого. Она даже не снизилась.

Хилизм

Маркс был приверженцем хилизма, учения о конце света. И коммунизм мыслился им как что-то, что перевернет мир. Многие утописты строили свои доктрины именно таким образом, хилистически, отталкиваясь от того, что придет конец света. В данном случае — конец буржуазного общества. Маркс был фигурой, пророчески смотрящей в будущее.

Одним из последователей социалистов в Америке был Ричард Элай. Согласно воззрениям Элая (основателя Американской экономической ассоциации), «государство является Богом данным инструментом, посредством которого осуществляется его промысел».

Его превосходство как божественного инструмента основано на произошедшей после Реформации отмене разделения сакрального и светского и на власти государства применять этические решения к общественным проблемам. То же различие сакрального и светского позволило Элаю и обожествлять государство, и социализировать христианство: он полагал, что государство есть основной инструмент божьего искупления. То есть его взгляд на будущий социализм — это взгляд с позиции хилиазма.

Эрнст Блох — известный марксист-ленинец-сталинист. Блох говорил о том, что внутренняя правда вещей может быть обнаружена лишь после полного преобразования Вселенной, великого Апокалипсиса, пришествия мессии, нового неба, новой Земли. Вот что он писал, например, в «Принципе Надежды»: «Где Ленин, там Иерусалим. Большевицское воплощение коммунизма является воплощением вечной борьбы за Бога»¹⁵⁶. Блох утверждал, что болезнь и даже сама смерть будут отменены с наступлением коммунизма. Коммунизм — это преобразование всего, это мессианский проект, и Сталин, и прочие представители этого направления — апостолы нового общества.

Режиссер Пазолини, марксист, полагал, что его фильмы — это не что иное, как соединение высших сил христианства и марксизма.

Отчуждение

В советские годы была такая традиция описывать эволюцию Маркса: есть зрелый Маркс, борец с капитализмом, с эксплуатацией, есть молодой Маркс, который говорит об отчуждении, т. е. о том, что человек в капиталистическом обществе отринут от своей собственной природы. Отчуждение связано с тем, что есть разделение труда: если ты плотник,

¹⁵⁶ Stern J. Marxism on Stilts: Review of Ernst Bloch, *The Principle of Hope*, *The New Republic* (9 March 1987), pp. 40–42. Kolakowski L. *Main Currents of Marxism*. Oxford: Oxford University Press, 1984, III. P. 423.

то твоя суть — быть плотником. Маркса это не устраивало, он хотел быть Человеком.

«Как только возникает разделение труда, у каждого человека появляется навязываемая ему своя особая, исключительная сфера деятельности... Он охотник, рыбак, пастух или критически настроенный критик и должен оставаться таковым, если не хочет потерять средства к существованию. В то же время в коммунистическом обществе ни у кого не будет исключительной сферы деятельности, но при этом каждый сможет достичь совершенства в любом виде занятий, в котором пожелает. Общество регулирует совокупное производство и, таким образом, позволяет мне делать сегодня что-то одно, а завтра — другое. Охотиться утром, рыбачить во второй половине дня, ухаживать за скотом вечером, критиковать после ужина, так как я обладаю разумом и никогда не становлюсь охотником, рыбаком, пастухом или критиком»¹⁵⁷.

Несомненно, ухаживать по вечерам за скотом может быть вашим призванием, но это не всегда согласуется с рациональным подходом к ведению самого хозяйства.

Август Бебель, в свое время известный теоретик социализма, написал книгу «Женщина и социализм». Правоверный немецкий марксист и организатор рабочего движения, он так писал о будущей роли женщины при коммунизме:

«В какой-то момент практический работник в какой-то отрасли, в течение следующего часа она преподаватель, учитель и медсестра. К третьей части дня она занимается каким-то видом искусства или науки, в четвертом выполняет некоторые административные функции. Это, наверное, не все функции, которые при коммунизме будет выполнять женщина, но она может быть и учителем, и медсестрой»¹⁵⁸.

А вот что писали сами коммунисты в социалистическом обществе по поводу того, как должно быть все устроено. Вот что отвечал Марксу и другим фантазерам товарищ Крюков, один из советских коммунистов, в журнале «Коммунист»:

«Невежественный человек и обыватель может создать в своем воображении собственную примерно такую картину коммунизма: вы встаете утром и спрашиваете себя, куда я должен идти сегодня на работу: должен ли я быть

¹⁵⁷ Rothbard M. Classical Economics. Auburn: Mises Institute, 2006. P. 325.

¹⁵⁸ Там же.

главным инженером или возглавить рыболовецкую бригаду? Или я должен ехать в Москву и провести срочное заседание президиума Академии наук? Это не так»¹⁵⁹.

Теория эксплуатации

Главное, что не устраивало Маркса в капитализме, — это отчуждение, которое является следствием разделения труда. В идеальном социалистическом обществе, по Марксу, в условиях отсутствия разделения труда не будет и отчуждения.

В основных произведениях Маркса и Энгельса говорится об условиях перехода к социализму следующее:

«Частная собственность может быть отменена только тогда, когда экономика будет способна производить товары в объемах, необходимых для всеобщего удовлетворения потребностей... Новые темпы промышленного роста позволят производить достаточное количество товаров, чтобы удовлетворить все потребности общества. Общественный доход возрастет до уровня, достаточного для удовлетворения потребностей всех членов общества»¹⁶⁰.

Это означает, что частную собственность можно будет отменить только тогда, когда мы достигнем мира, где не будет редких ресурсов.

Если частная собственность может быть отменена только тогда, когда мы все настолько стали богаты, настолько безграничными являются наши возможности, что мы с легкостью отдаем любому то, что он хочет, то тогда действительно возможен переход только через развитие капитализма.

И вроде бы выход состоит в том, чтобы развивать капитализм, но в целом доктрина Маркса подразумевает не развитие капитализма, а его отрицание и ниспровержение.

А ведь фактически, если вы не переходите к обществу, где блага безграничны, вы просто от одних людей перераспределяете блага в пользу других, т. е. от одних элит, капиталистических, вы перераспределяете богатство к другим элитам — номенклатуре.

Если это и есть идеальное общество, то оно функционирует довольно странно, потому что фактически будет воспроизводить систему олигархии.

¹⁵⁹ Там же, с. 326.

¹⁶⁰ Там же, с. 327.

Энгельс был промышленником и понимал, как устроена фабрика, рынки, хотя при этом придерживался социалистических взглядов. В дальнейшем невозможность социализма в качестве теоремы была выведена представителями австрийской школы Мизесом, а затем и Хайеком. Однако Энгельс, будучи практиком, критикуя Родбертуса и предвосхищая сложности, которые в дальнейшем возникнут при реализации модели социализма, писал следующее:

«Тот, кто в обществе товаропроизводителей, обменивающих своими товарами, хочет установить определение стоимости рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение стоимости путем давления на цены, т. е. единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто, — доказывает только, что, по крайней мере, в этой области он усвоил себе обычное для утопистов пренебрежение экономическими законами»¹⁶¹.

Энгельс сам писал, что экономические законы делают неизбежным изменение цен по отношению к затратам рабочего времени. А вот еще цитата: «Запретить же конкуренции посредством повышения или понижения цен ставить отдельных производителей в известность о состоянии мирового рынка — значит совершенно закрыть им глаза»¹⁶².

В 1920 году в работе, посвященной экономическому расчету при социализме, и в 1922 году в трактате «Социализм» Мизес написал примерно то же: производители, будучи лишены информационных сигналов в виде цен на факторы производства, не будут иметь возможности рационально принимать решения — из каких материалов строить дом, какой способ транспортировки выбрать в качестве наилучшего, каким образом соотнести затраты труда и капитала, заменить ли труд капиталом или наоборот. Для того чтобы все это знать, нужно уметь рассчитывать цену всех факторов производства. Для этого требуется рынок капитала и частная собственность на него.

Когда все эти факторы производства находятся в руках общественного управления, нет рынка капитала и вы не имеете возможности рационального выбора, строить дом из одного материала или из другого. Вам нужно знать, сколько стоят кирпичи, сколько стоит древесина, чтобы сделать рациональный выбор того, как производить.

¹⁶¹ Там же, с. 328.

¹⁶² Там же, с. 329.

Хотя марксисты не хотели быть утопистами, они тем не менее мечтали о будущем, в частности Троцкий в работе «Литература и революция» писал о том, что произойдет с человеком после социалистической революции:

«Человек станет несравненно сильнее, мудрее, прекраснее. Его тело будет более гармоничным, движения более ритмичными, голос более музыкальным, средний человек поднимется до уровня Аристотеля, Гёте и Маркса. Над этими высотами будут подниматься новые пики»¹⁶³.

Это похоже на хилиазм, как раз на учение о преображении мира, завершении одного мира и о создании нового. Фантазии Троцкого были остановлены ледорубом товарища Сталина.

Но у каждого социалиста была своя утопия, и никто не хотел делиться лаврами главного пророка, в том числе и Маркс, так, он делал все возможное, чтобы уничтожить своего критика Бакунина.

Михаил Бакунин, известный социалист-анархист, вышел в свое время из интернационала и сформулировал важный закон, который можно назвать железным законом олигархии: если вы устанавливаете народную власть, то очень скоро обнаружите, что никакой народ в реальности не занимается самоуправлением, и переговоры, и демократия заканчиваются в условиях общей власти тем, что власть оказывается в руках одного человека, причем достаточно быстро.

Один из утопистов Этьен Кабе основал в Америке Икарию — идеальное государство, которое жило по тем же самым принципам, что и другие утопии, т. е. все было регламентировано и все было общим. В какой-то момент времени Кабе решил, что, раз он выдумал эту утопию, ему должны быть даны серьезные полномочия. Как следствие, он стал давить и уничтожать наиболее талантливых оппонентов. Они стали бежать из Икарии, и все, что он создал в качестве утопии на американском континенте, растворилось в истории, никак на нее не повлияв.

Вот что писал Бакунин о марксистах:

«Марксисты говорят, это меньшинство будет состоять из рабочих, которые и станут определять новое общество.

¹⁶³ Там же, с. 333.

Да, без сомнений, из бывших рабочих, которые, как только они становятся управляющими или народными представителями, начинают взирать на трудящиеся массы с высоты государственной власти так, будто они представляют не народ, а самих себя и свое собственное притязание править другими»¹⁶⁴.

Еще недавно они говорили, что необходимо изменить общество и дать власть народу, и рабочий из обычного рабочего превращается в нового диктатора:

«Всякий, кто в этом усомнится, ничего не знает о человеческой природе. Так называемое народное государство будет не чем иным, как деспотией над массами, осуществляемой новой и довольно небольшой группой аристократов из числа реальных или фиктивных ученых»¹⁶⁵.

Когда Бакунин входил в интернационал, это был прекраснотдушный союз людей, которые верят в прогресс и нового человека. Это были люди, которые устраивали походы в Париже в колпаках, прочие клоунады, это были чудики, на которых смотрели как на людей странных, но не опасных. И вот они пришли к власти, в частности в России, и из обычных людей из народа или из науки начали превращаться в новых диктаторов. Бакунин писал:

«Марксисты утверждают, что лишь диктатура их собственная, разумеется, сможет дать людям свободу. Мы отвечаем, что диктатура не может иметь никакой другой цели, кроме как воспроизводить себя, и что она не способна порождать и благоприятствовать ничему, кроме рабства в людях, подвластных ей, свобода может порождаться только свободой»¹⁶⁶.

За эти слова марксисты называли Бакунина «агентом царизма» и изгнали из интернационала. Надо сказать, что Маркс не терпел конкуренции. Один из сторонников Бакунина, Черкезов, писал об этом:

«Мог ли Маркс терпеть присутствие умных, образованных, энергичных и красноречивых деятелей в интернационале? Конечно, нет, особенно Бакунина с его мировой репутацией революционного героя, швейцарца Джемса Гильома, неутомимого писателя-конференционалиста, владеющего лучше самих Маркса и Энгельса древними и новыми европейскими языками. Особенно эти двое стояли поперек

¹⁶⁴ Там же, с. 334.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

их дороги и к до дикости нелепой цели диктатуры над мировым движением пролетариата, против них была организована настоящая кампания клеветы, конечно, тайной»¹⁶⁷.

То же самое характерно для Сталина: мог ли он терпеть умных, образованных, высокоинтеллектуальных людей в своем окружении? Маркс обвинял Бакунина в невежестве за то, что тот требовал уничтожить право на наследство, и называл его «старой ветошью сенсимонизма». При этом включил данный пункт в свой Манифест коммунистической партии.

Манифест коммунистической партии, который был написан самим Марксом в 1848 году, содержит третий пункт в качестве необходимого изменения: это отмена права наследования.

Между левыми шла более ожесточенная борьба, чем между левыми и правыми, особенно это характерно для XX века, когда одни социалисты сцепились с другими, и казалось, что они противоположны друг другу, но по сути они боролись за один и тот же ресурс: власть.

Мы живем при коммунизме!

Нажется, что коммунизм — это что-то далекое для развитых стран Запада. Но посмотрите на Манифест коммунистической партии, на десять пунктов программы Маркса и Энгельса: реализованы ли они сегодня в наиболее богатых и развитых странах?

Высокий прогрессивный налог — есть; централизация кредита в руках государства по средствам национального банка, государственным капиталом и с исключительной монополией — есть; централизация всего транспорта в руках государства — надо сказать, что какая-то конкуренция есть, но государство владеет огромной долей этого сектора экономики; увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашни и улучшение земель по общему плану — существует; общественное и бесплатное воспитание всех детей, имеется в виду образование, которое совершалось бы не за частный счет, а за счет государства, — существует. Некоторые другие элементы сейчас отсутствуют, например экспроприация земли, отмена права наследования,

¹⁶⁷ Бакунин М. Избранные сочинения. В 5 т. Петроград: Голос труда, 1919. Т. 1. С. 44.

конфискация имущества мигрантов, но в общем 50% программы Маркса и Энгельса уже реализовано. Это означает, что наиболее развитые демократические страны, которые называют себя либеральными, восприняли на 50% тот Манифест коммунистической партии, который оказался для своего времени совершенно революционным и был отрицанием индивидуализма и либерализма.

Романтизм

Маркс, несомненно, был романтиком и относился к той группе социалистов, которых можно назвать утопистами. Маркс писал стихи, и, может быть, его стихи приоткрывают завесу над тем, что это был за человек:

*Я изрыгну гигантские проклятья на людей:
Что Вечность? Ха! Одна лишь вечная печаль...
Творения часовщика, мы — лишь механика слепая,
Чтоб стать засаленным календарем пространства
и времен.*

*Сотворены бесцельно, на погибель,
Так что должно быть что-то, чтоб разрушить...
Если есть то, что пожирает,
Я вспрыгну на него, пусть даже если это мир
взорвет —*

*Тот мир, который между мной и Бездною,
Своим проклятьем разобью на части.
В объятья заключу суровую реальность:
Приняв меня в себя, погибнет мир безмолвно,
Утонет полностью в ничтожестве,
Погибнет все, уйдет из бытия — вот истинная жизнь!
...Свинцовый мир нас схватывает быстро,
Мы скованы, разбиты, пусты, напуганы,
Прикованы навечно к мраморной глыбе Бытия...
И мы — Мы обезьяны холодного Бога.*

Маркс боролся всю жизнь, и прежде всего — с капитализмом, считая, что достигнет счастья, только если существующая система будет разрушена до основания.

Историческая схема

Любой историк, в конечном итоге, вынужден считаться с тем фактом, что знания ограничены, что он не пророк

и он не знает смысл истории. Как только историк становится пророком, убеждающим нас в том, что он знает «новый Иерусалим», знает, как будет выглядеть мир, в этот момент он фактически перестает быть ученым. Это, правда, не означает, что в истории нет ничего поучительного, нет закономерностей. Но так как действующим субъектом истории является человек (и человек наделен свободой воли, он выбирает тот или иной путь в зависимости от своих суждений и ценностей), то и законов, которые детерминировали бы поведение всех людей, не существует.

Схема Маркса является явно религиозной: вначале мир был един с Богом, потом он отпадает от Бога, потом снова возвращается к Богу.

Коммунизм выглядит так же: был первобытный коммунизм — все были счастливы, но бедны, потом наступила эпоха частной собственности — в той или иной степени первобытный коммунизм исчез (хотя историки до сих пор доказывают, что не было никакого первобытного коммунизма). Сейчас же мы возвращаемся обратно, но только на более высокой ступени. Конечно, здесь не сложно увидеть гегелевский схематизм.

Маркс утверждает, что «мельница дает нам общество во главе с сюзереном, а фабрика дает нам капиталистическое общество во главе с капиталистом».

Следовательно, именно производительные силы и производственные отношения влияют на наше общество, забывая о том, что изобретения, технологии, средства производства являются результатом применения человеческого разума, человеческих идей.

Сами по себе средства производства не выдумываются, не возникают, не сменяют друг друга. Они являются результатом творческих усилий конкретных людей. Человеческий разум лежит в основе изобретения и капитальных благ, и конечных благ, которые мы потребляем. Именно разум лежит в основе, а не материальные условия, материальными условиями нельзя объяснить изменения нашего общества — они происходят тогда, когда появляются новые идеи. Конкретные изобретатели и предприниматели, используя свой разум, создают новое, а не мистические производительные силы и производственные отношения.

Экономисты также внесли свой вклад в изменение общества, потому что они поместили в головы людей идеи о том, что рыночный порядок может заменить системы гильдий и иерархическую систему, что можно перейти к обществу, которое было бы контрактным и при этом устойчивым.

Именно идеи сделали возможным такой переход — прежде всего идеи, связанные с *Laissez Faire*.

История, очевидно, не линейна, и мы не знаем, что будет через век, через два века. Надо прямо сказать, что большинство прогнозов экономистов о событиях XX века не оправдалось.

Ошибка в теории ценности Маркса

Маркс утверждал, что товары обмениваются по ценности, которая определяется общественно-необходимыми затратами труда. Но это не так. Маркс еще этого не знал, когда писал первый том «Капитала», но на ценность вещи оказывает влияние не то, сколько труда потрачено на изготовление товара, а то, какова ценность этого товара для покупателя. Если товар имеет меньшую ценность для потребителя, то и цена будет меньше. Это происходит, если мы учитываем влияние количества блага на ценность дополнительной единицы. Мешок зерна будет иметь разную ценность в зависимости от того, сколько мы имеем мешков зерна.

Если их больше, то и ценность дополнительной единицы будет меньше. То есть на пропорцию обмена зерна на вино будет влиять то, какая предельная полезность вина и зерна для каждой стороны обмена. Собственно, этот подход отверг классическую теорию ценности Смита и Рикардо. Маркс пользовался устаревшей теорией ценности.

Позже Бьюкенен показал, что на выбор вообще не влияют уже понесенные издержки. Выбор определяется будущими выгодами и будущими издержками (упущенными выгодами), которые всегда носят субъективный характер.

Таким образом, ценность вещи никак не связана с затратами труда. Точнее, именно ценность вещи определяет ценность труда.

Ошибки теории эксплуатации Маркса

Маркс утверждает, что единственным источником ценности является труд. Из этого следует, что все остальные факторные доходы: прибыль, процент и рента являются результатом эксплуатации труда. То есть капитал, земля и предприниматель не вносят свой вклад в ценность товара. Весь продукт труда должен доставаться рабочему классу.

Вносит ли свой вклад в ценность продукта капитал? Конечно. Без использования капитальных благ труд был бы гораздо менее производительным. Если вы накопили средства для приобретения оборудования, то не только используете (эксплуатируете) труд рабочего, но и рабочий использует (эксплуатирует) вас, так как пользуется вашим прошлым трудом и сбережениями, не совершая накопления капитала самостоятельно (что потребовало бы времени и сил), а уже сейчас делает свой труд более эффективным.

Например, вы пользуетесь офисом вашего босса. Является ли сам офис и оборудование в нем тем, что делает ваш труд более продуктивным? Если да, то владелец имеет право на вознаграждение за то, что вы пользуетесь его имуществом. Итак, капитал, как и труд, влияет на ценность товара или услуги.

Вносит ли свой вклад в ценность продукта предприниматель? Конечно. Функция предпринимателя состоит в том, чтобы открывать «новые комбинации» факторов производства, в том, чтобы размещать ресурсы туда, где они будут приносить больше продукции. Если предприниматель продает новый продукт, он находит лучшее применение труду, земле и капиталу, чем было до этого. Он, несомненно, вносит свой вклад в итоговую ценность продукта. Более того, открытие со временем становится нормой, и мы пользуемся плодами его открытия даже когда его не станет, а предпринимательская прибыль сократится до нуля в результате перемещения ресурсов в более эффективные цепочки производства. Итак, предпринимательство, как и труд, и капитал, вносят свой вклад в итоговую ценность продукта.

Вносит ли свой вклад в ценность продукта земля? Конечно. Качество природных ресурсов (например, древесины) разное, и мебель из разного дерева будет иметь разную ценность. Следовательно, владелец более редкого ресурса вправе требовать вознаграждения за свой ресурс. Чем ка-

чественнее ресурс, тем больше вознаграждение, это стимулирует ценить более редкие природные ресурсы, так как они более дороги. Итак, земля, как и труд, капитал и предпринимательство, вносит свой вклад в итоговую ценность продукта.

Таким образом, в любой рациональной экономике в итоговую ценность товара вносят свой вклад четыре фактора производства: труд, капитал, земля и предпринимательские способности. Нужны все четыре ингредиента. Маркс же хотел уничтожить все, кроме труда.

Здесь появляется две возможности для проекта борьбы с нетрудовыми доходами.

Два выхода: огосударствление экономики и анархо-социализм

Первый состоит в том, чтобы заменить рынок государственной монополией. Если такая монополия будет использовать в качестве измерителя ценности только затраты труда, то она подорвет природные ресурсы (они не будут иметь ценность), предпринимательскую инициативу и капитальное оборудование (ведь оно не вносит вклад в ценность продукта). Такой вариант явно невозможен, и никто его никогда не пытался реализовать.

Тогда возникает иной вариант, где государство вместо рынка централизованно устанавливает «социалистический процент», «социалистическую прибыль» и т. д. Такой подход содержался в советских учебниках по политической экономии социализма.

Но раз в такой системе есть прибыль, процент и рента (только с эпитетом «социалистическая»), то разница будет только в том, что все эти процессы подчиняются государству, т. е. монополии. Получается, вместо конкуренции мы получаем не общество, где нет эксплуатации, а где есть монополия государства на эксплуатацию. Как всякая монополия, она менее эффективна, чем конкуренция, и будет приводить к коррупции, неэффективности и застою. Что и происходило в советской экономике. Таким образом, первый путь уничтожения нетрудовых доходов приводит лишь к усилению номенклатуры.

Второй путь является более последовательным, его предлагают анархо-социалисты. Они понимают, что пока

существует государство — не важно, «буржуазное» или «пролетарское», — эксплуатация неизбежна. Они видят решение в упразднении института государства. Кроме того, они предлагают уничтожить частную собственность. Однако возникает следующая проблема (про реализуемость сейчас не будем говорить): исчезнут ли нетрудовые доходы — прибыль, процент и рента? Возможны два ответа: да и нет. Если «да», то, если анархисты не считают возможным государственное вмешательство, кто будет запрещать сделки по добровольному кредитованию (под процент), аренды (за ренту) и прибыль (за новый продукт), да и простой обмен (если остается право выхода из коммуны)?

Если коммуна это запрещает — это лишь иное название для государства. Если не запрещает — будет существовать собственность и все доходы (прибыль, процент и рента), а следовательно, это не «социализм» (ведь есть эксплуатация). Если ответ «нет» (собственность не исчезнет), то ответ некоторых анархо-социалистов в том, что все это будет регулироваться. И кем же, если не рынком? И анархо-социалисты вынуждены придумывать свое анархо-социалистическое государство...

Таким образом, при капитализме люди используют друг друга (эксплуатируют) к взаимной выгоде. При социализме всех эксплуатирует государство (номенклатура). Для потребителя, конечно же, выгоднее конкуренция, а не монополия. Лучше общество, где у людей есть возможность получать взаимный выигрыш, чем общество, где одни получают выигрыш за счет других.

Пролетариат порожден капитализмом

Маркс считал, что капитализм привел к появлению пролетариата. В результате огораживания бывшие крестьяне вынуждены были идти работать на фабрики, где подвергались эксплуатации. Маркс прав: пролетариат порожден капитализмом. Но только автор не понял смысл этого процесса.

Капитализм многократно увеличил численность населения (после промышленной революции наблюдается сильный всплеск рождаемости, если бы не капитализм, этих людей бы просто не было). Так как аграрная экономика просто не способна прокормить столько людей, они бы просто умерли

с голоду. А они не умерли благодаря капитализму. Да, их первоначальный уровень жизни был очень низким, но стал расти высокими темпами вместе с ростом капитализма. Проблема низкого уровня жизни была связана с тем, что капитализм только появился.

Последователи Маркса

Так получилось (видимо, не случайно), что **наиболее известные диктаторы двадцатого века, такие как Пол Пот, Мао Цзэдун и Иосиф Сталин, были ортодоксальными марксистами.** И были убеждены в том, что общество должно основываться на отмене частной собственности на средства производства.

Пол Пот — выпускник Парижского университета, который в Камбодже устроил настоящий геноцид. По количеству уничтоженных людей (по отношению ко всему населению) Пол Пот находится на первом месте. За несколько лет было уничтожено от 1 до 3 млн человек. Людей принудительно в течение 72 часов выселили из столицы Камбоджи Пномпеня. Эти люди должны были идти в деревни и там производить только аграрную продукцию. Были отменены деньги, людей силой выгоняли из города. Они умирали в дороге, они не могли адаптироваться — просто-напросто потому, что весь город живет иначе, чем деревня. Когда начались восстания, они были жестко подавлены: людей сжигали на центральных площадях, им отрубали головы, забивали мотыгами.

Пол Пот был убежден, после знакомства с учением Маркса, что именно таким способом следует избавляться от пагубного влияния Запада: отменить деньги и переселить людей в деревню. Если нужно — применить насилие.

То же самое касается и других диктаторских режимов. Например, Мао Цзедуна, культурная революция которого также уничтожила миллионы людей примерно под такими же идеологическими лозунгами: та же борьба с интеллигенцией, с западным влиянием, воспитание духа служения социализму.

Национал-социалисты также были противниками капитализма: «Мы социалисты, мы враги экономической системы капитализма»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: РидГрупп, 2012. С. 79. Слова принадлежат нацистскому идеологу Грегору Штраассеру.

«Национал-социализм — вот чем мог стать марксизм, если бы отбросил все бредовые идеи о демократии. Зачем социализировать банки и заводы? Мы социализируем человеческие души», — считал Гитлер. Единственное, что не нравилось Гитлеру в марксизме, — это то, что у пролетариата нет родины, все остальное в марксизме вполне справедливо: капитализм — это эксплуатация труда капиталом, необходим государственный контроль (экономика была разделена на шесть частей, и фюрер в каждой из этих частей регулировал заработные платы, цены, поставщиков, покупателей). Частная собственность формально была, но фактически вся экономика полностью управлялась из центра.

НАБОКОВ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В своих гениальных «Лекциях по русской литературе» Владимир Набоков рассказывал о советской литературе:

«Особенно забавно в подобных обстоятельствах звучит любовная тема. Передо мной два примера, выбранных наугад. Первый — отрывок из романа Антонова “Большое сердце”, выпущенного журнальными подачами в 1957 г.:

Ольга молчала.

— О, — сказал Владимир, — почему ты не можешь любить меня так же, как я люблю тебя?

— Я люблю мою Родину! — ответила она.

— Я тоже! — воскликнул он.

Но есть что-то, что я люблю еще больше, — продолжала Ольга, высвобождаясь из его объятий.

— И это?.. — поинтересовался он.

Ольга взглянула на него ясными голубыми глазами и быстро ответила:

— Партия.

Другой пример взят из романа Гладкова «Энергия».

«Молодой рабочий Иван сжал дрель. Почувствовав прикосновение металла, он пришел в возбуждение, и острый холодок пробежал по его телу. Оглушающий рев отбросил от него Соню. Она положила руку ему на плечо и потрепала волосы за ухом... Она глядела на него, и маленькая кепка с выбившимися кудряшками неудержимо притягивала его к ней. Казалось, обоих молодых людей ударило током в один и тот же момент. Он глубоко вздохнул и еще сильнее сжал инструмент».

Набоков описал, скорее с отвращением, чем с сожалением, те силы, которые способствовали пленению русской мысли в XIX веке и окончательно подавили искусство в советском полицейском государстве¹⁶⁹.

Советское образование

Книга Бена Селигмена «Основные течения современной экономической мысли» вышла в свет в Советской России в 1968 году и включала в себя то, о чем советские экономисты почти ничего не знали: современные западные буржуазные учения.

Книга имела особый гриф: «для научных библиотек». Это означало, что, если бы вы захотели ознакомиться с этим изданием, вам необходимо было бы получить особое разрешение. И только в том случае вы его получите, если являетесь научным сотрудником и специализируетесь на истории и критике западной буржуазной экономической мысли.

В этой книге есть предисловие советского экономиста. Он предупреждает читателя:

«Особенно отчетливо видна порочность идейных позиций автора Бена Селигмена и оценки им марксистско-ленинского этапа в развитии политической экономии. Ему посвящена специальная глава книги Бена Селигмена, но поскольку при изложении сущности марксистско-ленинского учения автор исходит из тривиальных, ненаучных представлений буржуазных экономистов, эта глава не представляет интереса для советского читателя и в настоящем переводе опущена»^{170, 171}.

Это напоминает «1984» Джорджа Оруэлла и борьбу с «мыслепреступлениями».

Единственно верное учение — марксизм — было вне критики, буржуазных экономистов до этого не допускали. Руководство страны лучше своих граждан знает, что им нужно читать и о чем думать. Там, где запрещена свобода мысли, —

¹⁶⁹ Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Азбука, 2010. С. 38–39.

¹⁷⁰ Здесь, на всякий случай, есть замечание редактора, который делает вывод в конце главы: «Хайек — злобный враг социализма и демократии, его измышление о планировании не имеют никаких научных оснований и носят грубо клеветнический характер. Возражение автора Хайеку имеет положительное значение, хотя они не раскрывают реакционной сущности его взглядов». См.: Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. С. 228.

¹⁷¹ Там же, с. 16.

не может быть речи и об остальных свободах.

Видимо, был прав Набоков, когда писал: «Парадокс, не оставляющий камня на камне от марксизма и ему подобных грез об Идеальном Государстве, состоит в том, что автор первого проекта такого государства со временем становится его первым тираном».

ГЛАВА 10

МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Маржиналисты — раньше их называли так в шутку, посмеиваясь над их книгами. Однако со временем слово перестало иметь негативные коннотации и стало названием целого движения. Без преувеличения можно сказать, что **мы живем к век маржинализма! В наш век неприлично не быть маржиналистом!**

Маржинализм включает в себя три основные школы: лозаннскую, кембриджскую и австрийскую.

Начало маржиналистской революции — 1871 год. Это была настоящая научная революция, которая привела к тому, что не только была отвергнута трудовая теория ценности (господствующая до этого), но и весь корпус фундаментальных экономических идей также претерпел революционные изменения. Однако последовательно удалось реализовать эти новые принципы лишь одной из трех — австрийской экономической школе, которая, в отличие от двух других, смогла осмыслить маржиналистскую революцию как революцию индивидуализма.

Рисунок на следующей странице показывает три школы маржинализма (справа — сторонники свободного рынка, слева — сторонники планирования): справа находится

австрийская школа, слева лозаннская школа (сам Вальрас был социалистом, хотя его чистая теория нейтральна по отношению к политике), ставшая основой для моделирования централизованно планируемой экономики в XX веке в трудах западных экономистов. Вершина треугольника — теория частичного равновесия Джевонса и Маршалла. Хотя они также симпатизировали прогрессивной политике, их теория эволюционировала в сторону концепции «провалов рынка». Кроме того, самый известный ученик Маршалла — Дж. М. Кейнс — стал разработчиком самой известной интервенционистской теории XX века.

Треугольник маржинализма

МАРЖИНАЛИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Независимо друг от друга три экономиста, живущие в разных странах и пишущие на разных языках, пришли примерно к одним и тем же взглядам. Карл Менгер, Леон Вальрас и Уильям Стенли Джевонс, соответственно, один в Англии, другой в Австрии, а третий в Швейцарии, пришли к схожим выводам об изменении парадигмы экономической науки¹⁷².

В 1871 году вышла книга «Основы политической экономии» на немецком языке, ее автор — Карл Менгер. В том же

¹⁷² Иногда еще называют четвертую школу: американского экономиста Джона Бейтса Кларка, который был скорее самостоятельным мыслителем, он не знал ничего об указанных авторах и независимо от них пришел к теории предельной полезности. Учился же он в Германии у Карла Книса, представителя исторической школы, но создал теорию предельной полезности, несмотря на то что представители данного направления отрицали общую экономическую теорию.

году вышла книга Уильяма Стенли Джевонса, представителя Кембриджской школы, «Теория политической экономии» на английском языке. И чуть позже, в 1874–1877 годах, в Швейцарии на французском языке была опубликована книга Леона Вальраса «Элементы чистой политической экономии».

Позже стало понятно, что между их теориями есть существенная разница, как методологическая, так и практическая. Но в том момент, когда противники презрительно называли их маржиналистами, они объединились в своей борьбе с марксизмом и исторической школой.

Марксизм — сейчас это понятно всем компетентным экономистам — не смог пережить революцию предельной полезности (1871–1874 гг.), к началу XX века маржиналисты с оглушительным счетом разбили марксову теорию ценности. Теперь ее можно смело отправлять на свалку истории.

Маржиналисты ушли от агрегатного подхода к методологическому индивидуализму и смогли создать целостную социальную теорию на принципах предельной полезности. Это — принципиальное отличие маржинализма от классиков и маржиналистской революции от классического периода, который начался с Адама Смита и закончился Джоном Стюартом Миллем. Соответственно, отличие экономической теории после маржинализма состоит в том, что здесь речь идет о решении на уровне индивидов, а не на уровне классов или иных агрегатов, как было до этого.

Три этапа отношений между школами маржинализма

Первым был этап гомогенизации, или объединение этих школ в нечто единое целое, потом начался второй этап — процесс дегомогенизации, разграничения этих школ. Стало понятно, что лозаннская и кембриджская школы разрабатывали функциональные теории ценности, а австрийская разработала каузально-реалистическую теорию, которая сводит все не к математическим уравнениям, а к человеческой деятельности. Однако в момент появления трех школ это не было понятно и выяснилось только в 1910–1920-е годы.

Сейчас встречаются попытки регомогенизации (это можно назвать третьим этапом), т. е. совершаются попытки снова восстановить единство между этими школами с тем, чтобы найти общее между австрийской и кембриджской.

В сборнике «Истоки» есть статьи, посвященные попытке регомогенизации, где утверждается, что между кембриджской и австрийской школами существует больше общего, чем принято думать. В частности, утверждается, что они обе исходят не из модели абсолютно рационального экономического агента, а отталкиваются от живого человека из плоти и крови. Джеванс и Менгер стремились понять, как работает реальный рынок, и, в отличие от Вальраса, разработавшего абстрактную систему общего равновесия, не пытались разработать «экономическую теорию классной доски». Однако Джеванс отталкивался от того, что экономическая теория — это «арифметика страдания и удовольствия», что возрождало пифагорийскую метроманию. Он исходил из того, что полезности людей измеримы. То есть его концепция — такая же фикция, как и теория общего равновесия Вальраса.

До маржиналистской революции господствующим был агрегатный подход, т. е. подход, во главу угла ставящий класс явлений и средние величины (средняя цена, средняя прибыль, средние издержки), а не индивидуальное решение. Самым последовательным представителем агрегатного подхода был Давид Рикардо. Этот подход за основу брал Маркс при разработке теории эксплуатации.

После 1871 года произошел переход к методологическому индивидуализму, согласно которому **единственным субъектом деятельности во Вселенной является человек**. Человеческая деятельность — это и есть предмет анализа корректной экономической теории. Не существует таких явлений, как «нация», «класс», «общество». Все они существуют лишь как абстракции, которые позволяют нам понять деятельность конкретных людей. Но **действовать, мыслить и выбирать могут только конкретные люди**.

Маржинализм породил новую терминологию. Было введено понятие **предельной полезности**, без которого невозможно представить современную экономическую теорию.

Следует отметить, что этот термин ввел представитель австрийской школы Фридрих фон Визер, хотя о подобном

явлении, но другими словами, говорили Джевонс, Вальрас и Менгер. Современная экономическая теория основывается на теории предельной полезности, следовательно, на достижениях представителей трех ветвей маржинализма.

Законы Госсена

Конечно же, у маржиналистов были свои предшественники, прежде всего обнаруженный уже после революции предельной полезности Госсен.

Генрих Госсен в 1854 году выпустил книгу «Выведение законов человеческого общения и вытекающих из них правил человеческой деятельности» с так называемыми законами Госсена¹⁷³, которые содержат многое из того, что является фундаментом теории предельной полезности.

Первый закон Госсена: величина удовольствия постоянно уменьшается вплоть до насыщения. Это соответствует закону предельной полезности, который был сформулирован маржиналистами.

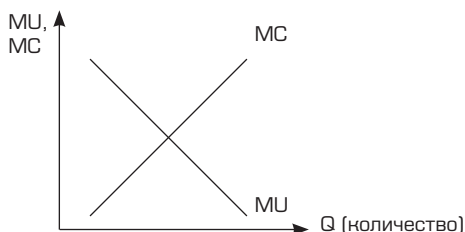
Второй закон Госсена: в момент прерывания величина всех удовольствий одинакова. Если у вас есть возможность выбирать между различными благами, то вы совершаете выбор таким образом, что последняя единица, которая удовлетворяет вашу потребность, будет приносить такую же полезность, как и остальные.

Третий закон Госсена: труд продолжается, пока тяготы труда не становятся равными удовольствиям от производимых благ.

Современная версия этих трех законов содержится в известном графике, где установлена связь между предельной

¹⁷³ В самой книге они так не называются. Так их стали именовать благодаря Визеру.

полезностью (MU) и предельными издержками (MC). Там, где они пересекаются, мы получаем оптимум, который обеспечивает максимальную полезность.

Госсен полагал, что он совершил переворот, равный перевороту Ньютона, но его книгу никто не заметил, он обиделся на весь мир, выкупил тираж и полностью уничтожил. Умер он в безвестности. Так получилось, что какие-то экземпляры остались в букинистических магазинах, библиофил Джевонс отыскал их через десятилетия после смерти автора.

Джевонса отличала особая любовь к истории своего предмета, он искал союзников в прошлом, искал своих предшественников, желая отдать им должное. Джевонс, в частности, переоткрыл для мира трактат Ричарда Кантильона (1755), которого признавал основателем экономической теории.

ЛОЗАННСКАЯ ШКОЛА

Вальрас

Леон Вальрас — представитель лозаннской школы маржинализма, родился в Париже, его отцом был известный математик. Леон Вальрас долгое время пытался сделать

карьеру инженера, а также пытался несколько раз поступить в институт, но заваливал вступительные экзамены.

Большую часть жизни ему крайне не везло. Но в какой-то момент времени он написал статью, послал ее в качестве тезисов на конференцию, выступил на этой конференции и привлек внимание специалистов. В результате Вальрас стал главой кафедры политической экономии, созданной в Лозанне. Вот так, практически из небытия, он возглавил научную школу.

Вальрас в один присест прочитал книгу математика Луи Пуансо, которая, как он сам отмечал, перевернула его мировоззрение. В книге описывается то, как взаимосвязаны части физической системы и удерживаются в равновесии действием противоположных сил. Вальрас в своих воспоминаниях сообщал, что читал книгу в течение нескольких дней и решил использовать ее как модель для всей исследовательской программы в экономике.

Вальрас был убежден, что экономика должна быть такой же точной наукой, как теоретическая физика. Он позаимствовал из термодинамики модель, просто заменив физические символы на экономические. Таким образом, сначала его интерес к экономике был вызван не желанием разобраться в функционировании реального рынка и экономических процессов, а желанием сделать так, чтобы экономика была математизирована наподобие термодинамики.

В 1909 году, за год до смерти, Вальрас написал статью, которая называлась «Экономическая теория и механика», где утверждал, что идеалом экономической теории должна быть классическая механика и что его теория общего равновесия является попыткой создать такую теорию.

Предпосылки модели Вальраса

Модель Вальраса основана на ряде предпосылок, которые, это не сложно увидеть, не имеют ничего общего с реальностью.

Экономические агенты являются полностью рациональными оптимизаторами. У Менгера нет предпосылки, что люди обладают идеальной способностью к калькуляции (у Менгера люди несовершенны, совершают ошибки, они

подвержены чувствам, будущее является неопределенным, т. е. у Менгера вполне реалистичные предпосылки], у Вальраса же люди — абсолютно рациональные оптимизаторы, действующие как идеальный калькулятор.

Агенты обладают полной информацией о рыночной ситуации, которая заключена в ценах. Т. е. каждый индивид знает рыночную конъюнктуру, узнают они об этом в один момент времени.

У людей нет издержек на получение информации. Это также нереалистичная предпосылка, но без нее система Вальраса невозможна.

Сделки совершаются только по равновесным ценам, это означает, что не существует дисперсии цен и возможности для арбитража.

Вот он — «хрустальный дворец» Вальраса: мир с совершенной конкуренцией, транзакционными издержками, равными нулю, где все процессы происходят мгновенно. Это уже абсолютно несовместимо с реальной жизнью.

Если все процессы происходят мгновенно, то нет времени, нет процесса рыночной координации, нет рыночного процесса поиска прибылей, нет предпринимателя и всех остальных важных элементов рыночной картины мира. В общем, теория общего равновесия — это «сферический конь в вакууме».

Такая теория совершенно бесполезна для понимания реального рыночного процесса с живыми людьми.

Итог исследования Вальраса — доказательство возможности решения системы уравнений, описывающих все рынки. Отклонение же от равновесия устраняется у Вальраса «аукционистом», который собирает все заявки и устанавливает цену, пока она не «расчистит рынок».

Интересно, что абстрактная схема Вальраса сыграла большую роль в XX веке в решении проблемы централизованного планирования. Потому что за основу была взята теория общего равновесия и показано, что если это все работает, то при социализме это тоже будет работать. Вместо аукциониста — плановый орган, он все считает — и все прекрасно работает.

В середине XX века многие известные экономисты, среди них нобелевские лауреаты, создавали математические модели, включающие 5000 и более уравнений, претендовавших на описание того, как нужно устанавливать цены.

Следует отметить, что сами сторонники теории общего равновесия, в частности Марк Блауг, разочаровались в ее возможностях. Так, в 2003 году он писал: **«Лучший способ не узнать, как работают рынки и как в реальности работает конкурентная экономика, — это изучение теории общего равновесия»**¹⁷⁴.

Кроме того, Вальрас не сильно интересовался теорией предельной полезности. Он хотел создать теорию общего равновесия. И до недавнего времени считалось, что он пришел к этой картине, идя от теории предельной полезности.

Историки экономической мысли выяснили, что это не так. Жаффе в своих исследованиях пишет: «Вальрас не поднимался от предельной полезности на уровень своей системы общего равновесия, он, наоборот, спустился с этого уровня к предельной полезности»¹⁷⁵.

Если Джевонс и Менгер строили свою систему, исходя из предельной полезности (т. е. отталкивались от индивида и логически строили всю систему категорий), у Вальраса индивид «запихивается» в эту систему — просто как недостающий элемент. Причем индивид становился абстрактным, т. е. нереалистичным с точки зрения основных человеческих свойств.

Тем не менее Л. Вальраса это устраивало, и сейчас экономическая теория, которая преподается в университетах, — это теория общего равновесия. Это и есть наука, а все остальное — болтовня. Должно быть, Пифагор был бы в восторге от квантофрени и метромании Вальраса и его последователей.

КЕМБРИДЖСКАЯ ШКОЛА

Уильям Стенли Джевонс был более реалистичным человеком. Он, в отличие от Вальраса, не пытался создать систему общего равновесия. Он говорил, что это невозможно и не нужно. Следует понять, как работает отдельный рынок, а не как все взаимосвязано со всем в системе, где нет времени. Поэтому он построил концепцию, которая

¹⁷⁴ Блауг М. Формалистическая революция 1950-х годов // Истоки. М.: ВШЭ, 2015. С. 37.

¹⁷⁵ Jaffe W. Menger, Jevons and Walras De-Homogenised // Economic Inquiry. 1976. Vol 14. P. 513.

в дальнейшем была развита Альфредом Маршаллом в его модели спроса и предложения, которая содержится во всех учебниках по экономике.

Маршалл прямо декларировал, что экономическая теория должна использовать математический метод. Правда, трактовал его довольно широко, настолько, что включает в него работы Менгера. Именно Джевонс предложил рассматривать предельную полезность как результат бесконечно малых приращений. Кроме того, он был убежден, что экономическая теория должна основываться на психологии, а последняя, в свою очередь, стать математизированной, стать «арифметикой страданий и удовольствий», чтобы ее положения оказались настолько же универсальными, как геометрические теоремы. Несомненно, все это следует считать сциентизмом.

Джевонс и австрийская школа имеют общее: у Джевонса содержится понятие антиполезности труда, единственный график в трудах Л. фон Мизеса заимствован им из работы Уильяма Стенли Джевонса. В 1922 году в «Социализме» он использовал этот график, чтобы показать, как антиполезность труда влияет на выбор.

«Основания экономической науки» Маршалла 1890 года содержали графический анализ, который показывает равновесие между спросом и предложением, разграничение равновесий на Short Run и Long Run, а также понятия эластичности спроса по цене. В первом издании Маршалл активно ссылался на Менгера — читалось, как многому он обязан тому. Позже все эти ссылки были удалены.

В своих политических взглядах Маршалл может быть отнесен к фабианскому социализму, он был склонен к компромиссам и включил в теорию ценности и трудовые затраты, и полезность — от этого его видение стало еще более противоречивым. Верная концепция и ложная при их объединении не могут дать приращение положительного знания.

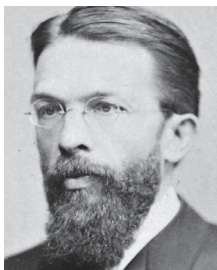
Следует отметить, что график «крест Маршалла» содержится в том числе у представителя австрийской школы М. Ротбарда в его книгах «Человек, экономика и государство» и «Власть и рынок», там есть также анализ рыночного равновесия, но М. Ротбард не исходил из измеримости полезности, как Джевонс. Джевонс был представителем кардина-

листского направления внутри маржинализма, т. е. исходил из того, что полезность измерима в абстрактных единицах «ютили». Следует отметить, что измерить их никому до сих пор не удалось.

Уильям Стенли Джевонс и Леон Вальрас были представителями двух функциональных школ маржинализма, а Карл Менгер шел в третьем направлении, его можно назвать научно-реалистическим.

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

Менгер

Карл Менгер написал свой главный труд в 1871 году, когда ему был всего тридцать один год. Он занимался финансовой журналистикой и старался объяснить, как работают реальные рынки, причем для этого совершенно бесполезна система общего равновесия Вальраса. Менгер тогда ее не знал, но и теория ценности классической школы не могла его удовлетворить.

Позже Менгер и Вальрас переписывались. Менгер был противником математического метода по той причине, что этот метод ничего не может сказать о сущности таких явлений, как предпринимательство, деньги, процент, биметаллизм и т. д.

Основоположник австрийской школы

О Менгере отзывались как о выдающемся преподавателе. Это, в частности, отметил в своей статье Хайек: «Человек, который мог сказать, что, если бы у него было семеро сыновей,

они все бы занимались изучением экономики, вероятно, был необычайно счастлив в своей работе. Свидетельством его дара внушать энтузиазм служит то, что многие выдающиеся экономисты с гордостью называют его своим учителем»¹⁷⁶. Вокруг Менгера сформировалась школа. Первым поколением его учеников были Ойген фон Бём-Баверк и Фридрих фон Визер. Лекции Менгера пользовались особой популярностью:

«Профессор Менгер выглядит достаточно молодо для своих 53 лет, в лекциях он редко использует записи, разве что для сверки с цитатами и данными. Кажется, что идеи приходят к нему во время чтения лекции, и они излагаются столь ясным и простым языком и сопровождаются столь уместными жестами, что слушать его одно удовольствие. Студент чувствует, что его подводят, а не подталкивают к выводам, а когда они достигнуты, они не возникают в уме, как нечто внешнее, а как очевидное следствие собственного мыслительного процесса. Говорят, тем, кто регулярно посещает лекции профессора Менгера, не нужно специально готовиться к выпускным экзаменам по политической экономии. Я готов поверить этому. Я редко вообще когда-либо слушал лектора, который обладал бы таким же талантом сочетания ясности и простоты суждения с философской широтой взглядов. Его лекции редко бывают непонятными даже самым слабым студентам, и тем не менее они всегда содержат что-то полезное для самых проницательных»¹⁷⁷.

Не меньше сделал Менгер для австрийской школы и своих последователей как ученый.

«Однако лучше всего его великий дар учителя раскрылся на его семинарах, на так называемых приват-семинарах, собиравших избранный круг наиболее прилежных студентов и многих из тех, кто уже давно защитил свои докторские диссертации. Менгер помогал готовиться докладчику, предоставлял свою обширную библиотеку, состоящую из двадцати тысяч книг, и даже покупал редкие книги. Он также обучал своих докладчиков публичной речи и технике дыхания»¹⁷⁸.

Самые известные книги Менгера — «Основания политической экономии» (1871) и «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883).

¹⁷⁶ Хайек Ф. Менгер К. М.: Территория будущего, 2005. С. 44.

¹⁷⁷ Там же, с. 41–42.

¹⁷⁸ Там же, с. 42.

Система Менгера

В самом начале своего трактата «Основание политической экономии» Менгер ссылался на Аристотеля и на закон причины и следствия, который нигде не прерывается в нашей Вселенной, он также характерен для человеческой деятельности. Причина и следствие в социальных науках и политической экономии — это цели и средства.

Цели и средства — то, что существует как основные причины нашей деятельности. Мы имеем определенное количество целей.

Полезность средств, которые у нас есть, будет определяться последней единицей того средства, которое удовлетворяет наименее настоятельную из существующих у нас потребностей. Это касается, например, потребности в воде, именно потому что у нас много средств под названием «вода», предельная полезность воды является низкой. С помощью теории предельной полезности разрешился парадокс «алмаз — вода».

Менгер определял ценность таким образом: «Ценность — это значение, которое для нас имеют конкретные блага или количество благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы создаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении»¹⁷⁹. Это определение говорит о том, что количество благ влияет на субъективное представление о ценности. Это и есть определение предельной полезности, которое в дальнейшем дал Визер.

Закон предельной полезности, который сегодня является фундаментальным, звучит в современной версии австрийской школы таким образом: «Наименее важная из всего множества потребностей, удовлетворяемых при данном запасе, называется предельной полезностью. Чем больше предложение блага, тем меньше его предельная полезность»¹⁸⁰.

Выбор

Единственный способ анализа реальности — это анализ того выбора, который мы совершаем. Мы совершаем один выбор и отвергаем другие варианты. Закон предельной полезности показывает, что одна и та же единица блага,

¹⁷⁹ Менгер К. Основания политической экономии. М.: Территория будущего, 2005. С. 125.

¹⁸⁰ Rothbard M. Man, Ecomomy, and State. Auburn: Mises Institute, 2009. P. 21.

изготовленная при одних и тех же затратах труда, будет иметь разную ценность в зависимости от того, сколько у нас благ.

Ценность мешка с зерном определяется не затратами труда на изготовление этого мешка, а предельной полезностью такого блага, как зерно. То есть все зависит от субъективных потребностей, о которых может судить только конкретный индивид, именно он сопоставляет цели и средства и действует в соответствии с этим. Подбирает средства — и либо они приводят его к цели, либо не приводят.

В его модели будущее является неопределенным, поэтому мы должны корректировать наше поведение в зависимости от результата. Менгер описывал человеческую деятельность, протекающую во времени, характеризующуюся тем, что мы часто заблуждаемся относительно будущего.

Некоторые полагают, что теория предельной полезности — это ветвь психологии. Мы пытаемся найти ценности внутри человеческой психики. Но на деле это не так. Австрийская школа не нуждается в психологическом обосновании, она нуждается в праксиологии, которую создал Л. фон Мизес.

Мизес просто констатировал факт, что, действуя, человек совершает выбор из различных альтернатив. Он нечто выбирает и от чего-то отказывается, и предмет отказа есть его субъективные альтернативные издержки. Чем больше благ, тем от менее значимой цели он будет отказываться, если это потребует. Наши ценности субъективны.

Кроме того, они несопоставимы. Следовательно, у нас нет никаких способов сделать так, чтобы некий орган, например государство, вмешиваясь в человеческую деятельность, знал бы, что людям нужно, а что не нужно. Вмешиваясь, оно лишь сделает неизбежным не самый лучший выбор.

Австрийская школа отличается от других направлений тем, что она последовательно идет от индивида. Даже у Джевонса мы находим совокупный спрос, его функция спроса является непрерывной за счет агрегирования. То есть для Джевонса характерен определенный холизм.

Более того, часто говорят, что маржинализм — это теория предельной полезности, где ключевое слово — предельная. В математике мы часто используем предельные величины. Но на самом деле аналогия между предельными величинами

в математике и предельной полезностью в экономике случайна. Потому что австрийская школа говорила не о предельной величине, а о граничной (Grenznutzen у Визера). Наш выбор определяется тем, что мы можем совершить с последней единицей блага, которая у нас есть. Это просто означает, что предельная величина дохода позволяет удовлетворить более базовые потребности и перейти к менее базовым. Здесь нет надобности переходить к бесконечно малым величинам. Действующий человек ими не оперирует. Получается, что есть принципиальная разница между австрийской школой и остальными двумя ветвями маржинализма.

Австрийская школа является каузально-реалистической, т. е. она отталкивается от реалистичной предпосылки о том, что человек — не всеведущее существо из плоти и крови, совершающее ошибки, — мы не можем измерить его полезность. И она говорит не о функциональных взаимосвязях вне времени, а о человеческой деятельности, где есть причина и есть следствие.

Кроме того, функциональные теории при построении теории общего равновесия отталкиваются не от реалистичных предпосылок, а от фикции о том, что нет прибыли и убытков, о том, что все происходит одновременно, о том, что все сделки совершаются по одной цене. И, взяв за основу «коня в вакууме» и приложив к этому математику, мы получаем красивую модель, не имеющую никакого отношения к реальности.

К сожалению, каузально-реалистическое направление известно в академическом сообществе гораздо меньше, чем функциональные теории, удобные тем, что можно загрузить студентов решением задач, расширить штат профессоров на экономических факультетах, которые будут заниматься разработкой методичек, задач, решением этих задач.

Вся эта деятельность в лучшем случае бесполезна, в худшем она становится источником пагубной самонадеянности и интервенционистской политики государства, разрушающей благосостояние.

Визер

Хотя принято считать Визера представителем австрийской школы, правильнее считать его сторонником теории общего равновесия. Визер находился под очень сильным

влиянием теории Вальраса в своей концепции вменения, а также в теории ценности он шел скорее за Вальрасом, чем за теорией Менгера с его субъективными этапами деятельности (блага разного порядка).

Визер также был сторонником использования маржинализма для обоснования перераспределения. **Он считал, что с помощью теории предельной полезности можно обосновать прогрессивное налогообложение.**

Принцип предельной полезности состоит в том, что по мере увеличения какого-то блага ценность снижается, следовательно, этот принцип можно применить к деньгам. Ценность денег убывает по мере увеличения их количества. Следовательно, если это так, то человек, у которого много денег, если он потеряет определенную сумму, получит меньше страданий, чем тот, кто получит их в результате перераспределения.

Это утилитаристский подход при распределении богатства от богатых к бедным, основанный на теории предельной полезности. **Визер совершал ошибку, отвергая теорему о невозможности межперсонального сопоставления полезностей.**

На нее указал Лайонел Роббинс в «Эссе о природе экономической науки» (1932), где продемонстрировал: эта логика Визера неприменима для межперсонального сопоставления полезностей.

Например, нельзя сказать, что пятый мешок зерна для нас менее важен, чем для кого-то другого десятый, или наоборот. У нас нет никаких объективных критериев для межперсонального сопоставления полезностей, потому что предельная полезность как закон действует только для самого индивида.

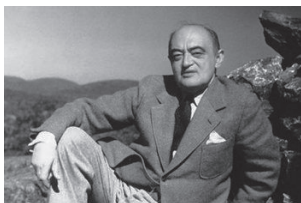
Важно отметить, что **не существует возрастающей предельной полезности (о чем часто можно услышать у представителей мейнстрима)**. Мы всегда ранжируем цели. Вне зависимости от того, какая цель выше, а какая ниже, каждая дополнительная единица средств означает удовлетворение менее настоятельной цели. Этот закон априорен, нельзя говорить о том, что наркотики, алкоголь или что-либо еще характеризуются положительным законом предельной полезности. Существует лишь закон убывающей предельной полезности.

Дегомогенизация

Начиная с XX века происходит дегомогенизация маржинализма. С одной стороны, развивается теория человеческой деятельности, или каузально-реалистическое направление (австрийская школа), с другой стороны — функциональная теория общего или частичного равновесия.

Австрийская школа рассматривает людей как *homo agens*, т. е. людей действующих. Что касается мейнстрима, то он рассматривает людей как *homo economicus*.

Шумпетер — «Барри Линдон» XX века

Йозеф Шумпетер — скорее австрийский экономист, но не представитель австрийской школы¹⁸¹.

Выпускник Терезианума — элитного учебного заведения, он в юности поставил перед собой три цели: стать самым выдающимся в истории экономистом, лучшим любовником и лучшим наездником в Австро-Венгрии. Он отмечал, что, скорее всего, все три цели не получится реализовать, потому что в Австрии слишком много хороших наездников.

В двадцать четыре года Шумпетер стал доктором наук, в двадцать семь — выпустил книгу, которая до сих пор считается классической: «Теория экономического развития». Эта работа сделала его выдающимся экономистом Австро-Венгрии, более того, он стал самым молодым министром финансов в Австро-Венгрии и крайне успешным молодым человеком.

В 1908 году вышел первый труд, сделавший его знаменитым. За год до этого он женился и вместе с супругой Глэдис Рикард Сиверс, которая была старше его на двенадцать лет,

¹⁸¹ В своей работе 1911 года «Теория экономического развития» он прямо писал, что нужно стремиться развивать теорию Вальраса, правда, без математики, но по одной простой причине: в немецкоязычном мире его просто не приняли бы всерьез; он делает это вербально, но вербальное описание у него лишь заменяет теорию общего равновесия.

они уехали в Каир, чтобы изучать то, что он потом описал в «Теории экономического развития». Одно из описаний путешественника в Каире в 1906 году содержит совершенно особый образ этой страны:

«Вместо потряскавшихся каменных плит и живописных восточных чудес я нашел там яркие огни, электрические трамваи, автомобили, спроектированные Александром Эйфелем. Гидравлические мосты и бутилированную воду, а высоток там было не меньше, чем минаретов, купить в Каире кружку холодного эля или “Daily Mail” оказалось так же просто, как в Нью-Йорке или Лондоне. Деловой район с его башнями, универмагами из стекла на чугунных каркасах с гигантскими роскошными отелями, множеством банков, телефонных и телеграфных контор придавал Каиру вид европейского города. Окрашенные в пастельные тона жилые районы, выстроенные в стиле “belle-époque”, широкие бульвары и открытые кафе напомнили путешественнику Париж»¹⁸².

Египет произвел на Шумпетера очень сильное впечатление страны, которая буквально за несколько лет стала очень развитой в капиталистическом отношении, и он решил создать свою теорию развития, которая до этого отсутствовала в экономической науке.

Амбициозный молодой человек совершил поездку в Лондон, где встретился с Альфредом Маршаллом и объяснил 65-летнему экономисту, что собирается создать теорию экономической динамики, то, над чем работал сам Маршалл и считал непосильной задачей.

Шумпетер считал, что он может это сделать и будет исследовать не формирование цен на отдельном рынке, а пути развития капитализма, т. е. включит в свою теорию фактор времени, развития, экономического роста.

Шумпетер был богатым человеком и мог многое себе позволить. В 1925 году он стал главой Биттерман-банка, который принес ему огромное состояние. Шумпетер был известен своими любовными похождениями. Вот, например, одно из описаний его поведения в столице:

«Он снимал апартаменты в роскошном отеле “Астория” за углом от министерства, квартиру на Штрудльхоффассе, а также половину графского дворца, где закатывал роскошные чаепития и обеды для Ротшильдов, Виттгенштейнов

¹⁸² Назар С. Путь к великой цели. М.: АСТ. С. 250–251.

и других плутократов, а также для иностранных дипломатов, журналистов и политиков. Он часто подкатывал к министерству в роскошном конном экипаже, ел в лучших ресторанах, пил лучшее французское шампанское, а под руку с ним или рядом с ним в карете часто видели девушек по вызову, иногда даже двух»¹⁸³.

В 1925 году Шумпетер познакомился с Ани Райзенгер, которая стала его возлюбленной. Это был самый счастливый период его жизни. Богатый банкир, жена, сын, который должен появиться на свет — казалось, жизнь удалась!

Но буквально в течение года на него обрушилась волна проблем: умерла его мать, жена и сын при родах. Потом разорился его банк, после чего он долго страдал от депрессии. Он стал аскетом и остаток жизни посвятил науке.

Шумпетер как теоретик

Йозеф Шумпетер внес вклад в теорию предпринимательства, где предприниматель («новатор») — тот, кто создает новые комбинации факторов производства. Надо сказать, что предприниматель благодаря А. Смиту на более чем 130 лет исчез из поля зрения экономистов. Так что создание теории предпринимательства — это очень важный момент. У Шумпетера предприниматель порождает процесс «созидательного разрушения», т. е. своими новыми комбинациями он уничтожает старые отрасли и продукты и создает новые. Правда, его прибыль носит временный характер, так как «новая комбинация» скоро становится известной, и тот факт, что она приносит высокую прибыль, направляет деятельность подражателей в эту область. Через какое-то время конкуренция уничтожает прибыли предпринимателя.

Концепция Шумпетера было скорректирована И. Кирцнером в книге «Конкуренция и предпринимательство» (1973). В ней показано, что предприниматель обладает особой alertностью (бдительностью) к еще не реализованным актам обмена, способным привести к взаимному выигрышу сторон. Его роль исключительно созидательная (без разрушения), она обеспечивает социальную координацию и экономический порядок.

В остальном вклад Шумпетера скорее отрицательный.

¹⁸³ Назар С. Путь к великой цели. М.: АСТ, 2013. С. 310.

Он был сторонником теории общего равновесия Вальраса, связывал новые комбинации с частичным резервированием банков и тем, как они, являясь «эфорами рыночной экономики», определяют судьбу новых инвестиционных проектов. Шумпетер предсказывал крах капитализма и триумф социализма в книге «Капитализм. Социализм. Демократия». Причина этой гибели, по Шумпетеру, в деятельности интеллигентов, которые подрывают моральные основы духа предпринимательства.

На сегодняшний день теория предпринимателя Найта-Мизеса рассматривает предпринимателя как того, кто приобретает по известной цене, а продает по неизвестной, т. е. получает вознаграждение в виде прибыли за способность лучше других работать в условиях неопределенности и предсказывать будущее состояние рынка.

ГЛАВА 11

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ТРАДИЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Первое, к чему принуждали заезжего экономиста, был визит в Новую школу социальных исследований, где требовалось выслушивать, как Торстен Веблен саркастически и почти неразборчиво бормочет что-то перед группой восторженных пожилых дам — поразительно неприятное впечатление.

Хайек о своей первой поездке в США в начале 1920-х гг.

Историческая школа экономики родилась в Германии как реакция на английскую политическую экономику и манчестеризм. Первоначально главным врагом исторической школы был Адам Смит. Давид Рикардо вызывал не меньшее неприятие. Но, когда на горизонте появился социализм,

представители исторической школы увидели спасение в государственлении экономики. Историческая школа подготовила почву для этатизации и милитаризации немецкой экономики при Бисмарке, а также способствовала приходу к власти национал-социалистов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Спор о методе

Между австрийской и исторической школами существовал известный спор о методе: *Methodenstreit*. В этом споре Менгер и его последователи отстаивали абстрактный метод экономической теории, в то время как Шмоллер и его адепты настаивали на эмпирическом методе. Как известно, историческая школа не принимала абстрактный метод и считала, что единственным методом является историческое описание.

Шмоллер боролся за нераспространение знаний о теоретической экономике в немецких университетах. В частности, предпринял все возможное, чтобы в немецких университетах не работали сторонники австрийской школы и ученики Менгера.

Один из учеников Шмоллера взялся писать докторскую диссертацию в несколько сот страниц, иллюстрированную статистическими таблицами и диаграммами. Его исследование было посвящено колебанию цен мясных консервов в Восточном Берлине в 1900–1905-х годах. Затем как хороший докторант он сделал выводы своей работы: «Мы можем предварительно утверждать, что производство мясных консервов в восточной части Берлина в 1900–1905-е годы находилось под влиянием спроса и предложения»¹⁸⁴.

Реалистически-эмпирическое направление утверждало, что теория никому не нужна, что мы должны коллекционировать факты, проводить реальные исследования. Ведь всем интересно, какие в Восточном Берлине в 1900–1905 годах были цены на мясные консервы! Более того, благодаря исто-

¹⁸⁴ Роббинс Л. История экономической мысли. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 339. Роббинс заключает: «К 1914 году основная часть экономических факультетов немецких университетов не производила ничего, заслуживающего внимания».

рической школе мы знаем (правда предварительно!), что скорее всего на это повлияли спрос и предложение.

А вот как представители исторической школы описывали такое явление, как кредит (при этом они считали, что нужно использовать органический, точный или эмпирический метод):

«Когда правительство берет заем у дома Ротшильдов, органическая теория описывает процесс так: действия дома Ротшильдов в такой ситуации подобны поведению группы клеток человеческого тела, которые участвуют в производстве крови для питания мозга, в надежде на вознаграждение за счет реакции клеток серого вещества, которая им нужна для реактивации и накопления новой энергии»¹⁸⁵.

Нажется, большей фантастики невозможно и придумать! Чего бы мы достигли в естественных науках, если бы за основу взяли метод аналогий?!

Лист

Фридрих Лист был одним из отцов идеологии протекционизма в XIX веке, его почитал Сергей Юрьевич Витте и полагал, что в России надо придерживаться принципов протекционизма Листа.

Еще один сторонник протекционизма, Дмитрий Иванович Менделеев, также считал, что младенческие отрасли должны защищаться государством (опровержение этой теории содержится в главе о меркантилизме).

Лист побывал в США и взял идеи протекционизма у последователей Александра Гамильтона, которые ратовали за политику протекционизма в США.

Старая историческая школа — Вильгельм Рошер, Карл Книс. Это те люди, которые создавали немецкие университеты и экономические кафедры и делали все возможное, чтобы те, кто приезжал учиться из США, получили определенного рода идеи, связанные с регулированием, социализмом и прочими вещами, которые до этого не были очень популярны.

Прогрессизм и институционализм

Среди учеников были американские профессора, в частности Ричард Элай и Джон Бейтс Кларк. Университет

¹⁸⁵ Lilienfeld P. Le Patologie Sociale. Paris: Giard&Briere. 1896, P. 95.

Джонса Хопкинса, который был создан в то время, имел подавляющую часть профессоров, которые учились в Германии, поэтому они привозили в США новомодные теории социализма и этатизма.

Зомбарт

Вернер Зомбарт прославился своей особой любовью к национал-социализму, одно время он был большим поклонником Маркса и его теории, потом перешел на сторону национал-социализма. Американская экономическая ассоциация, созданная его учеником в США, наградила Зомбарта званием почетного члена, это же сделали многие университеты.

Зомбарт всерьез говорил о том, что существует некий фюрер на небесах, и свое непрерывное откровение вождь получает от высшего фюрера Вселенной. Это откровение вождь национал-социалистов дает своему народу, и народ должен покорно выполнять его волю.

Зомбарт также написал книгу «Торгаши и рыцари», где доказывал, что еврейский дух торгашества несовместим с духом рыцарства, присущим немецкому народу. Это также хорошо вписывалось в доктрину национал-социалистов.

Свойства исторической школы

Важным элементом доктрины исторической школы был этицизм, т. е. они отрицали английскую науку Рикардо и Смита как утилитаристскую. Они полагали, что homo oeconomicus — выдуманная абстракция, что реальный человек должен служить определенным этическим принципам, а экономика вовсе не должна заниматься «теорией спроса и предложения», потому что это слишком низко.

Экономика должна заниматься реформированием человека, провозглашать правильные этические принципы, перевоспитывать людей на новых принципах.

Прогрессисты в США так и поступили. Они были сторонниками енгеники, войн, социализма, сухого закона. Они вели борьбу с капитализмом, потому что свободный рынок, как они полагали, порождает моральные искушения и разрушает общество.

Вебер

Этицизм и вождизм отсутствовали у выдающегося немецкого социолога Макса Вебера, он в этом смысле был исключением в исторической школе. Мизес оказал на него сильное влияние. Они были знакомы и очень уважительно относились друг к другу. Видимо, Мизес передал Веберу противоядие от различных прогрессистских прожектов исторической школы. Вебер считал работу Мизеса «Теория денег и фидуциарных средств обращения» наилучшей по этому вопросу и просоединялся к теореме о невозможности экономического расчета при социализме. Между ними существовало несогласие по вопросам методологии. Вебер полагал, что его концепция «идеальных типов» включает и экономические категории, Мизес же отстаивал не эмпирический, а дедуктивный метод в экономической теории.

Что касается знаменитой гипотезы Вебера о положительном влиянии протестантизма на развитие капитализма, то можно считать ее на сегодняшний момент опровергнутой¹⁸⁶.

Когда Хайек искал, с кем можно сравнить Мизеса, он не нашел более подходящей фигуры, чем Вебер: «Когда в поисках аналогичной фигуры я оглядываю историю идей, — писал Хайек в 1977 году, — я не нахожу ее среди профессоров, и даже Адам Смит здесь не годится. Мизеса следует сравнивать с мыслителями типа Вольтера или Монтескье, Токвиля или Джона Стюарта Милля. Для его работ характерна глобальная интерпретация социального развития, и **в отличие от немногих современников, сравнимых с ним по масштабу, таких как Макс Вебер, преимуществом Мизеса было подлинное знание экономической теории**»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Капелюшников Р. И. Гипноз Вебера (заметки о «Протестатской этике и духе капитализма»). М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2018.

¹⁸⁷ Фридрих фон Хайек. Судьбы либерализма. М.: ИРИСЭН, 2009. С. 187.

Как мне представляется, именно это подводит современных последователей Вебера: их не слишком интересует экономическая теория, их вполне устраивает институционализм с его готовностью принять интервенционизм и «социальное государство».

Прогрессизм

Американские экономисты Д. Б. Кларк и Р. Элай впитали идеи исторической школы, обучаясь в Германии.

Возвращаясь из Германии, Элай и Кларк говорили о том, что Америка — очень отсталая страна. Капитализм крайне неустойчив, и требуются серьезные социальные реформы.

Кларк в книге «Философия богатства» в 1886 году писал о необходимых переменах:

«Среди капиталистов царит также порочный дух солидарности, проявляющийся в монополии. Неограниченная конкуренция опасна. Предпринимательской деятельности явно присущ трагический дуализм, она предполагает, с одной стороны, сознательность, а с другой стремление к бесчестным поступкам... все же единственный здоровый способ обеспечить рост всеобщего благосостояния — это более тесная кооперация, тем более — тесная кооперация между трудом и капиталом, которая должна регулироваться государством»¹⁸⁸.

Элай писал о войне: «Если взять мальчиков, болтающихся на улицах и в барах и занять их строевой подготовкой, мы получим отличный моральный эффект, и на экономике это отразится великолепно»¹⁸⁹.

А вот что он писал о государстве: «Бог осуществляет свои намерения через государство в большей степени, чем через какое-либо иное учреждение»¹⁹⁰.

Элай стал основоположником «висконсинской школы прогрессизма» и был убежден, что «государство религиозно по своей сути и нет такой ипостаси человеческого существования, которая была бы ему неподвластна»¹⁹¹.

¹⁸⁸ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. С. 191.

¹⁸⁹ Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: РидГрупп, 2012. С. 115.

¹⁹⁰ Там же, с. 228.

¹⁹¹ Там же.

Элай оказал большое влияние на политиков-прогрессистов В. Вильсона и Т. Рузвельта. Оба считали его своим учителем и восхищались им.

Элай в 1892 году призывал устраивать стачки, митинги, призывал к социализму и к забастовкам, за что его попытались уволить из университета, и с тех пор считается, что первая победы академической свободы над капитализмом была победой Р. Элая, которого не уволили, а оставили в должности. С тех пор академическая свобода означает возможность получать свой доход за счет капитализма и при этом разрушать его изнутри — через университеты.

Следствием изменений в теории стали политические перемены. Прогрессист Вудро Вильсон в 1913 году ввел в США подоходный налог, создал центральный банк — ФРС. Во время Первой мировой были опробованы меры национализации, регулирования цен и объемов производства, а также борьба с инакомыслием. Хотя после Вильсона произошел возврат к норме, оказалось, что лишь вопрос времени, когда следующий кризис благоприятно скажется на проталкивании новых прогрессивных идей.

Интеллектуалы конца XIX — начала XX века подготовили необходимую почву для того, чтобы программу Ф. Рузвельта приняли легко и без особых проблем.

Рецепция идей исторической школы в США в XX веке произошла благодаря трем институционалистам: Торстейну Веблену, Уэсли Митчелу и Джону Коммонсу. Все трое были представителями прогрессивного движения в США и готовили общественность к левому повороту.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Веблен и его последователи

Наиболее взбалмошным человеком среди довольно ярких представителей институционализма был, несомненно, Торстейн Веблен, родившийся в США и имеющий норвежские корни. Он прожил до 1929 года и скончался за несколько месяцев до краха фондовой биржи.

Доживи он до этого времени — радовался бы, что за этим последовало, ведь для Веблена главным злом были

предприниматели и финансисты, а главным предметом любви и восхищения — инженеры.

Веблен направлял свою энергию на изобличение лживости и порочности людей, которые стремятся к благосостоянию. «Теория праздного класса» (1899) Веблена была таким вкладом в критику капитализма.

Веблен полагал, что **главным злом для капиталистической фирмы является предприниматель (!)**, именно он мутит воду, именно он мешает рациональному техническому производству, работе инженеров, именно он, предлагая новые идеи, разрушает порядок, именно он оперирует с непонятными финансовыми терминами, именно он пользуется банковским кредитом, облигациями, векселями, залоговыми схемами, именно он использует финансовые рычаги для того, чтобы фирма процветала, и именно он — разрушитель фирмы.

Чтобы фирма нормально функционировала, нужно убрать коммерсантов и финансистов и оставить во главе общества людей с четкими техническими знаниями, больше никто не нужен. Веблен, продолжая линию социалистов-утопистов, был представителем технократической левой утопии.

Веблен полагал, что основным мотивом деятельности буржуазии является демонстративное потребление, в основе которого надуманные потребности, создаваемые предпринимателями. Большую ненависть у него вызывала собственность акционеров, он называл ее «абсентистская собственность».

В 1923 году вышла последняя работа, в которой Веблен доказывал, что собственность и кредит — обветшалые институты и от них нужно отказываться.

Воистину, Веблен подготовил публику к рузвельтовской программе этатизации экономики.

Его ученик Уэсли Коммонс шел дальше учителя и полагал, что нужно реорганизовать экономическое знание на основе синтеза экономики, права и этики; должно происходить превращение неорганизованных правил в организованные, государство же выберет из них правильные, формулируя и принимая законы.

Уэсли Митчелл также был учеником Веблена. Он, как и многие прогрессисты, работал в Колумбийском уни-

верситете, противился дедуктивному методу и основал то, что сейчас имеет огромное влияние — Национальное бюро экономических исследований.

Одно время там работал Хайек: в 1920-е он получил грант на стажировку в США, грант быстро закончился, и нужно было возвращаться обратно. Он очень хотел оказаться в центре экономической мысли и одно время даже подрабатывал на Пятом авеню в Нью-Йорке, где мыл посуду в кафе. Вскоре ему предложили работу в Национальном бюро экономических исследований. Однако впечатления Хайека об уровне экономической теории в США остались в целом негативными.

Когда основали Национальное бюро, в воздухе витала идея о том, что с помощью статистики можно открыть опережающие индикаторы и предсказать экономический кризис. Институционалисты не разработали теории экономического цикла, но они сделали многое для сбора и обработки статистических данных о состоянии дел в экономике.

В 1930-е годы институционализм вышел на первый план, все больше экономистов становились поклонниками институциональной теории У. Митчелла и Дж. Коммонса. Они подхватили идею Веблена о регулируемом капитализме и неприятию свободного рынка.

Тогда же пришел к власти Рузвельт, популярности дерижизма которого они способствовали, однако к 1933 году их роль отошла на второй план, институционализм сменился кейнсианством (Рузвельту были нужны мощные средства власти, а не просто установление «правил игры»), сами же институционалисты перешли в экономическую социологию. Видимо, отсюда такой запал ненависти к капитализму, столь характерный для левых интеллектуалов США.

Историческая школа, несомненно, является источником идей прогрессистского движения в США, **традиционный институционализм — это перенесение на американскую почву европейского социализма.**

Хотя это интервью выдуманное, оно хорошо отражает особенности институционального подхода¹⁹²:

— Скажите, профессор, что вы думаете о важности институтов в современном мире?

¹⁹² Диалог принадлежит Григорию Геннадьевичу Сапову и был опубликован в его ЖЖ. К сожалению, на данный момент этот диалог не доступен в Сети.

— Я думаю, что институты чрезвычайно важны. Раньше считалось, что институционализация возможна как бы и без институтов. И что соответствующие процессы можно описывать в терминах самих процессов, не используя понятия института. Но с появлением институционализма стало ясно, что это далеко не так.

— Как бы вы охарактеризовали современное состояние институтов?

— Я думаю, что институтов не хватает. А те, что есть, недостаточно развиты. Понимаете, чтобы общество было полноценным, должны быть полноценные институты, и, наоборот, чтобы институты могли функционировать, нужно полноценное общество.

— И с этой точки зрения?

— И с этой точки зрения необычайно важно внимательно относиться к проблемам институтов и проблемам институционального развития вообще, потому что, как я уже говорил, институты — это такой атрибут современного общества, без которого буквально никуда. Мы ведь сами того не осознаем, но буквально окружены институтами. Вот что такое, по-вашему, суд?

— И что же?

— Суд — это такой институт.

— Да что вы?!

— Да. А что такое, скажем, милиция, прокуратура — да любое силовое ведомство?

— Также институт?

— Именно, они тоже институты. А вот скажите, другие ведомства несиловые, они институты или нет?

— Они? Они-то, наверное, точно институты.

— Молодец, быстро схватываешь. Да, и это тоже институты. Театры, цирки, все зрелища вообще — это такой весьма сложный институт, и он тоже подвержен всему, чему подвержен любой институт, то есть я не хочу мазать все черной краской: институционализация идет, только очень медленно и непоследовательно. Можно сказать, что институт президентства в России уже сложился, а институту оппозиции еще, так сказать, предстоит сложиться. Процесс этот непростой, он не может быть быстрым и гладким. С другой стороны, он не может не быть простым, не может быть дли-

тельным, на пути институционализации возникают барьеры.

— Какого рода барьеры?

— Институциональные, их тоже изучает институционализм. Барьеры, да, институциональные барьеры на пути развития институтов тоже нужно снимать.

— Как?

— Институционально, потому что раз барьеры институциональные, замечу в сторону, что эти барьеры они не только институциональны, но они и сами в некотором роде институты, институциональные институты. Итак, раз институт барьеров институционален, а он институционален по определению, то анализ того, как их снимать, что такое снимать, кто должен их снимать и когда, такой анализ, конечно, естественно выполнять в рамках институционального подхода.

— Большое спасибо, профессор, за содержательное интервью¹⁹³.

¹⁹³ Как мне представляется, современные мейнстримные историки экономики, такие как Д. Асемоглу (книга «Почему одни государства богатые, а другие бедные») и Д. Норт (книга «Насилие и социальные порядки»), следуют этой традиции. Вот вкратце их теория. Бывают богатые общества, но бывают и бедные. В богатых обществах хорошие институты, в бедных — плохие. Бывает, по неизвестной причине, что хорошие институты меняются на плохие, тогда общество беднеет. Но бывает и наоборот, тоже по непонятной причине: плохие институты меняются на хорошие, и общество богатее. Вывод: причина изменений — в институтах. Примерно этим занимаются современные институционалисты.

ГЛАВА 12

КЕЙНС И МАКРОЭКОНОМИКА

...Я хотел бы обратиться к странному интеллектуальному параличу, который, по-видимому, охватывает столь многих современных экономистов, когда доходит до теории Кейнса. Даже обнаруживая серьезные ошибки, они все же не могут убедить себя, что за дымом репутации нет оправдывающего ее огня...

Генри Хэзлитт

Как выглядит система взглядов на макроэкономику? Слева кейнсианство — за государственное регулирование, справа австрийская школа — за экономическую свободу. Существует также монетаризм, он находится примерно посередине.

Кейнсианство и монетаризм объединились во второй половине XX века в единое целое, чтобы игнорировать и вытеснить австрийскую школу. Макроэкономика сегодня — это спор между теми, кто за активную политику государства в экономике, и теми, кто выступает за умеренную политику

государства. «Австрийская макроэкономика» Р. Гаррисона практически неизвестна¹⁹⁴.

Существует миф, который транслируется в большинстве университетов, о том, что «австрийцы» отрицают макроэкономину. Он возник потому, что Хайек критиковал Кейнса и говорил, что агрегатный подход, предложенный Кейнсом, неприемлем, так как методологический индивидуализм означает, что мы не можем говорить о поведении целостных групп. На самом деле макроэкономика — это не столько перечень методов, сколько проблем: безработица, инфляция, экономические циклы, экономический рост. И эти проблемы исследуются в рамках австрийской экономической школы. Так что вполне оправданно говорить о макроэкономике по-австрийски.

Треугольник макроэкономики

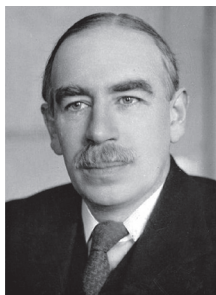
В 1936 году вышла в свет «Общая теория занятости процента и денег» Дж. М. Кейнса, которая считается книгой, перевернувшей экономическую теорию. С тех пор история экономической мысли делится на два периода: до Кейнса и после него. Такой подход в своем двухтомнике избрал Марк Блауг.

До сих пор считается, что перед нами работа Мастера (Скидельски назвал свою книгу о Кейнсе «Возвращение Мастера»). Однако если разобраться более детально, то выяснится, что **теория Кейнса и не нова¹⁹⁵, и не верна.**

¹⁹⁴ Garrison R. Time and Money. NY.: Routledge, 2001.

¹⁹⁵ На самом деле теория Кейнса не создала макроэкономину. Уже до Кейнса Р. Кантильон размышлял о богатстве и его распределении, подробно описал теорию населения и теорию денежного обращения. Кнут Викасель в XIX веке предложил теорию о кумулятивном процессе. В Германии были теоретики, которые придерживались подобных взглядов.

Жизнь Мастера

Кейнс был сыном кембриджского профессора Джона Невилла Кейнса, известного методолога экономической науки, ратовавшего за ее математизацию.

Кейнс не получил систематического экономического образования и не добыл какой-то ученой степени по экономике. В университете Кембриджа изучал немного экономику, но главным предметом выбрал математику. Сдав экзамен и получив степень бакалавра в 1904 году, прочитал ради интереса «Принципы экономики» Альфреда Маршалла и стал писать ему письма, которые неизменно возвращались с ободряющими замечаниями на полях. Переписка длилась восемь недель. В 1905 году Кейнс сдал экзамены на право служить по гражданской части. Хуже всего были оценки по математике и экономике.

После Первой мировой он написал работу об экономических последствиях мирного договора, где раскритиковал страны-победительницы за большие репарации с Германии и создал миф о том, что репарации уничтожили немецкую экономику, а именно: страны-победительницы виноваты в том, что они загнали в угол Германию, потребовав непосильные платежи.

Лидия Лопухова, супруга Кейнса, была балериной дягилевской труппы.

Несомненно, Кейнс — человек незаурядных способностей, прежде всего с точки зрения PR: он использовал свою риторику для создания образа Мастера, который предлагает миру план спасения. Он вращался в кругу фабианцев (английских социалистов) и в целом разделял их взгляды.

УЧЕНИЕ МАСТЕРА

Политические взгляды Кейнса были очень далеки от защиты свободного рынка. Одна из его статей так и называется: «Конец Laissez Faire».

Кейнс прямо объявлял себя противником капитализма: «Я не являюсь защитником капиталистической системы в ее современной форме».

«Позвольте мне указать два пункта [централизованного государственного воздействия]: численность и качество населения; размах и направление новых национальных сбережений из года в год... *«Ленинизм — предмет величайшего интереса. Мы, люди Запада, будем наблюдать все то, что делается в СССР, с чувством и живым интересом в надежде, что мы можем найти такие вещи, относительно которых мы можем тут поучиться»*¹⁹⁶.

За что же ратовал Кейнс?

«Я защищаю [рост государства]... и как единственно практическое средство избежать разрушения существующих экономических форм как целого, и как условие успешного функционирования личной инициативы», — писал Кейнс в своей знаменитой книге «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшей в 1936 году¹⁹⁷.

Кейнс с пониманием смотрел на рост антисемитизма в Германии 1930-х.

«Я чувствую, что если бы жил там, то мог бы сделаться антисемитом. Бедные пруссаки слишком медлительны и неповоротливы по сравнению с другим типом евреев — не эти ми мудрыми бесами, а деловыми чертями, с рогами, вилами и сальными хвостами... Неприятно видеть цивилизацию, подчиненную нечистым евреям, у которых сосредоточилось все — и деньги, и власть, и мозги. По мне уж лучше пухлые домохозяйки и толстопалые парни из Вандерфогеля»¹⁹⁸.

Кейнс был вице-президентом и членом правления Британского общества евгеники и считал евгенику «самой важной, существенной и реальной ветвью социологии». В 1929 году Кейнс встретился с Освальдом Мосли, главным чиновником правительства по общественным работам.

¹⁹⁶ Кейнс Дж. Экономический перелом в Англии // Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 938–939.

¹⁹⁷ Майбурд Е. М. От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей (выпуск второй). Ганновер: Семь искусств, 2017. С. 225.

¹⁹⁸ Назар С. Путь к великой цели. М.: АСТ, 2013. С. 389.

В предисловии к немецкому изданию своей книги 1937 (!) года, он признавал, что его теория гораздо больше подходит для авторитарного режима, который был тогда в Германии, чем для других стран мира. Несложно догадаться, к кому это было обращено.

Теория Мастера: в любой непонятной ситуации — потребляй!

Теория Кейнса предельно проста.

Тезис 1. Капитализм — это внутренне неустойчивая система, которая периодически порождает экономические кризисы. Виновы в этом инвесторы¹⁹⁹.

Тезис 2. Эти кризисы необходимо устранять путем «социализации инвестиций», проще говоря, за счет государственных расходов.

Тезис 3. В долгосрочном периоде нас ждет вековая стагнация, так как с ростом доходов люди все меньше потребляют и больше сберегают. Нас ждет перманентный «кризис перепроизводства».

Тезис 4. Чтобы избежать вековой стагнации, нужно, чтобы государство стимулировало «дух жизнерадости».

Таким образом, призыв Кейнса очень прост: **«Потребляйте! Потребляйте! С вами Моисей и пророки!»**

Конечно же, лучший образ кейнсианской теории — алкоголик, жертвующий будущим ради настоящего: он никогда не забывает крылатую фразу Кейнса «In the Long Run we are all Dead».

Ошибки Мастера

1. Сбережения — это не инвестиции

Представим, что такое сбережения, на следующем примере. Допустим, вы получаете заработную плату в размере 2000 у. е. Вы их можете использовать по-разному. Например,

¹⁹⁹ Айн Рэнд в книге «Апология капитализма» пишет: «Лорд Кейнс был уверен, что Рузвельт сможет их (бизнес) приручить и подчинить, если будет следовать простым кейнсианским правилам. "Вы сможете делать с ними все что угодно, — продолжал он, — если будете обращаться даже с самыми крупными из них не как с волками и тиграми, а как с домашними животными, хотя и плохо воспитанными и не выдрессированными так, как вам бы хотелось"».

вы можете 1000 у. е. потратить за месяц на различные нужды. Оставшаяся 1000 у. е. — это сбережения. Часть этих сбережений вы можете инвестировать, например, в образование, в бизнес, куда-то еще. Та часть сбережений, которая останется, — ненаправленные на инвестиции сбережения. По Кейнсу, если такие деньги остаются и их много, наступает кризис перепроизводства. Чтобы людей заставить тратить, т. е. стимулировать потребление, государство должно увеличить расходы. «Пускай государство строит египетские пирамиды, пускай оно развязывает войны, но оно должно вдохнуть жизнь в экономику», — так считал Кейнс. Он признавал, что те доходы, которые идут на инвестиции, не создают проблем для экономики.

Оставшаяся сумма денег, изъятая из экономики, приводит к тому, что покупательная ценность оставшихся денег пропорционально становится больше. Никаких проблем в результате сбережений в экономике не будет.

2. Богатство антисоциально

Согласно теории Кейнса, богатый человек — зло для развития экономики, так как его склонность к потреблению меньше, чем у бедного. Это следует из «основного психологического закона» Кейнса: чем больше доход, тем меньше доля потребления и больше доля сбережений. Перераспределение денег от богатых людей к бедным, к тем, кто тратит, является правильной политикой, по Кейнсу. Люди будут тратить деньги и таким образом толкать экономику вперед. Однако никакого «психологического закона» Кейнса не существует. Рост благосостояния приводит к увеличению трат и росту инвестиций, которые продолжают толкать экономику вперед без кейнсианских рецептов.

3. Мультипликатор в руках чиновников — инструмент решения проблемы кризисов

Ключевой урок Бастиа: обращать внимание на то, чего не видно, на неявные последствия решений. Рост государственных расходов может произойти лишь за счет сокращения расходов частного сектора. Таким образом, чиновники не способны за счет мультипликатора расходов повысить темпы роста экономики. Они способны лишь перераспределить

ресурсы в свою пользу и в пользу групп особых интересов, что снизит эффективность экономики.

4. Финансист — главный враг роста экономики

Кейнс мечтал об отрицательной процентной ставке и об «эвтаназии рантье». Для него в этом состоял ключ к росту экономики. Финансист же накапливает богатства и требует процент. С позиций Кейнса инвестор (и финансист) — это иррациональный человек, который в периоды тотального оптимизма все вкладывает, а в период кризиса он является источником спада, потому что так же необоснованно пессимистичен. Поэтому нужно порождать «оптимизм» в период кризиса — за счет государственных расходов. Однако такой оптимизм потребует сокращения чьих-то расходов и вызовет «пессимизм» тех, кого лишили средств, тем самым приводя лишь к перераспределению блага, а не к увеличению его количества. Общий уровень «оптимизма» не увеличивается.

5. Процент — чисто денежное явление

Кейнс полагал, что процент — чисто денежное явление. Если не хватает расходов, нужно снизить процент, увеличивая государственные расходы и денежную массу. Однако процент не является денежным явлением. Он — следствие временно-го предпочтения²⁰⁰, которое не бывает отрицательным. Когда центральный банк понижает процент, он лишь искажает структуру капитала, не увеличивая запас капитала в обществе, это порождает ошибочные инвестиции.

6. Чиновник способен обеспечить полную занятость

Известен пример политики Рузвельта, который боролся с безработицей с помощью привлечения безработных к общественным работам. На самом деле он не сократил безработицу и не вывел США из Великой депрессии. Человек, который разгребает грязь в общественном парке за счет государственных денег, не получает деньги из воздуха благода-

²⁰⁰ Суть закона временного предпочтения: «блага, которые мы получаем раньше, имеют большую ценность, чем блага, которые мы получили позже». Например, чашка кофе сейчас и эта же чашка кофе через год — это разные блага. Когда у нас есть выбор, иметь ли благо сейчас или в будущем, мы всегда будем учитывать фактор времени. Положительный процент — неотъемлемое явление человеческой деятельности.

ря Санта-Клаусу под названием «государство». Этот человек получает деньги вместо другого человека, который мог бы построить какой-нибудь завод. Война также не снижает безработицу: человек из безработного становится военным. Ресурсов в экономике при этом больше не становится. Поэтому **чиновник не способен обеспечить полную занятость. Он способен лишь бюрократизировать экономику и снизить ее эффективность.**

7. Капитал является однородным, в кризис нужно увеличивать расходы, так как их не хватает в условиях кризиса недопотребления

Капитальные блага неоднородны. «Стул не то же самое, что стол». Рассмотрим, что такое инвестиции на примере портфеля школьника или студента. Если школьник или студент пришел на контрольную по математике, и выяснилось, что у него вместо конспектов по математике в портфеле конспекты по русскому языку и истории, то можно ли считать, что у него недостаточно конспектов? С точки зрения Кейнса — да. Кризис этого школьника, который выразится в неудовлетворительной оценке, будет объясняться как раз тем, что у него недостаточно конспектов, потому что все конспекты, согласно кейнсианской теории, рассматриваются как абсолютно одинаковые, гомогенные. Однако структура капитала неоднородная. Так и неудовлетворительная оценка объясняется не тем, что было мало конспектов, а тем, что это были не те конспекты. Соответственно, в экономике кризис вызван не тем, что инвестиций мало, а тем, что они не туда шли. А ошибки в инвестировании были совершены в период кредитной экспансии, которая является результатом деятельности центрального банка. В своей книге «Провалы новой экономической теории» Г. Хазлит писал:

«Хотя в моей книге я тщательно проанализировал “Общую теорию” Кейнса: теорему за теоремой, главу за главой, а иногда даже фразу за фразой — чем, вероятно, утомил некоторых читателей, — мне не удалось найти в ней ни одной важной мысли, которая была бы одновременно истинной и оригинальной»²⁰¹.

²⁰¹ Henry Hazlitt. The Failure of the New Economics. NY: Van Nostard Company. 1959. P. 6.

ПРИЧИНЫ УСПЕХА МАСТЕРА

В чем же причина успеха теории Кейнса? Процитируем Мизеса:

«Чтобы понять и оценить успех “Общей теории” Кейнса в академических кругах, следует учитывать условия, сложившиеся в университетской экономической среде между двумя войнами. Из тех, кто занимал экономические кафедры в последние десятилетия, лишь несколько человек действительно были экономистами, т.е. людьми, знакомыми с теориями современной субъективистской экономической теории. В учебниках можно было ознакомиться лишь с карикатурой на идеи экономистов классической школы и современных экономистов; там их называли “старомодными”, “ортодоксальными”, “реакционными”, “буржуазными”, “экономической теорией Уолл-стрит”. Преподаватели гордились тем, что окончательно отказались от абстрактных теорий манчестеризма и *Laissez Faire*»²⁰².

Таким образом, причина успеха Кейнса в том, что был запрос интеллектуалов на автора, который объяснил бы их веру во всемогущее государство.

Чиновникам нужен Мастер

В книге «Animal Spiritus, или Как человеческая психология управляет экономикой» Д. Акерлоф и Р. Шиллер показали, что людьми на рынке движет «дух жизнерадостности», люди реагируют иррационально, и это можно объяснить с помощью психологии. Должны быть созданы новые министерства и ведомства, которые будут управлять этим процессом. **Если у нас есть проблемы с бюрократией, значит, нужно создать министерство по борьбе с бюрократией.** Если бюрократии не становится меньше, создадим еще одно министерство и т. д.

И в конечном итоге, если проблема не решается, чиновники объясняют это тем, что государство недостаточно вмешивается в экономику.

Мизес писал, что экономическая теория до Кейнса — о том, что еще не было реализовано, она была проектом новых перемен:

²⁰² Mises L. Lord Keynes and Say's Law // The Critics of Keynesian Economics / Hazlitt, ed. P. 319. Впервые статья была опубликована в октябрьском номере журнала The Freeman за 1950 г.

«“Новая экономическая теория” лорда Кейнса — совсем иной случай. Он проповедовал ровно ту экономическую политику, которую уже проводили почти все правительства, в том числе правительство Великобритании, за много лет до того как была опубликована “Общая теория”. Кейнс не был ни новатором, ни сторонником новых методов управления экономикой. Он предоставил обоснование для той экономической политики, которая уже была популярна у правящих кругов, несмотря на то что все экономисты считали ее разрушительной. Он предоставил рациональное основание для той политики, которая уже проводилась»²⁰³.

Теория Кейнса — это попытка подстроиться под политическую конъюнктуру. Хайек писал, что ему трудно опровергать Кейнса, так как каждые пять лет он придумывает новую теорию, опровергающую предыдущую. Так и в нынешних работах кейнсианцев идет спор о том, что же Кейнс на самом деле имел в виду.

Кейнс, несомненно, был яркой личностью, но вклад в экономическую теорию не внес. Хайек писал:

«Настолько разносторонним он [Кейнс] был, что если пытаться оценить его как человека, почти несущественной кажется мысль о том, что экономическая теория его была и неверна, и опасна. Если принять во внимание, насколько малую долю своего времени и энергии он посвящал экономике, его влияние на нее и сам факт, что его будут помнить в основном как экономиста, представляются столь же поразительными, сколь трагичными. Все, кто его знал, помнили бы его как великого человека, даже если бы он ничего не написал по экономике»²⁰⁴.

²⁰³ Mises L. Stones into Bread, The Keynesian Miracle // The Critics of Keynesian Economics / Henry Hazlitt, ed. 2nd ed. Irvington-on-Hudson, N. Y.: Foundation for Economic Education, 1995. P. 313. Впервые статья была опубликована в марттовском номере журнала. Plain Talk за 1948 г.

²⁰⁴ Майбурд Е. М. От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей (выпуск второй). Ганновер: Семь искусств, 2017. С. 311.

ГЛАВА 13

ОТ КЕЙНСА ДО ХАЙЕКА

Великий спор — это все еще полемика Кейнса и Хайека. Все остальное примечания. Экономисты онутали этот спор сверхсложной математикой, но в основе — один и все тот же вопрос.

Марио Риццо

Двадцатое столетие стало веком полемики между Кейнсом и Хайеком. В частности, так описана история XX века в книге и одноименном документальном фильме «Командные высоты». Век начался как период триумфа международной торговли, капитализма и стабильных денег, как период либерализма. Первая мировая война вызвала сдвиг влево, идеи Кейнса и других интервенционистов были господствующими до stagflation 1970-х годов.

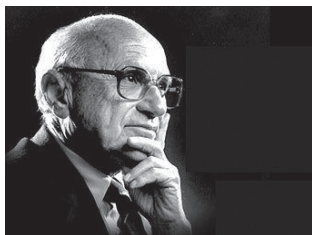
Кризис централизованного планирования, кейнсианства и «социального государства» породил реформы Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, а также привел к краху советской плановой экономики. Об этом предупреждал Хайек в 1944 году в «Дороге к рабству», именно Хайек на протя-

жении всего XX века почти в одиночестве продолжал отстаивать принципы свободного рынка и индивидуализма. Хайек дожил до того, как сбылись его предсказания: мир отказался от коллективизма и централизованного планирования. В 1992 году спор между Хайеком и Кейнсом закончился. Мир принял идеи Хайека.

Как оказалось, ненадолго: огосударствление экономики продолжилось в 1990–2000-е, что привело к мировому кризису, который начался в 2007 году и вызвал рост популярности левых идей и этатизма. Политика ведущих стран стала вновь интервенционистской.

В этой главе будет рассмотрен период с 1936 года (выход в свет «Общей теории» Кейнса) до 1992 года (когда не стало Хайека). Этот период породил множество школ и направлений. Мы остановимся на наиболее значимых.

ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА

Считается, что чикагская школа (М. Фридман, Дж. Стиглер) была школой свободного рынка. Действительно, если судить по их риторике, то они заявляли о своей приверженности идеям свободного рынка. Но если посмотреть на их экономические работы, мы увидим множество видов интервенционизма, которые они допускали и одобряли.

Многое в монетаризме М. Фридмана роднит его с кейнсианской макроэкономикой²⁰⁵:

²⁰⁵ Такие экономисты, как Милтон Фридман, Джеймс Бьюкенен и Рональд Коуз, хотя «не считали особо ценными его работы в области экономической теории», были о Хайеке высочайшего мнения. В этом корень противоречий современных сторонников мейнстрима — они берут риторику свободы и дополняют ее теорией интервенционизма.

1. Агрегатный подход

Фридман, как и кейнсианцы, полагал, что существует причинная связь между такими агрегатами, как «инфляция», «безработица», «экономический рост». Фактически это означало использование холистического подхода, неприемлемого в корректной экономической теории.

2. Позитивизм

Как и интервенционисты, Фридман отвергал априорно-дедуктивный метод Мизеса, равно как и его прагматику. Использование эконометрики и прочей метромании вызывало восторг у Фридмана. У него был механистический взгляд на денежную теорию. Фактически он игнорировал факт влияния инфляции на относительные цены²⁰⁶ и теорию экономического цикла австрийской школы. Он опирался на анализ кривых безразличия, которых в действительности не существует. Он был сторонником интервенционизма по правилам.

3. Отрицание теории капитала австрийской школы

Хайек после Второй мировой войны работал в Чикагском университете на факультет философии. Монетаристы сочли, что он не достоин работать на экономическом факультете. Фридман позже говорил, что он поклонник Хайека, но не его экономической теории (ему нужен был образ героя, сам же он под знаменами Хайека продвигал интервенционистские программы).

Следует отметить, что у Фридмана есть публицистические книги «Капитализм и свобода», «Свобода выбирать», в которых, в частности, высказываются идеи взаимосвязи экономической и политической свободы.

Интервенционистские взгляды Фридмана изложены в труде «Монетарная история Соединенных Штатов». В ней он рассматривает причины Великой депрессии. Перед тем как наступила Великая депрессия, ФРС увеличивала денежную массу, но причина кризиса, по мнению Фридмана, в том, что ФРС повысила процентную ставку, чем вызвала кризис. Если напечатано много денег, последуют два варианта развития событий. Либо ФРС напечатает еще денег

²⁰⁶ Вспомним эффект Кантильона: вначале получают одни, потом другие, эмиссия денег влияет на структуру цен, а у Фридмана не объясняется, как конкретно изменяются цены под влиянием эмиссии и как изменяется структура капитала.

и получит гиперинфляцию, либо перестает печатать, тогда произойдет корректировка ошибочных инвестиций. Проблема наступила не тогда, когда стали «трезветь», а когда «напились». Таким образом, причина кризиса у монетаристов объяснена неправильно.

В 1941 году Милтон Фридман был одним из самых ярких кейнсианцев, работающих в Министерстве финансов. Он говорил: «Из всех мер самой важной является налогообложение»²⁰⁷.

Среди других он называл регулирование, нормирование цен, контроль за потребительскими кредитами и продажу военных облигаций. Главный труд его был посвящен 50-летию создания ФРС, он вышел в свет в 1963 году. Глава ФРС получил «подношение» в виде толстой книги, где дана «правильная формула», которую следует использовать для правильного регулирования.

Фридмана часто рассматривают как сторонника *Laissez Faire*, это, конечно, не так, он плыл в мейнстриме. У Фридмана присутствуют традиционные элементы мейнстрима: экстерналии, информационная асимметрия и прочие «провалы рынка». Г. Г. Хоппе так оценивает работы Фридмана:

«Еще в 30-х и 40-х годах чикагская школа считалась школой левого направления и считалась, надо сказать, справедливо. Фридман тогда обосновывал необходимость центрального банка и бумажных денег, выступая против золотого стандарта. Он искренне разделял принципы перераспределяющего государства, государства благосостояния, когда выдвигал свои предложения о гарантированном минимуме дохода (система так называемых отрицательных налогов), на уровень которого он не накладывал никаких ограничений. Он защищал принцип прогрессивного налогообложения дохода, стремясь достичь максимально возможного уравнивания богатства. Он участвовал в разработке концепции и практическом воплощении системы налогообложения дивидендов. Фридман поддержал идею, в соответствии с которой государство может вводить налоги для финансирования производства благ, имеющих положительные экстерналии, или таких, про которые оно думает, что они могут иметь этот эффект. Это означало, что нет ничего такого, что государство не могло бы начать производить, финансируя это производство из налогов.

²⁰⁷ Назар С. Путь к великой цели. М.: АСТ, 2014. С. 492.

Сегодня, полвека спустя, чикагская школа, не изменив существенно своих взглядов, считается школой правой, защитницей принципов свободного рынка. Более того, считается, что именно это направление в экономической науке является пограничным, отделяя респектабельных правых от правых экстремалов»²⁰⁸.

В 1949 году Мизес столкнулся с Фридманом на семинаре Общества Мон-Пелерен, после очередного доклада он хлопнул дверью и заявил: «Все вы здесь — кучка социалистов». Фридман изобразил эту сцену как чудачество старого либерала, который называл социалистами таких прогрессивных либералов, как он сам. При этом ровно в том же году он презентовал свою идею отрицательных налогов (форма этатизма, или социализма).

М. Олсон был не прав

Кое в чем он был, конечно же, прав. Он ввел понятие «стационарный бандит» и «бандит-гастролер», показав, что государство проходит через стадию «гастролера» и становится «стационарным». То есть от набегов на территорию переходит к тому, что один из бандитов-гастролеров побеждает и становится стационарным бандитом — начинает заботиться о территории, которая теперь принадлежит только ему, и уничтожает других бандитов-гастролеров.

Не прав же он был в том, что стационарный бандит грабит меньше, чем бандит-гастролер, напротив, логика конкуренции толкает его именно к тому, чтобы усилить грабеж после того, как будут побеждены конкуренты. В самом деле, зачем тогда уничтожать других конкурентов? Видимо, поэтому история показала, что государства способны на неменьшую кровожадность, чем шайки бандитов.

Оба типа бандитов обществу невыгодны.

Р. Коуз и Law & Economics

Если человек, предупрежденный, что в его будущем доме расположен ночной клуб, купил в этом доме квартиру, вправе ли владелец требовать компенсацию за шум? Возможны два ответа:

²⁰⁸ Хонне Г. Естественные элиты, интеллектуалы и государство. <http://www.sapov.ru/novoe/n07.html#1>

1. Так как ночной клуб порождает экстерналии, то он должен их компенсировать, тогда произойдет интернализация экстерналий (так полагал Р. Коуз).

2. Так как покупатель знал об этом, рынок уже вложил в цену квартиры те качества, которые делают ее менее привлекательной. Владелец клуба ничего не должен владельцу квартиры (так полагал Г. Хоппе).

Если мы становимся на первую позицию, то тогда у нас нет частной собственности. Ведь любая частная собственность порождает экстерналии. Таким образом, концепция Р. Коуза и Law & Economics являются формой коллективизма и этатизма.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Пожалуй, наиболее интересным и важным направлением, которое появилось в XX веке, стала Теория общественного выбора, которая стала рассматривать политические процессы на основе методологии экономической теории. Эта наука стала экономической теорией политических процессов. Основоположник данного направления Дж. Бьюкенен предложил смотреть на политику без романтики. То есть рассматривать поведение политиков и чиновников как субъектов, стремящихся к собственной выгоде, а не к «общему благу».

Наиболее важные предпосылки этой теории:

1. Методологический индивидуализм. Существуют только конкретные люди с их личными интересами.

2. Политики и чиновники являются Homo Economicus, т. е. они не являются филантропами: их заботит политическая рента, которая может им доставаться в материальной форме, а может в форме удовлетворения их «воли к власти».

3. Политика как обмен. Политика — это особый тип рынка, где торгуют привилегиями и обмениваются правами на насилие. Одни группы интересов обмениваются с другими административными ресурсами.

Группы интересов за счет лоббизма и лоббизм перераспределяют в свою пользу ренту за счет государства. Фактически в этом суть любого государства. Так как жить

за чужой счет и быть монополистом крайне выгодно, то государство стремится расширить свои масштабы и стать государством-Левиафаном. Реальная политика выглядит как борьба групп интересов. Разные группы используют два механизма, чтобы выиграть на политическом рынке: лоббирование — торговля голосами, когда предлагается закон, не тот, который необходим, а тот, который помогает выиграть на выборах; лоббизм — оказание давления на органы государственной власти со стороны общественно-политических групп с целью принятия выгодных законодательных актов и политических решений.

Поиск ренты политиками совершается за счет увеличения норм регулирования. Скажем, вы хотите отсечь малых игроков на рынке — тогда лоббируйте закон, который потребует увеличения издержек. Если вы являетесь крупным вузом, потребуйте, чтобы все статьи переводились на английский язык, — ваш бюджет это позволит. Остальные уйдут с рынка, а вы займете их место. Так вы зарабатываете «политическую ренту».

Политики не зарабатывают доходы, они их перераспределяют. Поэтому задача бюрократии — максимизация бюджета ведомства. Для этого нужно увеличивать штат бюрократов и создавать за счет новых законов новых нарушителей закона. Тогда под это дело можно получить новое финансирование.

Бьюкенен и Таллок полагали, что решить проблему можно за счет конституционного ограничения размеров государства. Это самая слабая часть их теории. Почему какая-то бумажка заставит отказаться Левиафана от своих интересов? **Государство расширяет свои размеры до тех, которые ему позволяет общество**²⁰⁹.

²⁰⁹ Бьюкенен писал о миссии экономистов быть просветителями: «Экономика играет дидактическую роль. Как дисциплина, или область исследования, она обладает общественной ценностью, предлагая понимание принципов порядка, возникающего из децентрализованного процесса, спонтанной координации (классический пример — рынок). Такое понимание необходимо перед серьезным решением об альтернативных формах социального порядка или даже альтернативных направлениях граничного расширения. Принципы порядка, о которых учит экономика, никоим образом не «естественны» для человеческого ума, который в неведении своем преубежден в сторону примитивного коллективизма». См.: Майбурд Е. М. От пророков до профессоров: погружение в мир экономических идей. Ганновер: Семь искусств, 2018. Т. 3. С. 334.

Профессионализация экономического сообщества

В XIX веке не было кафедр политической экономии. Людям, которые занимались вопросами экономики, было по-настоящему интересно свое дело. В конечном итоге они видели ценность своих идей в том, чтобы они сами и их соотечественники могли не допускать ошибок в экономике. Это было средством самозащиты общества от государства. Сейчас же профессионализация означает, что экономист должен найти заказчика. Заказчиком почти всегда является государство. Поэтому экономисты предлагают различные мероприятия по оптимальному регулированию экономики. Они становятся специалистами по интервенционизму.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Самая последняя мода среди экономистов — поведенческая экономика. За нее получил в 2017 году Нобелевскую премию Ричард Талер. Идея ее очень проста: человек иррационален! Государство должно «подталкивать» («наджигрывать») людей к правильному поведению.

Поведенческие экономисты сравнивают реальных людей с рациональным максимизатором *Homo Economicus* мейнстрима и приходят к выводу, что люди отличаются от этой абстрактной модели. Однако они принимают нормативную часть мейнстрима. Человек должен быть *Homo Economicus*! Его заставит быть таким государство.

Человек, конечно, совершает ошибки, что признает австрийская школа, не считая человека *Homo Economicus* (ему и не следует быть абсолютно рациональным, нормативная теория, близкая к идеям Хайека, разрабатывается Гигиренцером). Он обозначает такую рациональность как «экологическую», т. е. когда деятельность рациональна в данном социальном контексте.

Например, если врач говорит: «в 90% случаев после операции люди выживают» (на операцию соглашаются почти все) или «в 10% случаев люди умирают после операции» (на операцию большинство людей не соглашается), то связано это не с иррациональностью людей, а с тем, что пациент пытается

понять настрой врача: он хочет сказать, что операция имеет риск? или нет? В поведении людей нет иррациональности, они действуют в соответствии с «экологической рациональностью».

Исчерпывающая критика поведенческой экономики содержится в работах Р. И. Капелюшников²¹⁰.

За самих людей, в версии сторонников нового патернализма, будут принимать решения эксперты, хотя еще Мизес писал о том, к чему это неизбежно приводит:

«Чтобы решить, следует ли дать молодому человеку возможность получить подготовку и работать в интеллектуальной или художественной сфере, на помощь плановому органу может быть призван комитет экспертов. Однако подобная организация дела может воспитать только учеников, обреченных на попугайское повторение идей предшествующего поколения. Это создаст непреодолимые препятствия на пути новаторов, не согласных с признанным образом мыслей. Невозможно будет внедрить ни одно новшество, если его автор будет вынужден получать разрешение тех, от чьих методов и доктрин он хочет отказаться. Гегель не дал бы благословения Шопенгауэру и Фейербаху, а профессор Рау не благословил бы Маркса или Карла Менгера. Если наделить высший планирующий совет правом выносить окончательные решения по поводу того, что должно публиковаться, кто должен экспериментировать в лабораториях и кто писать картины и лепить скульптуры, а также, какие изменения в технологию следует внести, то не будет ни улучшений, ни прогресса»²¹¹.

МЕЙНСТРИМ

Мейнстрим как группа интересов возник в середине XX века после Второй мировой войны. В Америке были созданы университеты с экономическими факультетами, куда пошли известные экономисты. Сред них был П. Самуэльсон, один из лидеров академического и политического расширения мейнстрима.

У мейнстрима есть свойство мимикрировать в зависимости от политической ситуации. Мейнстримщики — это те, кто хочет получать много ресурсов от государства в зависи-

²¹⁰ Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: Высшая школа экономики, 2013. 76 с.

²¹¹ Мизес Л. Теория и история. Челябинск: Социум, 2001. С. 337.

мости от политической конъюнктуры. Поэтому изменения в мейнстриме вызваны внешними причинами. Соответственно, в зависимости от моды содержание мейнстрима меняется. Главное, к чему стремятся представители мейнстрима, — сохранить ресурсы, власть. Поэтому логика Public Choice, которая описывает взаимодействие между политическими партиями, может быть перенесена на взаимодействие между мейнстримом и остальными школами.

Мейнстрим как социальный институт отсекает (маргинализирует) идеи ради своих интересов. Чем более последовательным в своих интересах является мейнстрим, тем менее важна теория и ее содержание. Мейнстрим стремится не к тому, чтобы выбрать какую-то определенную позицию, а чтобы максимизировать количество людей, «находящихся где-то посередине». То есть стремится максимизировать «политическую ренту».

Экономисты становятся все менее компетентными в экономической теории, экономической истории и истории экономической мысли. А именно это и есть настоящая наука.

Фактически мейнстрим является интеллектуальным банкротом, осталось дожидаться институционального и финансового краха.

Хотя можно и не ждать, а уже сейчас переходить на сторону австрийской экономической школы.

ГЛАВА 14

АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

*Надлежащая область изучения экономики —
это прежде всего тип отношений, в которые
люди входят спонтанно,
когда находят, что они наилучшим образом
достигнут своих целей,
двигаясь к ним опосредованно.*

Филипп Уинстид
«Здравый смысл политической
экономики»

Итак, это последняя глава «Ретроспективы экономической мысли».

Мы увидели истоки традиции этатизма: легисты, Платон, меркантилисты, историческая школа, марксизм, кейнсианство, современный мейнстрим.

Мы увидели корни традиции свободного рынка: Лао-цзы, Аристотель, Фома Аквинский, Кантильон, Сэй, Бастиа, Молинари. Эту линию венчает австрийская экономическая школа.

МЕНГЕР — ОСНОВАТЕЛЬ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Карл Менгер вел очень бурную личную жизнь, позднее он жалел об этом: стоило больше, как он полагал, отдать науке. В Вене Менгер был знаменит как автор пьес, многие из которых ставились на сцене. До тридцати лет работал финансовым журналистом. В тридцать один опубликовал книгу, от которой отсчитывают рождение австрийской экономической школы.

Он был воспитанником кронпринца Рудольфа, который покончил жизнь самоубийством из-за любовной истории. Интересно, что позже обнаружившиеся конспекты лекций по экономике для кронпринца не содержали революционную теорию Менгера, он излагал классическую теорию английской школы.

Хотя Менгер прожил долгую жизнь, после 1883 года и до 1923 года он ничего не написал. Менгер любил рыбалку, которой, как и всему, отдавался со страстью. Его часто видели в венских кофейнях, где за чашкой кофе он отпускал колкие комментарии о текущей политике. Мизес полагал, что Менгер был убежден в бессилии изменить надвигающуюся эпоху. Истинная жизнь Менгера была в его книгах.

Карл Менгер совершил настоящий переворот в экономической теории и заложил основания субъективизма. Он не только описал рынок как ряд этапов человеческой деятельности (где существует причинная связь между целями и средствами), протекающих в условиях неопределенности, но и сформулировал закон предельной полезности, позволяющей завершить теорию ценности. Он описал рыночный процесс как реальный процесс, протекающий во времени, где за основу берется не вымышленный «рынок совершенной конкуренции», а реальный рынок.

Не меньшее значение имеет методологический труд Менгера. Он показал, что социальные науки имеют дело с особым видом фактов, которые включают ценности и убеждения людей, носящие субъективный характер. Игнорирование этого факта порождает фатальные ошибки в теории.

Менгер сформулировал задачу социальных наук как демонстрацию возникновения без общей воли важных

институтов — как результат человеческой деятельности, но не человеческих намерений.

БЁМ-БАВЕРК: ТЕОРИЯ КАПИТАЛА И ПРОЦЕНТА

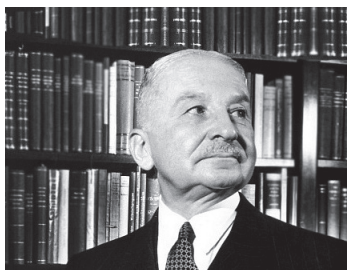
Ойген фон Бём-Баверк, ученик Менгера, трижды был министром финансов Австро-Венгрии, где ввел золотой стандарт. Его семинар считался наиболее важным в начале XX века, на нем выступали такие звезды экономической мысли, как Шумпетер и Мизес. Экономисты, и не только они, приезжали в Вену, чтобы побывать на его семинаре. Побывал на его семинаре и Николай Бухарин, после чего написал «Политэкономия рантье» (учение австрийской школы он не принял, что не помогло ему выжить в советские годы: Сталин уничтожил наиболее умного члена партии).

Бём-Баверк заложил основы теории капитала и процента, очень важные для понимания природы рыночной экономики. Он не только показал противоречия, содержащиеся в теории Маркса, но и объяснил капитал как межвременную структуру промежуточных благ, имеющую телеологический характер. Он показал то, как сбережения влияют на «окольность» производства. Кроме того, он предложил три причины объяснения процента. В дальнейшем австрийская школа благодаря Мизесу показала, что достаточно одной причины — межвременного предпочтения.

Большое значение для дальнейшего развития австрийской экономической школы имеет шведский экономист Кнут Викаксель, который не только был предтечей тео-

рии общественного выбора, но и **разделил процентную ставку на естественную и рыночную**. Рыночная ставка может отклоняться от естественной за счет кредитной экспансии, что приводит к временному буму, за которым следует крах. В условиях равновесия естественная ставка равна рыночной. Кейнс отбросил экономическую теорию назад, когда отказался признавать между ними различие. Для него не было разницы: ставку установил рынок или ставка искусственно снижена благодаря действиям центрального банка.

МИЗЕС — ЛИДЕР АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Людвиг фон Мизес — вершина экономической теории. Его трактат 1949 года «Человеческая деятельность» — итог эволюции экономической мысли.

Мизес родился в Лемберге (современный Львов, Украина, тогда город находился на территории Австро-Венгрии). Учился в Венском университете у представителей исторической школы. В 1903 году, прочитав книгу Менгера, полностью изменил свой взгляд на предмет и метод экономической науки. Многие годы возглавлял Торговую палату в Вене. В 1920-е годы был, пожалуй, одним из наиболее известных в мире экономистов. Преподавал в Австрии и Швейцарии. В 1940-е годы вынужден был эмигрировать в США, где снова создал школу. Два самых известных его американских ученика — М. Ротбард и И. Кирцнер. Либертарианское движение в США опиралось на идеи трактата Мизеса. Но, конечно же, самым известным его учеником был Фридрих фон Хайек, увидевший воплощение идей Мизеса.

Однажды Хайек пришел к Мизесу с рекомендацией Визера. Мизес прочитал рекомендацию и внимательно посмотрел на Хайека: «Здесь написано, что вы очень талантливый молодой человек. Странно, почему же я тогда не видел вас на своем семинаре». Позже Мизес признавался, что, когда проводил семинары в Нью-Йорке, он в душе надеялся на появление нового Хайека.

Во время Второй мировой войны их отношения были очень теплыми. Хайек жил в Англии, а Мизес в США. Мизес нуждался в деньгах, которые имелись в Лондоне, но в то время существовал запрет на валютные переводы за границу. Они поступили так. Хайек снял деньги со счета, купил у букиниста два экземпляра первого издания «Богатства народов» Смита и полное собрание сочинений Бентама (огромные деньги) и отправил все это через океан. Мизес в Нью-Йорке, получив книги, сразу же пошел к букинисту и продал их. Так деньги были пересланы через океан, несмотря на законодательный запрет. **Друзей выручило хорошее знание экономической теории.**

Практически невозможно кратко описать вклад Мизеса в экономическую теорию, для этого **стоит прочитать все его книги**. Однако если все же попытаться, то:

1. Мизес разработал теорию экономического цикла австрийской школы, показывающей, как фидуциарные средства обращения и действия центрального банка порождают понижение ставки ниже естественного уровня и временный бум, завершающийся кризисом.
2. Мизес разработал теорию интервенционизма, показывающую, что «третий путь» в экономике между рынком и планом неизбежно заканчивается крахом.
3. Мизес разработал уникальную в своем роде политическую программу, которую изложил в книге «Либерализм»; она, будучи основанной на всем корпусе знаний экономической теории, показывает, что мир и рынок, а также сокращение размеров государства — необходимые средства для процветания.
4. Мизес создал прaksiологию — формально-логическую теорию человеческой деятельности, показав, что вся экономическая теория основывается на простом факте

человеческого выбора. Из этого факта дедуктивным путем можно вывести все основные положения экономической теории.

5. Мизес разработал эпистемологию социальных наук, показав, что поведение людей принципиально отличается от поведения материальных объектов и что методы естественных наук абсолютно не подходят для наук о человеческой деятельности. В теории (праксиологии и экономической теории) мы используем метод концептуализации, а в истории метод понимания. Человеческая деятельность основывается на способности наблюдать и понимать выбор других людей, способности собственного выбора, которой нет у материальных объектов естественных наук.
6. Наконец, Мизес показал, что экономический расчет невозможен при социализме, так как при отсутствии рынка капитала нет возможности для калькуляции прибылей и убытков, что порождает экономический хаос.

Песня кружка Мизеса

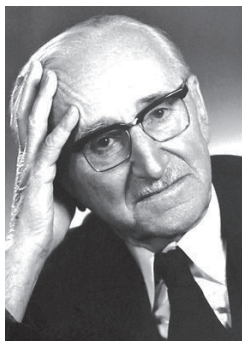
*Сегодня пятница, друзья мои, спешите,
Все к Мизесу на Privatseminar —
Пусть солнце майское в зените
И ароматами манит бульвар,
Но все ароматы увянут, поверьте,
Одна лишь истина не знает смерти.
Я к Мизесу иду сегодня непременно,
Чему я очень рад — нет больше места в Вене,
Где правду говорят и трезво мыслят.
Об экономике и обществе, и смысле,
Проблемы понимания, причины кризиса
Поймешь ты только в кружке у Мизеса.*

**И если хочешь истину найти,
Ты тоже должен к Мизесу прийти²¹².**

²¹² Хюльсманн Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013. С. 494.

ХАЙЕК И СПОНТАННЫЙ ПОРЯДОК

Хайек родился в аристократической австрийской семье, его отец и дед были выдающимися учеными-биологами. Естественные науки влекли его с детства. Но Первая мировая война заставила искать ответы на жгучие социальные вопросы. Как и многие молодые люди, он видел решение в социализме, но в 1922 году, прочитав трактат Мизеса «Социализм», он стал сторонником либерализма в политике и субъективизма в экономической теории. Хайек был удивительно эрудированным человеком: он глубоко разбирался в экономической теории, истории мысли, правовых доктринах, философии и психологии.

В 1931 году он прочитал триумфальные лекции в Лондонской школе экономики, куда его сразу же пригласили. Там же он познакомился с Кейнсом, который по своей аристократической привычке хотел «пройтись катком» по молодому экономисту из провинциальной Вены, но не смог... и уважал Хайека за его способность держать удар в кризисе.

Хайеку долго пришлось ждать победы. В 1930–1970-е идеи свободного рынка были крайне непопулярны, на него смотрели как на «великолепного динозавра». Правда, в 1944 году, когда вышла в свет «Дорога к рабству», наиболее важная книга по политике в XX веке, он стал звездой.

Социализм тогда был крайне популярен на Западе, а идеи Хайека казались устаревшими и никому не нужными. Несмотря на враждебность коллег, Хайек продолжал отстаивать свои идеи.

В 1974 году он получил Нобелевскую премию по экономике, позже — медаль свободы из рук президента США. На его идеи опирались Тэтчер и Рейган, а многие реформаторы в Восточной Европе говорили, что его книги изменили их взгляд на мир. Хайек дожил до того, как рухнула плановая экономика Советского Союза и мир двинулся в сторону рынка. Теперь уже понятно, что Хайек был самым важным политическим мыслителем XX века, а его идеи продолжают вдохновлять новые поколения экономистов, философов, историков, политологов и людей с открытым взглядом на мир.

Хайек, так же как и Мизес, достоин того, чтобы все его книги были прочтены²¹³.

Если кратко описать его вклад, то:

1. Хайек развил теорию капитала австрийской школы и показал, как кредитная экспансия влияет на соотношение цен на конечную продукцию и на капитальные блага на разных стадиях экономического цикла.
2. Пожалуй, наиболее важное достижение Хайека состоит в том, что он разработал теорию спонтанных порядков²¹⁴, показав, что конкуренция является процедурой открытия нового знания; что сам рынок невозможен без использования «рассеянного знания», которое проявляется только в процессе индивидуального решения на рынке; что рынок — это огромная информационная система, где цены — это информационные сигналы, показывающие предпринимателям, куда направить свои ресурсы. Предприниматель — единственное лицо, способное добыть это «рассеянное знание», так как никаким образом его невозможно собрать в едином центре. Государство не способно заменить рынок своими планами.
3. Хайек предложил идею «частных денег», которая предвосхитила появления множества криптовалют. Хайек был

²¹³ Существует замечательная биография Хайека: Ebenstein A. Hayek: A Biography. NY. Palgrave, 2001.

²¹⁴ «Представление о человеке, сознательно созидаящем свою цивилизацию, происходит из ошибочного интеллектуализма, для которого человеческий разум — это нечто выходящее за пределы природы и обладающее знанием и способностью рассуждать, не зависящими от опыта. Но развитие человеческого разума — это часть развития цивилизации; именно состояние цивилизации в тот или иной момент определяет масштаб и возможности человеческих целей и ценностей. Ум никогда не способен предвидеть собственное развитие». Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. С. 45.

первым, кто показал, что конкуренция на рынке денег лучше монополии государства.

4. Хайек был одним из наиболее решительных критиков «смешанной экономики» и распределительной справедливости, показав, что за лозунгами «социальной справедливости» стоят группы особых интересов и что законодательство — это процесс, порожденный группами особых интересов. Их вовсе не интересуют вопросы справедливости, их деятельность всегда направлена на поиск ренты. Демократия не способна остановить расширение государства. Считается, что граждане достаточно компетентны, чтобы избирать своими лидерами лучших представителей, но недостаточно, чтобы самим решать свои собственные проблемы. Однако это ровно наоборот: «Ни одна система распределения государственных ресурсов, если она не связана неизменяемыми правилами, не избежит своей судьбы и рано или поздно превратится в инструмент организованных интересов»²¹⁵.

РОТБАРД: АНАРХО-КАПИТАЛИЗМ

Мюррей Ротбард мог родиться в России, если бы его родители не эмигрировали в США. Ротбард появился на свет в Нью-Йорке, где стал учиться на математика, а потом и на экономиста. Он познакомился с Мизесом, который вложил в своего ученика много сил. Ротбард был удивительной личностью, проявившей себя во множестве сфер. Он написал сотни статей и десятки книг по экономической теории и истории. Он активно, но не очень успешно занимался политической деятельностью. Он учредил Институт Мизеса в США и воспитал целую плеяду талантливых учеников.

Ротбард одно время состоял в кружке Айн Рэнд, но вышел из него (или был изгнан). Для Рэнд был неприемлем любой не согласный с нею человек, ее не устраивал анархо-капитализм Ротбарда. Рэнд любила на встречах кружка создавать культ имени самой себя. Так, было выдвинуто

²¹⁵ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.

требование, чтобы Ротбард развелся с женой, так как она является христианкой, что противоречит объективизму Рэнд. В его страхе перелетов Рэнд увидела неизжитый большевизм и потребовала, чтобы Ротбард прошел курс лечения. Ротбард покинул кружок Рэнд.

Мюррей Ротбард продолжил развитие австрийской школы. Являясь учеником Мизеса, он не только изложил весь корпус экономико-теоретического знания в трактате «Человек. Экономика. Государство», но и объединил его с доктриной гомстеда Джона Локка в целостную теорию анархо-капитализма. Ротбард показал, что для функционирования экономики государство не нужно. Все необходимые услуги может предоставить свободный рынок, в том числе услуги безопасности.

Пожалуй, никто другой не сделал в австрийской школе столько для исследования экономической истории. Это и труды по Великой депрессии, и по Прогрессивной эре, и по Колониальному периоду США (4 тома!), и по истории денежного обращения и банковского дела.

Конечно же, это и труд по истории экономических учений, без которого моя книга была бы невозможна.

ХОППЕ: «ДЕМОКРАТИЯ — РАЗВЕНЧАННЫЙ БОГ»

Ученик Ротбарда Ханс-Херман Хоппе не только продолжил дело своего учителя, но и развил его теорию в фундаментальный труд «Демократия — развенчанный бог»²¹⁶. В этой работе Хоппе показал, что демократия не является средством ограничения государства, это лишь новая стадия его экспансии. Неограниченная власть большинства ничем не лучше неограниченной власти диктатора. Решением является не стремление к демократии, а отказ от государственного регулирования и замена его естественным порядком. Как сказал Ньют Гингрич: «Мы заменили божественное право королей божественным правом самоуверенных групп».

²¹⁶ Hoppe H. Democracy: The God that Failed. London: Transaction Publisher. 2002.

Хоппе является одним из наиболее интересных критиков демократии:

«Как и предсказывала экономическая теория, с переходом от монархии к господству демократии с ее принципом “один человек — один голос” и с заменой короля народом дела пошли не лучше, а хуже. Цена правосудия выросла до астрономических размеров, а качество законов, законодательной и правоприменительной деятельности упало. Все свелось к замене частной государственной монополии монополией, находящейся в общественной государственной собственности. Создалась ситуация, известная как “трагедия общин”. Теперь каждый, а не только король, получил право предпринимать действия по захвату чужой собственности. Это породило три важные группы последствий. Во-первых, значительно выросла степень государственной эксплуатации посредством постоянного увеличения налогообложения. Во-вторых, упало качество правосудия. Это падение оказалось настолько глубоким, что сама идея закона как свода универсальных и неизменных принципов была подменена идеей закона как продукта нормотворческой деятельности (т. е. чего-то “сделанного”, а не “найденного”). Третьим следствием стало увеличение общественной нормы временных предпочтений: увеличение ценности настоящего в ущерб ценности будущего»²¹⁷.

Как пишут последователи Хоппе Карстен и Франк:

«Большинство грантов и субсидий получают группы особых интересов в парламенте. Только один пример: две пятых бюджета Евросоюза расходуется на субсидирование сельского хозяйства. Лоббистские группы ведут постоянную борьбу за гранты, льготы и рабочие места. Каждая стремится отхватить от общего пирога кусок побольше. В этой системе поощряются паразитизм, фаворитизм и раболепство, а личная ответственность и самостоятельность игнорируются. Банки, крупные корпорации, землевладельцы, публичные радиостанции, экологические движения и учреждения культуры получают многомиллиардные гранты и субсидии не потому, что они самые обездоленные и нуждающиеся, а потому, что находятся в прямом контакте с властью»²¹⁸.

Голосование не является средством получения того, что мы называем свободой:

«Свобода означает, что вы не обязаны делать то, чего хочет от вас большинство, а вправе сами решать, что делать. Как однажды сказал экономист Джон Т. Уэндерс:

²¹⁷ <http://www.sapov.ru/novoe/n07.html>

²¹⁸ <http://russian.beyonddemocracy.net/>

“Есть разница между демократией и свободой. Свобода измеряется не тем, что мы решаем путем голосования. Она измеряется спектром вопросов, которые мы решаем без голосования”²¹⁹.

Наконец, демократия не является единственной альтернативой диктатуре:

«Критиков демократии принято обвинять в симпатии к диктатуре. Это нонсенс. Диктатура — не единственная альтернатива демократии. **Если вы не хотите выбирать себе автомобиль демократически, путем всеобщего голосования, это не значит, что выбор за вас будет делать диктатор; это значит, что выбирать вы хотите сами**».

Теория административных рынков

На постсоветском пространстве (в России и Украине) появилась теория административных рынков как реакция на наблюдаемые попытки трансформации в сторону рынка. По сути то, что возникло на постсоветском пространстве, нельзя считать полноценным рынком, поскольку основные игроки так или иначе связаны с государством. Торг, который осуществляется на административных рынках, это торг за ресурсы, которые обмениваются на преференции. «Я назначу вашего друга своим замом, а вы примете закон, выделяющий деньги моей госкомпании». Хотя эта теория разрабатывалась для понимания того, как реально работала советская плановая экономика, она может многое объяснить и в западном мире.

Государство исторически существовало как институт, получающий от общества дань (как грабитель), переход к демократии привел к стихийной мимикрии института государства: дань превращается в налоги, которые обмениваются на общественные блага. Так картинка выглядит в «рекламе».

На деле государство также живет за счет дани, просто вместо четко определенной группы получателей она становится размытой. Демократия не означает исчезновения дани, она становится инклюзивной. То есть демократия создает новые административные рынки, где группы интересов торгуют привилегиями легально грабить других людей.

²¹⁹ Там же.

ОТВЕТ НА КРИТИКУ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Иногда встречаются критики австрийской школы, которые совершают ошибки в своих оценках:

1. Австрийская школа использует ненаучный метод, так как она отказывается от проверки своих гипотез

Это не так. В естественных науках используется как дедуктивный метод, так и индуктивный. В австрийской школе используются оба: прaksiология и экономическая теория основаны на дедуктивном методе (как науки логика и геометрия); экономическая история на индуктивном, как это делает в своих трудах по экономической истории М. Ротбард. Австрийская школа показывает, что без корректной дедуктивной теории невозможно корректное эмпирическое описание (теория предшествует истории). Именно корректной экономической теории нет в мейнстриме, зато она есть в австрийской школе.

Хотите опровергнуть австрийскую школу? Попробуйте! Только не забывайте, что ваши предпосылки и аргументы также будут подвергнуты критике. Хотите критиковать? Имейте непротиворечивую теорию! В этой книге показано, что все остальные теории имеют существенные противоречия²²⁰.

2. Того, о чем пишут австрийцы, никогда не было

Это не так. Австрийская школа утверждает, что любое общество (существовавшее или существующее) уже является либертарианским! В том смысле, что любое общество настолько возможно, насколько в нем принят принцип собственности, разграничение на «свое и чужое». Частные армии, здравоохранение, университеты, школы, общества взаимопомощи, частные космические проекты, связь, ви-

²²⁰ Карл Поппер, основоположник фальсификационизма, был гораздо умнее современных его последователей. Он не только вместе с Мизесом и Хайеком участвовал в заседаниях общества Мон-Пелерер, но и соглашался с Хайеком в том, что статус экономической теории является особым и требует более тонкого подхода. Собственно, его критика историцизма и марксизма во многом основана на идеях Хайека, а идея открытого общества тоже имеет много общего с его концепцией спонтанного порядка, хотя Поппер оставался во многом интервенционистом. Это характерно для позитивистов — у них априорная вера в сциентизм, и никакими научными аргументами ее невозможно уничтожить.

пипедия, криптовалюты (можно перечислять до бесконечности) — работают уже сейчас. Они существуют, так что это не утопия. В чистом виде либертарианские общества также встречаются: Ирландия жила более тысячи лет без государства, в Исландии также не было государства в нашем понимании. В XIX веке, самом успешном в истории человечества с точки зрения экономического развития, налоги были почти нулевыми. Так что австрийская школа предлагает не то, чего никогда не было. Нет, она предлагает то, что всегда было и что делало возможным социальный порядок. Нам надо лишь отказаться от государства, прежде всего «Убить дракона в себе!»

3. Австрийская школа отвергает математический метод, а ведь только он является научным

Это не так. Математизация не является гарантией научности: ее используют и в астрологии — и тем не менее вряд ли она наука. Убеждение в том, что математизация делает теорию научной, не более чем предрассудок. Если предпосылки теории ошибочны, если она противоречива, то не поможет никакая математическая пиротехника. «Шум на входе, шум на выходе». Чтобы защитить себя от противоречий, нужно знать специфику предмета, его историю, это защитит от пагубной самонадеянности сциентизма, полагающего, что все науки должны подражать физике. Не должны! Их задача не в том, чтобы понравиться физикам, а в том, чтобы найти истину. А ее нужно искать не там, где светло, а там, где потерл.

Вам доводилось сталкиваться с таким мнением: «если я иду в кабинет чиновника, меня выслушают с большим вниманием, если представлю математические модели и данные»?²²¹ Во-первых, ваша теория уже ошибочна, так как вы полагаете, что надо идти в кабинет чиновника. Ваши рекомендации в лучшем случае будут отвергнуты, в худшем — реализованы (но не так, как вы надеетесь — нужно знать азы

²²¹ Теория игр не решает экономико-теоретических проблем. По сути, это язык, который амбивалентен к интервенционизму. Его можно использовать как в обоснование интервенционизма, так и против него. Особенно пагубно теория игр действует на умы, невежественные в экономике, но считающие, что, раз они изучали математику, то что-то понимают в экономике. Как правило, они и в математике нули. См.: доклад Саввы Шанаева о теории игр на Лебедевских чтениях.

теории общественного выбора). Здоровые идеи будут отвергнуты, так как они противоречат интересам рентоискателей. Возможно, ваше здоровое предложение будет использовано как предмет тогда, когда в обмен на ваше предложение другая группа интересов потребует выгод себе (скажем, вы предлагаете либерализовать рынок образования — с вами соглашаются), но на административном рынке прием вашего законопроекта становится благодаря сделке с крупнейшими госвузами, которые модифицируют ваши предложения: они либерализуют ту часть рынка, которая им выгодна, но принимают новые ограничения, скажем, для небольших частных вузов. Во-вторых, то, куда вам действительно нужно идти, это к обычным людям: предпринимателям, потребителям, студентам. Если вы не можете быть полезны им, то принесете лишь вред, если постучите в дверь чиновника. В-третьих, прежде чем куда-то идти, нужно самому разобраться в теории: а все ли в ней правильно? Для этого нужно проверить теорию на непротиворечивость.

Что делать?

Если я вас убедил, то стоит прислушаться к идеям современной австрийской экономической школы. Она вовсе не является маргинальной. То, что нам действительно нужно сделать — это сделать как можно более доступным знание об австрийской школе. Нужно привлечь лучшие умы к ее преподаванию и исследованию. Если у вас есть средства, чтобы помочь в этом, вы просто обязаны это сделать! Если нет, тогда помогите себе — изучайте австрийскую экономическую школу!

У кого можно учиться? У Питера Беттке (США), Уэрта де Сото (Испания), Александра Новалева (Литва), Гвидо Хюльсманна (Германия), Энрико Коломбатто (Италия). У кого учиться в России, полагаю, вы знаете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВО И РЫНОК

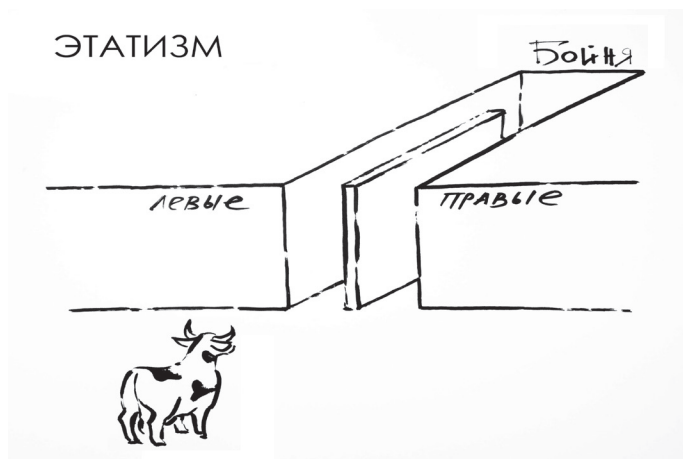
Эта книга начинается с обещания «посвящения» в историю экономической мысли. Надеюсь, я смог выполнить обещание, и теперь вы по-новому смотрите на экономику и политику. Собственно, одна из целей книги состоит в том, чтобы показать альтернативу существующему мейнстриму, рассказать о том, что такое традиция свободного рынка и как на протяжении веков и даже тысячелетий она боролась с традицией огосударствления экономики.

Вся история экономической мысли — это борьба каталлактической парадигмы и аллокационной парадигмы. Первая описывает экономику как систему, которая децентрализованно порождает из хаоса порядок. Вторая видит хозяйственную деятельность как процесс, который требует регулирования и распределения ресурсов с позиции диктатора (им может быть один человек, большинство или группа экспертов). Мы увидели, как развивалась каждая из этих парадигм на протяжении двух с половиной тысяч лет и к чему пришла современная экономическая теория.

Причина, по которой австрийская экономическая школа имеет сегодня первостепенное значение, состоит в том, что это единственная школа, способная предоставить ключи

для понимания современных проблем. Без нее мы подобны кораблю без компаса и ветрил.

Хотя нет недостатка в различных трактовках современных проблем, которые предлагают СМИ, интеллитуалы и обыватели, все они рассматривают проблемы экономики через определенную призму. На нас незаметно надевают шоры, которые ограничивают наш выбор и позволяют манипулировать нами. Кажется, что это очень разные проекты изменений, но на деле они отличаются скорее в деталях. В целом же нам предлагаются одни и те же идеи этатизма, но лишь в разной обертке: красной, зеленой, розовой или голубой.

Мы похожи на корову, которая здесь изображена. Нам задают вопрос: хотим ли мы больше государства или же мы хотим меньше государства? Ведь все варианты сводятся к тому, что одни предлагают регулировать внешнюю торговлю, другие — рынок денег, третьи — неравенство, четвертые — рынок труда, но все они рассматривают необходимость регулирования как нечто самоочевидное.

Австрийская экономическая школа показывает, что перед нами стоит выбор гораздо шире.

Понятно, почему так ставится вопрос: это следствие устройства современных политических систем, где демократическая процедура якобы учитывает интересы всех. На деле же она учитывает в лучшем случае интересы medianного избирателя, на которого оказывают влияние группы

интересов и чиновники. Им выгодно сузить горизонт наших возможностей, они продают нам «гаджет» с предустановленной программой этатизма, которая вшита так глубоко, что ее просто невозможно удалить из этого гаджета. Сохранение своей монополии на перераспределение и регулирование позволяет им заниматься поиском ренты.

«Юрьев день»

В эпоху крепостного права был день, когда крестьянин мог сменить своего хозяина, — Юрьев день. Мы так же можем сменить государство, ведь в отношениях между государствами царит анархия, но наши отношения с любым государством остаются отношениями раба и господина. Не так важно, как часто вы голосуете, суть от этого не меняется. Сегодня в Европе и США выбор предлагается между «большим государством» и «всемогущим государством», а если оно не справляется со своими функциями, предлагается усовершенствовать процедуру голосования. «Да, государственное регулирование провалилось, оно неэффективно, но нужно еще больше регулирования» — так звучит позиция этатистов.

Если мы посмотрим на весь перечень идей и средств, которые доступны человечеству и существуют на данный момент, их можно разделить, как и ранее, на левые и правые.

Если взглянуть на партии в Европе или в США, то все они в том или ином виде являются этатистскими партиями, т. е. партиями, которые предлагают механизм перераспределения богатства с помощью государства. Для всех этих партий и групп конкретное правительство может быть плохим или хорошим, но само государство — это для всех несомненное благо цивилизации, надо лишь выбрать правильную процедуру голосования. Правда, как показано в книге, с помощью совершенствования процедур мы не сможем обрести свободную экономику и свободное общество. Провалы государства — вещь объективно неизбежная.

Альтернативы

Какие же альтернативы нам сегодня предлагаются?

После кризиса американской финансовой системы, мирового кризиса, рецепты предлагались тремя группами: социалистами, сторонниками ограниченного социализма

или либералами, консерваторами, которые были за рынок (Рейган и Тэтчер), но по факту их политика отличалась от заявленной.

Во времена Рейгана не было ни одного года, когда бы сократились налоговые доходы, и ни одного года, когда сократились бы государственные расходы. Более того, за время правления Рейгана значительно увеличился размер государственного долга. Можно ли сделать вывод, что Рейган повинен в «неолиберализме»? Конечно же, нет!

Если вы услышите слово «неолиберализм», дальше можете не слушать. После этого слова вы получите представление о том, что все наши проблемы были порождены нерегулируемым капитализмом, жаждой наживы, когда все идет на продажу: совесть, мораль, человеческое тело. Интересно, кто же проповедует такую теорию? Рейган? Так ведь он расширял государственные расходы... Хайек ратовал за отказ от морали? Ни в одной книге об этом и слова нет...

Откровенно говоря, сторонники классического либерализма не представлены в нынешней политической системе. Их критика «социального государства» малоизвестна.

Наиболее распространенная позиция выглядит так.

Идеальное государство есть то государство, где чиновники не думают о себе (чиновники, которые стремятся к тому, чтобы ничего не положить себе в карман, даже заработную плату). Таких чиновников никогда не существовало, но даже если бы они были, они привели бы нас к ситуации, что государство ровно столько дает обществу, сколько забирает, и оно в принципе не способно дать больше, чем берет.

По факту государство работает не бесплатно, оно снижает экономическую эффективность в обществе. Есть два экономиста, которые провели исследования того, как влияет рост государственных регуляций на благосостояние американцев. Они измерили ВВП с 1949 по 2011 год и выяснили, что если бы государство сохранило федеральные регуляции на том уровне, который был в 1949 году, то благосостояние Америки составляло бы не 15 триллионов, а 54, т. е. почти вчетверо больше, — и это цена государства. Более того, если взять конкретно тот или иной доход семьи, мы увидим, что средний доход на семью составил 53 тысячи долларов в год. Если бы нормы регулирования не вообще

исчезли, а просто их было бы столько же, то благосостояние на душу населения составило бы 330 тысяч долларов. То есть **средняя семья в Америке жила бы в шесть раз богаче, если бы государство не вмешивалось в экономику**²²². И эта страна с такой системой, которая называется демократической!

А что говорить о тех странах, где государство неподотчетно обществу? Оно может забирать еще больше — такова цена государства, и это неизбежная плата.

Реальный выбор

Какой реально выбор стоит перед нами? Когда мы говорили о корове, которая выбирает, куда пойти, она не видела, между чем выбирает. У нее был выбор: интервенционизм или социализм. То есть либо мы будем регулировать экономику полностью, либо частично. На самом деле интервенционизм приводит к тем же самым результатам, но окольным путем, поэтому выбор в долгосрочном периоде, который нам следует осознать, это либо концепции свободного рынка и капитализма, либо социализм, ведущий нас к разрушению экономики.

«Австрийская» альтернатива

Преимущество австрийской школы состоит в том, что она выстроила систему знания, начиная с самого первоначального уровня, с теории деятельности и заканчивая объяснением того, к чему приводит государственное вмешательство в экономику на уровне социализма или же интервенционизма. Это сильно отличает систему от той, которая существует на данный момент в любом учебнике по микроэкономике, потому что там есть набор инструментов, где все элементы перемешаны и логически не выстроены.

В книге «Право, законодательство и свобода» Хайек показывал разграничение между процедурной и распределительной справедливостью. Процедурная справедливость — это когда соблюдены правила игры, распределительная — это когда у одних больше, у других меньше, а если у вас боль-

²²² Dawson J., Seater J. Federal Regulation and Aggregate Economic Growth // Journal of Economic Growth, 2013 (vol. 18). P. 137–177.

ше, чем у других, вы должны поделиться. Причем нет никаких критериев, начиная с какого момента можно так делать и в какой момент мы разрушаем наш капитал настолько, что дальше эта система функционировать не может. Но если люди убеждены в том, что нужно регулировать сам процесс, то мы придем к тому, что законодательство, которое по идее должно защищать людей, на самом деле расширяет власть государства.

Хайеку принадлежат знаменитые слова по этому поводу: «Оставить закон в руках выборных представителей — все равно что поручить кошке стеречь кувшин со сметаной. От законов в руках выборных представителей ничего не останется — во всяком случае от законов, ограничивающих полномочия правительства»²²³.

Когда мы говорим о переходе от нынешней системы к рынку, возникает очень интересная аналогия, в свое время та же ситуация с выбором была в Англии в XIX веке. Мы уже говорили о Кобдене и Брайте, которые боролись с таможенными пошлинами в Англии в XIX веке. Кого прежде всего защищали таможенные пошлины? Они защищали землевладельцев, которые состояли в парламенте.

Григорий Сапов пишет об этом:

«Когда Кобден сотоварищи пробивали отмену пошлин на ввоз в Англию зерна, стоял вой землевладельцев: ах, как же мы будем жить, не выращивая нашу рожь! Прошло несколько лет после радикального понижения и отмены (закон 1846, вводился в действие с февраля 1849 года) этих пошлин. Землевладельцы процветали — жизнь подсказала, что ячмень сеять гораздо выгоднее, т.е. спрос на пиво устойчиво растет, коррелируя с ростом уровня жизни, — спрос на мясо и овощи рос вслед за уменьшением расходов бедных классов на хлеб, который подешевел вследствие открытия внутреннего рынка для более дешевого и качественного ржаного зерна из России и Швеции»²²⁴.

Мы находились в одном состоянии равновесия, где у нас имелась одна ценность труда и земли, когда мы открыли свободный рынок, предприниматели нашли способ сделать более ценной землю, которая была в том числе в руках землевладельцев, и мы перешли от одного равновесия к другому.

²²³ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 355.

²²⁴ Фрагмент из неопубликованной на данный момент книги.

«Психологу эта ситуация знакома: как убедить ребенка отпустить ножку стула и пройти три метра до ножки стола, за которую можно уцепиться так же надежно или даже еще надежнее!»²²⁵.

Для описания положения дел на постсоветском пространстве мы можем по аналогии представить ребенка, который говорит: «Нет, помните, я попробовал в 1990-е годы и упал? Было больно, не буду пробовать снова! Не пытайтесь меня уговорить, что там есть стол и я могу до него дойти. Это все вранье. Вон социалисты и прочие говорят, что я пойду и снова упаду! Нет, ни одного шага к рынку! Мы попробовали и не смогли, поэтому я буду держаться двумя руками за стул».

Верными остаются слова Л. фон Мизеса: «Расцвет человеческого общества зависит от двух факторов: наличия интеллектуальной мощи выдающихся людей, чтобы создать и постичь разумные социальные и экономические теории, а также способности этих или других людей сделать эти идеологии приятными для большинства»²²⁶.

Четыре типа экономических теорий

Мы все неизбежно делаем выбор между четырьмя типами экономических мировоззрений: марксизм, кейнсианство, монетаризм и австрийская школа.

Марксизм делает акцент на ограничении экономической свободы, Кейнс также противник свободы в экономической сфере, Фридман чуть менее, представители австрийской школы — последовательные сторонники свободы. Нынешний мейнстрим находится где-то посередине между Фридманом и Кейнсом. Это означает, что если вы придерживаетесь идей этатизма, то и общество будет этатистским и неизбежно бедным.

Бедность означает не только материальную бедность, это означает сокращение количества средств, которые есть в обществе, и тогда вы удовлетворяете меньше потребностей, в том числе и «духовных».

В основании австрийской экономической школы лежит теория человеческой деятельности Л. фон Мизеса и рыночного процесса Ф. фон Хайека. Австрийская школа ратует за максимальное использование потенциала конкуренции, т. е. за максимально возможную экономическую

²²⁵ Там же.

²²⁶ Мизес Л. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012. С. 811.

свободу. Современные представители австрийской школы, работающие на фронте экономических идей, показывают нам перспективы общества без государства.

Когда австрийская школа говорит о том, в каком направлении мы могли бы двигаться, она рассматривает ту точку, где мы находимся и где мы были, а также ту, где мы можем оказаться. Мы можем либо снова попробовать идти по «дороге к рабству» и получить все последствия от этого решения, либо воспользоваться своим разумом и не делать этого, а изменить наше мировоззрение и двинуться по «дороге к свободе». Сделаем мы это или нет — зависит от нас.

Как пишет современный испанский экономист Хесус Уэрта де Сото:

«Наше единственное оружие в борьбе против этой опасной склонности человеческого мышления [к этатизму], склонности, которая проявляется вновь и вновь, — это разработанная теоретиками австрийской школы гораздо более реалистичная, плодотворная и гуманистическая методология, которая, будем надеяться, в дальнейшем сможет оказывать все большее влияние на развитие экономической науки»²²⁷.

Именно такая попытка — дать интеллектуальное оружие против этатизма — совершается в «Трилогии свободы», которая состоит из книг «Наука о богатстве», «Ретроспектива экономической мысли» и «Будущее денег».

«Ретроспектива» начинается с истории Людвиг фон Мизеса, который в двадцать лет прочел книгу, изменившую его жизнь.

Возможно, и эта книга так же изменит вашу?

²²⁷ Уэрта де Сото. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007. С. 165.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

11 ТЕЗИСОВ

УСАНОВА

1. Науки о человеческой деятельности радикально отличаются от естественных наук. Поэтому и их метод должен также быть иным.

2. В науках о человеческой деятельности речь идет о субъективных (существующих только в голове) ценностях и убеждениях, которые лежат в основе деятельности.

3. Существует такое явление, как выбор. Выбор определяется замыслом. Стремлением достичь определенной цели с помощью наиболее подходящих средств.

4. Выбирая, человек обменивает менее удовлетворительное положение дел на более удовлетворительное, как он сам его понимает.

5. Добровольная деятельность приводит к выбору наиболее подходящих целей и средств.

6. Насилие над человеком ограничивает или уничтожает его способность ставить цели и их достигать.

7. Добровольный обмен основывается на стремлении к взаимному выигрышу.

8. Этот выигрыш не всегда достигается, но в процессе проб и ошибок устанавливаются такие практики, которые приводят к желаемым результатам.

9. Любое государственное вмешательство разрушает механизм, описанный в п. 8.

10. Нет такой деятельности, которую люди не могут с пользой для себя осуществлять без государства.

11. Осознание п. 1–10 (и 11!) требует глубокого знания экономической теории, экономической истории и истории экономической мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	6
ВВЕДЕНИЕ.	10
ГЛАВА 1	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ.	28
ГЛАВА 2	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.	39
ГЛАВА 3	
ДРЕВНИЙ РИМ.	90
ГЛАВА 4	
СРЕДНИЕ ВЕКА. ХРИСТИАНСТВО И ЭКОНОМИКА.	106
ГЛАВА 5	
МЕРКАНТИЛИСТЫ И ФИЗИОКРАТЫ.	133
ГЛАВА 6	
ДЖ. ЛОКК: ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ.	152
ГЛАВА 7	
КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.	161
ГЛАВА 8	
ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ.	172
ГЛАВА 9	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАРЛА МАРКСА.	196
ГЛАВА 10	
МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.	225
ГЛАВА 11	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ТРАДИЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ.	245
ГЛАВА 12	
КЕЙНС И МАКРОЭКОНОМИКА.	256
ГЛАВА 13	
ОТ КЕЙНСА ДО ХАЙЕНА.	266
ГЛАВА 14	
АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА.	276
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ГОСУДАРСТВО И РЫНОК.	291
ПРИЛОЖЕНИЕ:	
11 ТЕЗИСОВ УСАНОВА.	299

Готовится к выходу в свет
третья книга
ТРИЛОГИИ СВОБОДЫ

Павел Усанов

БУДУЩЕЕ ДЕНЕГ

УСАНОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ

РЕТРОСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

от Древней Греции до современности

Редактор Светлана Волкова

Корректор Ольга Смирнова, Людмила Киреева

Верстка Юрий Костицин, Светлана Шачнева

Обложка Ярослав Селезнев

Настоящее издание не имеет возрастных ограничений,
предусмотренных Федеральным законом РФ «О защите детей от инфор-
мации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (№ 436-ФЗ).
Охраняется законом РФ об авторском праве.

Издательство «Страта»

195112, Санкт-Петербург, Заневский пр., 65, корпус 5

Тел.: +7 (812) 320-56-50, 320-69-60

www.strata.spb.ru e-mail: info@strata.spb.ru

Подписано в печать 08.10.2018

Тираж 3000 экз.

ТРИЛОГИЯ СВОБОДЫ

Павла Усанова —
интеллектуальное оружие
против этатизма:

- НАУКА О БОГАТСТВЕ
- РЕТРОСПЕКТИВА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
- БУДУЩЕЕ ДЕНЕГ

Новая книга Павла Усанова — очерк истории экономической мысли, написанный с позиций сторонника идей Л. Мизеса и Ф. Хайека. Это совсем не скучное и не сухое, а чрезвычайно увлекательное повествование. Павел Усанов показывает, что история экономической мысли развивалась нелинейно и что в схватке идей победителями далеко не всегда выходили теории, предлагавшие лучшее объяснение экономической реальности.

*Ростислав Напелюшников
д. э. н., член-корреспондент РАН,
профессор Высшей школы экономики (Москва)*

Если каной-либо стране в первую очередь необходимо изучать историю экономической мысли, то это именно Россия, потому что в 1917 году в российской истории что-то пошло не так. Если Россия когда-либо станет нормальной страной, ей предстоит освободиться от идеологии этатизма, которую олицетворял царь, а позже Советская власть, и открыть для себя то, что когда-то писали лучшие мыслители России, такие как Лев Толстой и либерал и правовед Василий Моклаков: что Россия, признающая верховенство права, может быть Россией свободного предпринимательства, на благо всех. Великие экономисты, как российские, так и западные, показали нам за последние два столетия, что экономическая свобода неизбежно ведет к росту благосостояния. Именно поэтому очень важна для российского читателя новая книга Павла Усанова «Ретроспектива экономической мысли».

*Дейдра Манкловски
профессор Университета Иллинойса (США)*

В истории экономической мысли отразились два типа социального устройства. Первый препятствует социальному паразитизму и способствует процветанию тех, кто более успешен в свободной конкуренции — кто предлагает другим людям более выгодные условия удовлетворения их потребностей. Оборотом, социальное устройство второго типа позволяет процветать социальным паразитам, доля которых в социуме исторически возрастает по мере роста производительности труда и которые ныне выступают под флагом «социальной справедливости». Именно историю этих конкурирующих типов можно проследить в «Ретроспективе экономической мысли», которую предлагает Павел Усанов.

*Владимир Четвернин
профессор Высшей школы экономики (Москва)*

9 785604 146378

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СТРІСТІ»